

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ РЕСПУБЛИКИ
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА И ЛИТЕРАТУРЫ ИМЕНИ Ч.АЙТМАТОВА**

На правах рукописи

УДК:821.512.154:82-2 (575.2) (043.3)

Эралиева Ырыс Сагынбековна

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ ЗАИРА МАМЫТБЕКОВА

10.01.01 - кыргызская литература

*Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук*

Научный руководитель: д.ф.н., академик Акматалиев А.А.

Бишкек- 2021

Введение.....	3
----------------------	----------

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА, В КОТОРОМ УЧАСТВОВАЛ З. МАМЫТБЕКОВ.

1.1 Заир Мамытбеков – видный представитель литературного процесса второй половины XX века.....	9
1.2 Историография манасоведения, литературной критики, осмоноведения, теории и практики перевода.....	12

ГЛАВА II. ЭПОС «МАНАС» В СОПОСТАВИТЕЛЬНО - АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ З. МАМЫТБЕКОВА

2.1 Ранние записи эпоса «Манас» в трактовке Заира Мамытбекова.....	41
2.2 Характеристика эпохи, отраженной в эпосе «Манас»	64
2.3 Идейно-эстетическое содержание и поэтика эпоса «Манас».....	77
2.4 Оценка культурно-исторической и познавательной ценности эпоса «Манас».....	90

ГЛАВА III. ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А.ОСМОНОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ З. МАМЫТБЕКОВА

3.1 Поэмы и стихотворения на военную тематику А.Осмонова.....	101
3.2 Послевоенное творчество Алыкула Осмонова	108
3.3 Произведения Алыкула Осмонова на основе киргизского устного творчества.....	122
3.4 Переводы А.Осмонова в критике З.Мамытбекова	127

Глава IV. ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ И ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ, ОСУЩЕСТВЛЕННЫЕ З. МАМЫТБЕКОВЫМ: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ

4.1 Поэтические произведения русской классики в переводе З.Мамытбекова	153
4.2 Эквивалентность и адекватность перевода драмы «Маскарад» М. Ю. Лермонтова	196
4.3 Перевод повести «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого.....	203
4.4 Переводы рассказов Премчанда и стихов японских поэтов.....	210
Заключение.....	123
Использованная литература.....	126

ВВЕДЕНИЕ

Заир Мамытбеков является одним из ярких и талантливых представителей, внесших значительный вклад в становление и развитие кыргызской литературной критики и теории перевода. Его литературное наследие состоит из исследований эпоса «Манас», творчества поэта Алыкула Осмонова и переводов произведений русских классиков, рассказов индийского писателя-реалиста Премчанда, стихов японских поэтов.

Отечественная наука в достаточной мере уделила внимание рассмотрению истории кыргызской литературы и критики, в том числе и ее персоналиям (начиная со второй половины 70-80-х годов XX века.) Были исследованы литературоведческая деятельность Токчоро Жолдош уулу, Аалы Токомбаева, Качкынбая Артыкбаева, Кенешбека Асаналиева, Тазабека Саманчина, К.Бобулова, К.Рахматуллина.

Но на этом фоне до настоящего времени отсутствовали исследования, в полной мере раскрывающие критическую и переводческую деятельность Заира Мамытбекова. Не уделялось особого внимания его литературному наследию, определению его места и роли в развитии кыргызского литературоведения и перевода, значимости вклада в исследование эпоса «Манас», творчества А. Осмонова, а также его вкладу в обогащение кыргызской советской литературы переводными элементами иноязычной культуры. Этим была продиктована необходимость написания данной работы.

При этом отдельные исследователи обращались к анализу его определенных сторон его деятельности. В частности, к переводческой деятельности З.Ч.Мамытбекова в середине 50-х годов обращались С.Шимеев и К.Рысалиев. На страницах журнала «Советтик Кыргызстан» в 1955 году С. Шимеев публикует статью «О переводе поэзии на киргизский язык», где дает оценку переводам З.Мамытбекова [124]. В 1956 году в этом же журнале опубликована статья К.Рысалиева «О переводе стихотворений и поэмы

Лермонтова на киргизский язык», в которой дан критический анализ переводам З. Мамытбекова [103].

Статья С.Жумагулова и С.Чечейбаева «Хаджи - Мураттын» эски жана жаны котормосу жөнүндө бир эки ооз сөз» в газете «Кызыл Кыргызстан» (1954) посвящена анализу перевода З.Мамытбекова в сравнении с переводом М.Элебаева [46]. К его творчеству обращалась в 80-х годах К.Х. Джидеева в труде «Поэтический перевод и историко-литературный процесс: Из истории поэтического перевода русской классики в Киргизии» [27]. А. Эркебаев в книге «Сын жана сынчылар» (1986) дал анализ обзорно-аналитическим статьям (1967, 1982) Заира Мамытбекова, посвященным революционной жизни и творчеству поэта, драматурга, журналиста и прозаика С.Карачева [125]. Критик С.Жигитов в своей статье о Сыдыке Карачеве под названием «Тунгуч калемгер», дает критический анализ статье З.Мамытбекова «Сыдык Карачев», опубликованной в 1967 году в газете «Кыргызстан маданияты» от 7 декабря [47]. О.Ибраимов в книге «История кыргызской литературы XX века» дает оценку переводам З.Мамытбекова стихотворений и поэм М.Лермонтова [36]. В обзорной статье А.Обозканов «Мамытбеков З.Ч.» дает оценку вкладу критика в манасоведение, осмонведение и переводу русской классики [56]. Других критических статей и крупных исследований по литературоведческим трудам и переводам З. Мамытбекова не имеется.

Данное диссертационное исследование посвящено определению научной значимости критических трудов и художественной ценности переводов Заира Мамытбекова. Впервые предпринято комплексное исследование литературного наследия З. Мамытбекова. Для этого обобщается, систематизируется, анализируется материал, дающий представление о З. Мамытбекове как о литераторе. Вышесказанное определяет научную новизну и актуальность анализа литературного наследия З. Мамытбекова.

Актуальность диссертационного исследования. Исследование литературного наследия Заира Мамытбекова в русле современных литературоведческих проблем дает возможность устанавливать

закономерности и особенности развития кыргызского литературоведения и перевода второй половины XX века.

В качестве **предмета исследования** рассматриваются результаты литературоведческой, критической и переводческой деятельности Заира Мамытбекова в корреляции со сложившейся методологией теории и истории кыргызской литературы, а также с учетом достижений современной науки.

Научная новизна исследования состоит в использовании широкого круга источников, ранее не привлекавшихся к разработке проблем научного и переводческого творчества З.Мамытбекова, в разработке полного и систематического исследования литературного наследия Заира Мамытбекова, в определении значимости его наследия в контексте становления и развития литературной критики и переводоведения Кыргызстана. Все имеющиеся публикации его научных трудов носят исключительно популярный характер. В основу нашего описания был положен критический анализ литературоведческих исследований и переводческой деятельности З. Мамытбекова.

Целью данного научного исследования стало решение проблемы научной и эстетической значимости литературного наследия Заира Мамытбекова, его вклада в литературоведение и переводоведение Кыргызстана.

Обращаясь к исследованию литературного наследия З. Мамытбекова, мы поставили следующие **задачи**:

- выявить, систематизировать литературные и аналитико-критические работы З. Мамытбекова по изданным источникам;
- провести источниковедческий, текстологический, лингвистический анализ литературного наследия З. Мамытбекова;
- исследовать художественную эквивалентность и адекватность переводов З.Мамытбекова по отношению к оригиналам;
- исследовать творческую эволюцию З. Мамытбекова как переводчика;
- оценить художественно-эстетическое значение исследований эпоса «Манас» З.Мамытбековым;

- оценить выводы ученого с точки зрения современной науки на основе принципа историзма (с учетом времени создания работ и общего состояния науки на тот период);

- актуализировать научные исследования З.Мамытбекова.

Научно-теоретическое и практическое значение исследования состоит в возможности применения основных положений и выводов диссертации при создании общих и специальных курсов по истории кыргызского литературоведения и переводоведения, при подготовке обобщающих и специальных работ, учебников, справочников, сайтов по обзору и оценке литературной критики второй половины XX века. Полученные результаты могут быть использованы в научных, образовательных и в Интернет изданиях по истории эволюции литературной критики и кыргызского литературного перевода. А также могут быть использованы при написании статей, монографий и коллективных исследований, посвященных изучению литературно-критического и переводческого творчества представителей второй половины XX века, занявших свое место в кыргызском литературоведении.

Источниковедческая база. Для достижения обозначенных задач мы строили свое исследование на анализе следующих видов источников:

- 1) материалы архивных фондов КНУ им.Ж.Баласагына, Национальной библиотеки им. А.Осмонова;
- 2) опубликованные работы З.Ч. Мамытбекова;
- 3) опубликованные исследовательские работы о критической и переводческой деятельности З.Ч. Мамытбекова.

Положения, выносимые на защиту:

- Литературное наследие Заира Мамытбекова представлено научно и художественно значимыми трудами и является полноправной частью литературного процесса второй половины XX века.

- В ходе научного исследования выявлено, что З.Ч. Мамытбеков разработал научные методологические подходы в эпосоведении (манасоведении), ставшие достоянием отечественной фольклористики;

- Литературно-критические изыскания З.Ч. Мамытбекова, посвященные литературным переводам А.Осмонова стали составляющим компонентом основы переводческой науки в стране;

- Выявлена взаимосвязь между литературно-критической деятельностью З.Ч. Мамытбекова, посвященной анализу литературных переводов А.Осмонова и его собственной переводческой деятельностью.

- Переводы русской и восточной классической литературы на кыргызский язык, осуществленные З.Ч. Мамытбековым, продемонстрировали достижения переводческого процесса второй половины XX века, соблюдающего принципы эквивалентности и адекватности перевода.

Личный вклад соискателя. Критическая и переводческая деятельность З.Мамытбекова рассмотрена в социально-историческом культурном контексте своего времени, переводческие труды были проанализированы на адекватность и эквивалентность по отношению к оригиналам, определены роль и место трудов в процессе становления и развития манасоведения, осмоноведения и переводоведения во второй половине XX века. Научно-теоретический анализ фактических материалов, их обобщение, выводы являются личным вкладом соискателя.

Апробация результатов диссертации. Основные положения диссертации получили отражение в научных докладах и выступлениях на международных, республиканских, региональных научно-практических конференциях; в том числе: «Сказание о Манасе в «Маджму - атут- таварих» в исследованиях З.Мамытбекова» «Айтматов окуулары-2016»: Эл аралык илимий-практ. конференция. –Бишкек: «Мукай», 2016. 364-368 б.; «Эквивалентность и адекватность перевода драмы «Маскарад» М. Лермонтова на кыргызский язык» Приволжский научный вестник. №9 (61)-2016. г. Ижевск, Россия. стр. 37-41.; «Поэтические произведения Н.А. Некрасова в кыргызских трансляциях» //

Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти к.ф.н., доцента кафедры русского языка и литературы Андижанского государственного университета Т.Л. Рахмонова. Современные проблемы филологии: вопросы теории и практики: Материалы Международной научно-практической конференции. – Москва: Издательство «Перо», 2020 – 3,3 Мб. [Электронное издание] 96-103 стр.; «Вклад Заира Мамытбекова в осмоноведение» Вестник Кыргызстана. №2 2020. стр. 61-67.

Научно-практическая значимость работы отражена в научных статьях, опубликованных в «Вестниках» Кыргызстана, Казахстана и Российской Федерации.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения и списка использованной литературы. Объем работы составляет 220 страниц. Библиография включает 182 наименований работ отечественных и зарубежных ученых, а также художественные издания оригинальных и переводных текстов.

ГЛАВА 1. ИСТОРИОГРАФИЯ ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОЦЕССА, В КОТОРОМ УЧАСТВОВАЛ З. МАМЫТБЕКОВ

1.1 Заир Мамытбеков – видный представитель литературного процесса второй половины XX века

Один из представителей нового поколения литературных критиков 50-х годов, исследователь эпоса «Манас», поэтического и переводческого наследия акына-новатора А. Осмонова, переводчик восточной и русской классической литературы З.Ч.Мамытбеков прошел непростой, содержательный исследовательский и переводческий путь. Он родился в 1924 году в селе Джеле-Дюбе Джеты-Огузского района Иссык-Кульской области в семье крестьянина-середняка. После окончания средней школы в 1940 году поступил на филологический факультет КазГУ. В 1949 году поступил на 3 курс тюркского отделения филологического факультета Московского государственного университета. В 1950 году после окончания 4 курса был исключен из университета как «недисциплинированный студент» [5]. Из воспоминаний Ч.Т. Джолдошевой: «По характеру был принципиальным и смелым человеком. Вот факт из его биографии. Будучи студентом МГУ, на одном из занятий публично выступил в защиту расстрелянного в ходе сталинских репрессий и ещё не реабилитированного кыргызского языковеда и писателя Касыма Тыныстанова. За это Заира исключили из университета» [24, с.20]. В сентябре 1951 года З. Мамытбеков восстанавливается на 5 курс восточного факультета Ленинградского государственного университета. В июле 1952 года он закончил учебу и получил специальность филолога-тюрколога. В списке выпускников кафедры З. Мамытбеков значится под номером 10 в списках, завершивших обучение на тюркской филологии выпуска 1952 года [138].

С начала 50-х до середины 80-х годов З. Мамытбеков вплотную занимается научно-исследовательской работой. За этот период он опубликовал около 50 научных работ, посвященных теоретическим проблемам киргизской

литературы и эпоса «Манас». В частности, его работы посвящены поэтическому и переводческому творчеству А. Осмонова, С. Карачева, Т. Сатылганова, В. Маяковского, а также революционной деятельности К. Сарыкулакова. З. Мамытбеков является автором раздела, посвященного творчеству А. Осмонова, и включенного в «Очерки истории киргизской советской литературы» (1961). Также им опубликованы статьи «Творчество А. Осмонова» (Альманах «Киргизстан» № 1. 1953), «Маяковский на киргизском языке» (журнал «Советтик Кыргызстан» №4, 75-81 бет 1955), «Маяковский жана кыргыз поэзиясы» (Журнал «Советтик Кыргызстан» 1955. - №4 75-81 б.), «Две поэмы А. Осмонова» (в сборнике «Сын макалалары», Киргизиздат 1958), «Проблемы новаторства» (Алма -Ата, 1959), «Ленинская дружба народов, рожденная Октябрем» (сб. Великий Октябрь и ленинская дружба народов СССР, Ташкент, 1959). В последующие годы критиком были опубликованы статьи «А. Осмоновдун балдарга арналган чыгармалары» (Мугалимдер газетасы, 1962), «Евгений Онегин» на киргизском языке» (Русский язык в киргизской школе, №2, 1963), «Древняя история киргизов и «Манас» (журнал «Ала Тоо» №7, 1967), статья о первом революционере «Кожомурат Сарыкулаков» (Кыргызстан маданияты, 1986). Заир Мамытбеков написал две одноименные обзорно-аналитические статьи «Сыдык Карачев» (Кыргызстан маданияты, 1967; Ала-Тоо, 1982), посвященные революционной жизни и творчеству поэта, драматурга, журналиста, прозаика С. Карачева. Автор рассматривает С. Карачева как красногвардейца и как одного из создателей фундамента киргизской советской литературы. Более подробный подход в описании биографии и творчества осуществлен З. Мамытбековым в статье «Сыдык Карачев», опубликованной в 8-м номере журнала «Ала-Тоо» 1982 года. Кроме биографических данных С. Карачева дается обзор его разносторонней творческой стезе. Также были опубликованы статьи «Киргизская литература в первые годы Советской власти» (журнал «Ала Тоо» №6, 1970), «Кыргыз совет адабиятынын алгачкы саамалыктары» (Ала Тоо. - 1970. - № 5. -142-151 –бб.), «Идеи гуманизма, дружбы и труда в эпосе «Манас»

(Труды КГУ, 1978), и т.д. По линии общества книголюбов выпустил брошюру, посвященную творчеству киргизского поэта Токтогула Сатылганова. (Фрунзе, 1984). З. Мамытбеков подводит итог, что «Великий киргизский акын-демократ Токтогул до самой смерти, не уставая, пел песни своему народу, призывая их к новой жизни, светлому будущему» [76, с.15].

В 1963 году в институте литературы и искусства имени М. Ауэзова Академии наук Казахской ССР З. Мамытбеков защитил кандидатскую диссертацию на тему: «Алыкул Осмоновдун чыгармачылыгы жана анын орус поэзиясына котормолору» [116, с.446]. Данная диссертация в 1971 году была опубликована под названием «Пламенный поэт». В 1966 году опубликована монография З. Мамытбекова, написанная в соавторстве с Э. Абдылдаевым, «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери». В 1985 году З.Ч.Мамытбеков завершил монографию «Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас». Она явилась итогом многолетней работы над эпосом. Монография была опубликована после его смерти в 1986 году Ч.Т.Джолдошевой.

Обзор исследовательских трудов Заира Мамытбекова дает возможность создать общую картину его литературоведческого творчества, наверняка, сопровождаемый в течение многих лет пытливым поиском ответов на поставленные научные вопросы. Литературоведческое творчество З. Ч. Мамытбекова – это отражение новых веяний литературной критики и литературоведения 50-80 годов – результативного и новаторского продолжения времен зарождения, становления и идейного закалывания молодой кыргызской литературы и литературной критики.

1.2 Историография манасоведения, литературной критики, осмоноведения, теории и практики перевода.

Шедевр культурного наследия кыргызов – эпос «Манас» не раз становился объектом интереса и изучения иностранных ученых и этнографов. В историю манасоведения вошли имена таких ученых, как В.В. Радлов, Ч.Ч.

Валиханов, М.И. Богданова, С.М. Абрамзон, М.О. Ауэзов, А.Н. Бернштам, И.А.Батманов, В.М. Жирмунский, П.Н.Берков, Е. Мелетинский, П. Фалев, Артур Томас Хатто, Г. Франель, Лан Йин, Реми Дор, Камил Тойгар и др. В исследование эпоса большой вклад внесли отечественные ученые, такие как К. Рахматуллин, С. Мусаев, И. Молдобаев, Р. Сарыпбеков, Э. Абдылдаев, Р.З. Кыдырбаева, А. Жайнакова, С. Бегалиев, А.А. Акматалиев, А.Ш. Акмолдоева, Ж.К. Орозобекова, К. Абакиров, Т. Бакчиев, Г. Жамгырчиева, К. Калчакеев и др. Изучение и исследование эпоса «Манас» продолжается и в наши дни, о чем свидетельствуют многие диссертации, научные статьи и доклады, посвященные эпосу.

Первый исторический труд, дающий сведения об эпосе «Манас» - это «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дин Аксыкенти. Рукопись относится к XV-XVI векам. Этот труд является «очень значимым историческим письменным памятником» [9, с.330] в изучении истории кыргызов и эпоса «Манас».

В 1865 году Ч.Ч. Валиханов записал эпизод из эпоса «Поминки по Кокетею» от кыргызского сказителя на Иссык-Куле будучи участником военно – научной экспедиции под руководством полковника М.М.Хоментовского.

В.В.Радлов во время посещения территории Кыргызстана 1862 –м и 1869 –м годах записал семь эпизодов эпоса «Манас». Его записи были опубликованы в 1885 году в Санкт-Петербурге на киргизском языке с русской транскрипцией.

В 1901 году венгерский ученый Д. Алмаши в составе зоологической экспедиции прибыл в Среднюю Азию. Среди чуйских и иссык-кульских кыргызов жил 8 месяцев и записал 72 строчки из дастана «Манас». В 1911 году в Будапеште издал свои записи под названием «Прощание Манаса с сыном Семетей» в журнале «Восточное обозрение». Ученый Д. Алмаши не имел представление об объеме эпоса, «поэтому предположил, что в «Манасе» 20000 строк, а «Семетей» и «Сейтек» состоят из 30000 строк» [9, с.342].

В 1903 году Российское географическое общество снабжает экспедицию к кыргызам Ала-Тоо. Участники экспедиции А.Г.Белинский и художник Б.В.Смирнов в Пишпекском уезде у акына Кенжекара записали на фонограф

отрывки из «Семетей». А. Белинский записал русской транскрипцией отрывки «Манаса» и «Семетей» на бумагу и перевел на русский язык. Этот перевод вошел в книгу Б.В.Смирнова «В степях Туркестана» в 1914 году.

Фольклорист Каюм Мифтаков 1916-1947 годы записывал разные жанры устного творчества кыргызов. Среди записей есть вариант «легендарного кыргызского манасчи» [178] Саякбая Каралаева.

В 1920 году во главе Эшеналы Арабаева в Жетисуиской области Туркестанской АССР создается комиссия по сбору у местного населения памятников устного творчества. Членами комиссии были записаны эпос «Курманбек», сказки, пословицы и поговорки, скороговорки, народные песни, сказки [9, с.353]. По направлению данной комиссии в 1922 году в Нарынских джайлоо начинается системная запись эпоса «Манас» фольклористом Ыбыраем Абдрахмановым от сказителя Сагымбая Орозбакова. Запись варианта продолжался в течении 4-х лет. В августе 1926 года закончилась запись первой части трилогии «Манас», состоявшийся из 180378 строк. Эшеналы Арабаев в 1925 году в Москве издал на кыргызском языке арабским алфавитом «Семетейден бир бөлүм», записанного от сказителя Тыныбека.

Запись варианта эпоса «Манас» от Саякбая Каралаева продолжился от начала 30-х до конца 60-х годов XX века. В записи сказания участвовали К.Жумабаев, Ж.Рисов, Ж.Бекбаев, К.Кыдырбаева и Ыбырай Абдрахманов. От Саякбая Карала уулу были записаны все части эпоса: «Манас», «Семетей», «Сейтек», также «Кенен», «Алымсарык», «Кулансарык», состоявшие из 500553 строк. Также были записаны варианты сказителей эпоса «Манас» Тоголок Молдо, Жаныбекова Кожекова, Багыша Сазанова, Шапака Рысмендиева, Актана Тыныбекова и др [10, с.21].

Востоковед и литературовед Е.Д.Поливанов в 30-е годы активно работал над переводом эпоса «Манас». В 1946 году в Москве увидел свет однотомник «Манас» - киргизский эпос. Великий поход», куда вошли переводы С.Липкина, Л.Пеньковского и М.Тарковского. В 1960-м году в Москве вышла книга

«Манас», куда вошли эпизоды из киргизского народного эпоса в переводе С. Липкина и Л. Пеньковского.

Исследование и распространение эпоса получает новый импульс в монографии «Манас» – героическая поэма киргизского народа» М.Ауэзова в 30-е годы XX века. В данной работе ученый впервые поднимает проблему соотношения индивидуального и традиционного в творчестве манасчи – сказителей на примере С. Орозбакова и С. Каралаева. Связь истоков киргизского эпоса с руническими памятниками раскрыта литературоведом П.Н. Берковым в статье «Алтайский эпос и «Манас». Им выдвинута гипотеза, что древнее алтайское предание «Алып – Манаш» послужило источником для зарождения киргизского «Манас» и алтайского «Алпамыш».

Литературовед и критик К.А.Рахматуллин в 1942 году издал библиографический материал «Манасчылар» и «Улуу патриот, укмуштуу Манас» [56, с.17]. Внесли большой вклад в исследование эпоса «Манас» К.Бернштам, С. М.Абрамзон, И.Молдобаев, освещавшие историю, мировоззрение, традиции и обычаи народа, отраженных в сказании о великом герое. В 1948 году во Фрунзе вышла книга В.М.Жирмунского «Введение в изучение «Манаса». Автором проанализированы эпическая традиция, сюжет, идеи и образы, происхождение и развитие эпопеи, также продолжения эпоса «Семетей» и «Сейтек».

В «Введении в изучение «Манаса» В. Жирмунский анализирует продолжения эпоса «Семетей» и «Сейтек» и пишет, что по охвату сюжетного материала «более сосредоточены вокруг ведущей биографической темы, менее богаты эпизодами и действующими лицами [33, с.82]. Общественно – историческая обстановка отраженных в «Семетей» и «Сейтек», психология героев, художественная манера во многом напоминают «малые эпосы» киргизов, и на основе этого, В.Жирмунский считает, что «это позволило бы отнести время окончательного сложения поэм к XVII – XVIII вв.» [33, с.103].

Для сбора и исследования эпоса появились хорошие условия с созданием сектора «Манас» в Институте языка и литературы при АН КССР в 1957 году.

Основу манасоведения составили работы многих исследователей: «Семетей» и «Сейтек» Б.Керимжановой (1961), «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери» З.Мамытбекова и Э.Абдылдаева (1966), «К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе «Манас» (1967), «О поэтике эпоса «Манас» (1968) С. Бегалиева, «Генезис эпоса «Манас» (1980), «Сказительное мастерство манасчи» (1984) Р.Кыдырбаевой, «Эпос «Манас» (1970), «Манастагы» эпикалык мотивдер» (1981) О.Сооронова, «Героические мотивы в эпосе «Манас» (1982) А.Сыдыкова, «Алмамбеттин образынын эволюциялык өнүгүшү» (1977), «Манас» эпосундагы баатырдык мотивдердин эволюциясы» (1987) Р.Сарыпбекова, «Эволюция женских образов «Манас» (1997) К.Х. Бекмухамедовой «Манас» жомогу уруу түзүлүшүнүн учурунда» (1999), «Манас» таануу илиминин тарыхы» (2000) С.Мусаева, «Семетей» эпосунун генеологиялык тарыхый негиздери» (1982), «Сейтек» – «Манас» үчилтигинин корутунду бөлүгү» (1984), «Манас» эпосундагы патриархалдык – феодалдык мамилелер» (1997) А.Жайнаковой, «Манас» эпосунун тарыхый өнүгүшүнүн негизги этаптары» (1981), «Манас» эпосунун историзми» (1987), «Манас» эпосунун эпикалык формулалары» (1997), «Манастын» тарыхый баатырдык эпос катары калыптануусу» (1999) Э.Абдылдаева и т.д. В этих трудах были раскрыты поэтическая особенность, стиль, исторические источники, эволюция, связь с историей и взаимоотношения с эпическими произведениями других народов [56, с.18].

Из вышеизложенной краткой справки о сборе, записях и исследованиях эпоса «Манас» начиная с XV-XVI веков до конца XX века видно, что эпос стал объектом обширного и глубокого изучения учеными и этнографами разных стран и разных эпох в силу своего эпического размаха, глубины содержания и богатства языковых средств.

В становление и развитие манасоведения внесен большой вклад и Заиром Мамытбековым. Он является автором «История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции» (1966) и монографии «Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас» (1993). В его исследованиях рассмотрены

источников, композиция, принципы строения сюжета и поэтика эпоса, идейно-эстетическое содержание, особенности стихосложения эпоса.

Кыргызская литературная критика в 20-50-х годах XX века тоже прошла не простой путь становления и развития.

Литературная критика выполняет социальную роль, которая создает систему ценностей для современного читателя, давая направление в выборе художественных элементов. Обласова Т.В. пишет о литературной критике так: «Она создает ценностные ориентации общества по отношению к художественным произведениям, и сама участвует в создании той идейно - художественной атмосферы, в которой возникли эти произведения» [89, с.4]. Иначе говоря, критика отслеживает основные тенденции развития художественной литературы.

За национальной литературой, которая берет свое начало после победы Октябрьской революции, делает свои первые шаги и литературная критика, которая создала условия для формирования художественных и эстетических взглядов начинающих мастеров пера. Середина 20-х годов стала переходным этапом от характерного для устного творчества кыргызов фольклорно-эпического мышления, к индивидуальному художественному мышлению, открывшему не только новые имена, но и новую веху в развитии национальной литературы. «В становлении и развитии киргизской советской литературы немалую роль играла и играет литературная критика, возникшая во второй половине 20-х годов» [39, с.13] - написано в «Истории киргизской советской литературы». В свою очередь в создании и становлении национального литературоведения сыграли большую роль зарождение кыргызской творческой интеллигенции и ознакомление с литературно-эстетическими традициями других культур, в частности, межкультурный обмен с русской литературой и через нее с культурными элементами других национальных литератур. В «Очерках истории киргизской советской литературы» указана, что киргизская советская критика «ведет свое начало с 1927-года – со времени опубликования специальной литературно-критических статей о творчестве киргизских

писателей» [95, с.24]. Литературная критика становится самостоятельной панорамной нишей, отслеживающей все перипетии развития молодой кыргызской советской литературы. Именно с первых критических статей (цикл статей «Художественная литература и наши поэты» Т.Джолдошев 1927-28 гг в семи номерах газет «Эркин Тоо», «Кызыл Кыргызстан») начинается тернистый и нелегкий путь литературной критики, которая продолжает развиваться, отражая художественный лик творческой интеллигенции кыргызского общества.

Последующие 30-е годы стали более плодотворными для кыргызского литературоведения. В середине третьего десятилетия появились первые литературоведческие работы Т.Джолдошева, К.Рахматуллина, М.Догдурова, А.Мыктыбекова, Ж.Муратова, А.Идрисова, которые черпали свои научные и критические мысли из творчества писателей и поэтов А.Токомбаева, К.Тыныстанова, К.Баялинова, К.Маликова, Ж.Жамгырчиева, А.Убукеева, О.Джакишева, Ы.Тойчинова, М.Кырбашева. Например, в 1926 году выходит первая статья Т.Джолдошева «Адабият майданында» в газете «Эркин Тоо».

В 1934 году 21-25 апреля прошел 1-й съезд Союза писателей Киргизии, где были обозначены цели и задачи киргизской литературы. Художественная литература ощутимо отставала от предъявляемых к ней требований, так как «киргизские писатели ещё не овладели методом соцреализма» [95, с.27]. Поэтому под прицельным вниманием критиков и литературоведов М. Догдурова, О.Джакишева, И.Тойчинова, А.Идрисова стали «Академические вечера» К.Тыныстанова, «Подневольные дни» С.Карачева, «Кен-Суу» Т.Сыдыкбекова, «Долгий путь» М.Элебаева, «Золотая девушка» Ж.Боконбаева, «Жапалак Жатпасов» Р.Шукурбекова, в которых были выявлены якобы политические и идеологические ошибки. Критика данного периода была направлена выявлению чуждых для советского мышления идей в произведениях.

В следующем 4-м десятилетии литературоведение становится более самостоятельной, начала возрождаться фольклористика. В эти годы увидели свет литературоведческие труды: «Этапы становления кыргызской

литературы» К. Рахматуллина, «Кыргызские прозаики», «От стиха до романа», «Наша литература в колониальный период», «Особенности творчества кыргызских поэтов-писменников конца 19-го начала 20 вв.», «Кыргызская советская литература за 30 лет», «Кылыч — писатель-писменник» Т. Саманчина, «Краткие понятия о литературе и её направлениях» М. Богдановой и Х. Карасаева и др. В 40-е годы появились работы, анализирующие общее состояние литературы в данный период с его жанровым разнообразием и творчество отдельных писателей.

Следующее десятилетие – 50-е годы литературная критика и литературоведение разделились и стали развиваться самостоятельно. Предметом литературоведческих исследований явились проблемы взаимоотношения фольклора и письменной литературы, взаимосвязей и взаимовлияния национальных литератур, проблемы закономерностей развития литературных жанров, изучение своеобразия поэтического творчества народных акынов, определение их роли и места в национальной литературе, вопросы художественного перевода, стали обобщаться представления об оригинальности и индивидуальности образного мышления писателей, о традициях и новаторстве в их творчестве, определяться место и значение творчества виднейших кыргызских писателей в истории литературы. Достоянием научной общественности стали исследование М.Богдановой «О некоторых вопросах истории кыргызской литературы 19 и начала 20 века» (1953), «От фольклора к письменной литературе» (1957); К.Асаналиева «Некоторые традиции русской и советской литературы в кыргызской литературе» (1954); А.Салиева «Некоторые вопросы перевода прозаических произведений на кыргызский язык» (1955); Ш.Уметалиева «О некоторых проблемах нашей литературы» (1957); Б.Керимжановой «О влиянии русской литературы на рост и становление кыргызской литературы» (1959) и др. По оценке С.Жигитова первые исследования 50-х годов носили повествовательный или описательный характер и посвящались в основном творчеству одного определенного писателя. Например, во всесоюзном масштабе бурно обсуждалось и

положительно оценивалось творчество Т.Сыдыкбекова, особенно роман «Люди наших дней» (н: С.Кирьянов «Новый роман Сыдыкбекова», С.Лиходзиевский «Роман о горном колхозе», Т.Токмаков «Жизнь маленького села») [6, с.62].

Таким образом, в 50-е годы стали новым этапом развития культуры критического мышления в научном осмыслении литературы в целом и творчества отдельных его представителей, выявлялись оригинальность мастерства художника и своеобразие его творческой индивидуальности.

В 1960-м году выходят «Очерки по истории кыргызской советской литературы» Б.Керимжановой, К.Асаналиева, Ж.Таштемирова, З.Мамытбекова и С.Байкожоева. В обзорных главах «Очерков» были рассмотрены основные этапы развития литературы, её жанровое многообразие, а также были представлены творческие портреты крупных представителей акынской поэзии [179].

История становления и развития кыргызской литературной критики и эволюция творчества отдельных критиков целенаправленно начала исследоваться со второй половины 70-80-х годов XX века. В этот период литературоведческая деятельность одного из первых критиков Токчоро Жолдош уулу «стала предметом исследования в книгах, диссертациях, статьях литературоведов З. Бектенова, С. Жигитова, А. Эркебаева, К. Даутова, К. Байжигитова, О. Ибраимова и др.» [112, с.5].

В это же время появляется ряд исследований, посвященных ярким литературоведам и критикам. Так, одной из первых диссертаций, посвященных проблемам литературной критики, стала работа Кулана Рысалиева «Киргизское стихосложение» (1965). В его работе была дана обзорная характеристика литературной критики 1924-1954 годов. В 2004 году Г.М. Жунушовой защищена диссертация «Кыргыз адабий сынынын өнүгүшүнө философиялык-эстетикалык анализ». В 2009 году увидела свет объемная книга «Аалы Токомбаев – сынчы жана адабиятчы» Т. Токомбаевой, К. Артыкбаева и Б. Исакова. В данной книге авторы дали подробный обзор и анализ литературной

и критической деятельности народного поэта и академика А. Токомбаева. В 2011 году К. Байжигитовым защищена докторская диссертация «Кыргыз адабий сынынын жаралыш жолдору», где рассматривалась история зарождения и становления литературной критики.

Диссертация «Качкынбай Артыкбаевдин илимий-сынчылык ишмердиги» С. Карымшакова (2002 г.) является одной из первых диссертаций, посвященных литературоведческой деятельности критиков. В данном исследовании К. Артыкбаев представлен в двух ипостасях: критика и публициста. В начале своей критической деятельности он обращался к традиционным и новаторским проблемам в поэтическом творчестве А.Осмонова. К. Артыкбаев, отличаясь остротой публицистических статей, глубиной, доказательностью и аргументированностью мыслей, «остался в истории кыргызской журналистики как мастер, поднявший этот жанр на новую высоту» [43, с.155]. В кандидатской диссертации М. Жаныбаевой «Кенешбек Асаналиев – адабият теоретиги жана сынчысы» (2009), проанализирован литературоведческий и литературный вклад «одного из великих личностей, вносящих огромный вклад в кыргызское литературоведение как литератор, фольклорист, литературный историк и критик» [30, с.145] Кенешбека Асаналиева.

Диссертация «Тазабек Саманчин – адабиятчы жана сынчы» (2010), посвященная литературоведческой деятельности Тазабека Саманчина была написана Г. Исмаиловой. Тазабек Саманчин – ученый-филолог, критик, литературовед, прозаик, драматург, переводчик и просветитель, один из первых исследователей, получивший научную степень в 40-х годах. Исследователь Г. Исмаилова утверждает, что должна восторжествовать историческая справедливость по отношению к Т. Саманчину, который «подвергся идеологическим преследованиям в советской эпохе как «космополит» и «националист» и был посажен в тюрьму, перенес духовно-психологические мучения» [37, с.3].

Еще одна диссертация о критике К. Артыкбаеве была написана Г.К. Устабаевой в 2013 году под названием «К. Артыкбаевдин адабий сынчылык

чеберчилиги». В основе исследования лежит критическая и публицистическая деятельность К. Артыкбаева и составлен его научный портрет как борца за будущее кыргызского языка и как критика-полемиста, который «поднимал актуальные проблемы литературного процесса и социально-культурные задачи, вызывающие общественный резонанс» [116, с.21].

В 2016 году защищена диссертация Б. Исмаиловой «К. Бобуловдун адабий сынчылык жана илимий изилдөөчүлүк ишмердүүлүгү». Работа посвящена ученому, литературному критику, переводчику, публицисту и общественному деятелю Камбаралы Бобулову, «оставившему видный след в кыргызском национальном литературоведении» [38, с.76].

В 2018 году М.К.Усупова защитила диссертацию «Калим Рахматуллин – исследователь эпоса «Манас», посвященная творчеству литературоведа К.Рахматуллина – одного из основателей кыргызского литературоведения и манасоведения 30-40-х годов XX века [117, с.23].

Таким образом, вышеуказанные научные исследования показывают, что кыргызская литературная критика выходит на новый качественный уровень: она дает критическую оценку художественным произведениям, творчеству отдельных отечественных авторов и переводчиков, уделяет особое и должное внимание деятельности и наследию литературоведов.

Многочисленные исследования многогранного творчества акына-новатора Алыкула Осмонова сформировали новую ветвь в кыргызском литературоведении – **осмоноведение**.

Первое стихотворение А. Осмонова «Красный обоз» опубликовано в газете «Сабаттуу бол». В последующие годы вышли в свет сборники стихотворений «Песни рассвета», «Звездная молодость», «Чолпонстан». «Автору трех стихотворных книг было тогда двадцать два года. Но вслед за этим последовало долгое молчание Осмонова-лирика. Зато родился Осмонов переводчик» – пишет О.С.Сухомлинова [92, с.77]. Алыкул Осмонов перевел на кыргызский язык стихотворения М.Ю.Лермонтова, Г.Гейне, А.С.Пушкина, басни И.А.Крылова, «Отелло», «Двенадцатая ночь» В.Шекспира, «Витязь в

тигровой шкуре» Ш.Руставели, «Евгений Онегин» А.Пушкина, «Хосров и Ширин» Низами, «Лейли и Междун» Навои и др. Камбаралы Бобулов пишет, что «Алыкул построил лучезарный дом поэзии, свет которого в бурную ночь освещает путь» [92, с.35. Большой вклад в изучении творчества поэта А.Осмонова внесли Р. З. Кыдырбаева («Лирика Алыкула Осмонова» (1957), Ш. Умоталиев «Алыкул Осмонов» (1958), А. Садыков «Алыкул Осмоновдун поэзиясындагы традиция жана новаторлук» (1962), К. А. Кырбашев «Осмоновдун поэзиясынын тили» (1967), С. Жигитов «Миры, открытые поэтом» («Акын ачкан дүйнөлөр», 1975) «Акындын эки өмүрү» (1998), К. Асаналиев «Белый скакун Алыкула» (1979), К. Джусупов «Жизнь в стихах» (1980), К. Артыкбаев «Алыкул Осмонов» (1982), также П.Казыбаев, К. Озмитель, А. Пазылов, М. Рудов, С. Фиксин, С. Доронян, С. Исмаилов и др. О певце труда и создателя галереи образов простых тружеников [50, с.483] – Алыкуле Осмонове писали много: его жизнь и особенности творческого развития стали предметом многочисленных литературно-критических статей, монографий, эссе. Одни только стихотворные посвящения Осмонову и его поэзии составляют целый том («Алыкулга гулдесте» – Венок Алыкулу) и имеют тенденцию расти [36, с.193]. О.Ибраимов отмечает, что среди других деятелей литературы первого поколения творчество Алыкула Осмонова изучено наиболее полно.

В оценку творчества А.Осмонова внес большой вклад критик С.Жигитов. Отмечал недостатки и новаторские подходы в раскрытии поэтических образов. В книге «Көркөм сөз маселелери» критик пишет, что у Алыкула Осмонова есть печальная мудрость, тихий оптимизм и настоящая отвага в поэтическом отношении к жизни и смерти. Стихи поэта в этом тематическом направлении намного повысил философский уровень кыргызской поэзии [32, с.99]. Следующий труд критика «Акындын эки өмүрү» посвящен анализу лирики, поэм, драматических произведений и переводов А.Осмонова. С.Жигитов пишет, что в 30-40-е годы Алыкул Осмонов был расхвален однобоко и поднят до уровня идеального акына [31, с.3] Среди поэм А.Осмонова критик дал

положительную оценку поэме “Женишбек”: Только в поэме “Женишбек” содержание соответствует форме, строки в строфах звучащие, словосочетания игривы и рифмы точны [31, с.149]. По художественному качеству к Женишбеку близки только поэмы “120 жаштагы Алма бак жана 115 жаштагы Шевкет Гирей” и “Өлүп тирилгендер”. Поэма “Женишбек” не только прекрасная находка автора, но и всей кыргызской поэзии [31,с.148]. Чтобы передать волнующие его конкретные жизненные впечатления Осмонов аккуратно пользовался образными ассоциациями и некоторыми художественными приемами народных песен, и тем самым смог создать вполне оригинальные произведения [31,с.97]. Критик С.Жигитов в конце анализа отмечает, что А.Омонов в сравнении со многими собратьями пера делал сознательное отношение к устным народным произведениям, их идейно – эстетические уроки попытался использовать с позиции профессиональной поэтической культуры. Это новый шаг в развитии национальной письменной поэзии, первый опыт в подпитке профессиональную поэзию традициями народной поэзии.

Ш.Уметалиев в 1958 году опубликовал книгу “Алыкул Осмонов”, посвященную жизни и творчеству акына. В анализе творчества поэта автор пишет, что “до войны Алыкул издал три сборника стихов, тематика которых взято из жизни кыргызских айлов” [115,с.47]. Алыкул уже в начале своего творчества чувствовал актуальность современной тематики, и поэтому сделал главным героем своих произведений активных строителей новой жизни – кыргызскую молодежь. Еще одна особенность творчества А.Осмонова заключается в том, что он заявил о себе как лирический поэт. В описании событий он близок к конкретным фактам, он свободен от уз дидактической поэзии [115, с.135]. Ш.Уметалиев обозначил Алыкула и его творчество как явления “союзного значения” [115,с.183]. Автор заканчивает свою монографию фактом о смерти поэта и с оптимизмом пишет, что он живет и будет жить в памяти читателей. Ш.Уметалиев высоко оценил личность и творчество Алыкула Осмонова. Его труд является одним из серьезных и глубоких исследований творчества А.Осмонова.

В 1962 году А.Садыков выпустил книгу «Алыкул Осмоновдун поэзиясындагы традиция жана новаторлук». Проанализировав поэтическое творчество акына, А.Садыков пишет, что «в нашей литературе А.Осмонов оценивается как художник, сумевший искусно соединить традицию и новаторство в поэзии [105, с.125]. По мнению критика А.Осмонов смог обогатить новшеством литературные традиции. Этот труд без изменений вошел в I том IX - томного сборника А.Садыкова в 2008 году, посвященный Алыкулу Осмонову и Суйунбаю Эралиеву. В итоге анализа произведений А.Осмонова, написанных на основе народных сюжетов, А.Садыков пишет, что «талантливый поэт не ограничивается пересказом содержания народных материалов» [105, с.10]. Он обогащает их новыми находками, очищает их от случайных явлений, появившихся от низкого самосознания трудящихся и от вредных добавлений, привнесенных для личных интересов господствующего класса. Таким образом, его произведения возвращаются народу в очень отличной и впечатляющей форме. И критик подытоживает, что такая подача фольклора на таком уровне характерна времени, которое усвоило методы реализма.

К.Артыкбаев в анализе творчества А.Осмонова оценивает поэтический сборник «Махабат» как показатель нового поворота в кыргызской поэзии послевоенных лет. В этом сборнике А.Осмонов сделал уверенный шаг к новым «темам», иначе говоря, масштабные темы народа, земли, Родины, войны, жизни, смерти, общества, человека, времени, труда, любви, пейзажа, поэзии и роли поэта смог переработать с настоящим поэтическим духом именно в сборнике «Махабат» [7, с.187]. В пьесе «Абылкасым Жанболотов» раскрываются межличностные отношения и противоречия тружеников села на фоне по решению задач строительства социальных объектов, расширении посевных площадей, также в пьесе затрагиваются темы литературы и искусства. Автор положительно оценивает эту пьесу как «хорошее драматическое произведение, достойном внимания» [7, с.205] благодаря подаче

материала, правильно поднятым жизненным проблемам и раскрытым художественным образом.

О творчестве А. Осмонова положительно отозвался и О. Ибраимов, отметив, что «Он во весь рост своего замечательного таланта лирика предстал в сборнике «Махабат» («Любовь», 1945)» [36, с.193]. По оценке критика, три послевоенные книги А.Осмонова («Новые стихи» (1947). «Моя земля» (1947). «Новые стихи» (1949) принесли ему всенародное признание и славу первого поэта Киргизии.

Творчество А.Осмонова было в центре внимания критика Заира Мамытбекова. Его монография «Пламенный поэт» посвящена изучению и анализу творчества акына и переводчика Алыкула Осмонова. В данной монографии критик провел тематическое и периодическое разделение поэтических произведений акына-новатора, проанализировал и дал его поэтической и переводческой деятельности положительную оценку.

Становление и развитие перевода в кыргызской литературе начались с первых робких шагов в конце 20 - х годов. В первом номере литературно-культурного журнала «Жаңы маданият жолунда» был опубликован перевод рассказа «Нищий» И.С. Тургенева, «переводчиком которого значился «М.», как предполагается Мукай Элебаев» [36, с.133]. В эти годы переводами занимались К. Тыныстанов, С. Карачев, К. Баялинов, М. Элебаев и др. В 30-е годы переводом активно занимались М.Догдуров, К Эшмамбетов, У.Абдукаимов, А.Осмонов, К.Баялинов, Ж.Турусбеков. Безусловно, эти переводы данного периода с одной стороны обогатили литературно – эстетическое понятие кыргызских читателей, с другой стали хорошей школой для творческого роста переводчиков А.Токомбаева, М.Элебаева, К.Баялинова, К.Маликова, Ж.Турусбекова, А.Осмонова, К.Эшмамбетова, У.Абдукаимова, К.Жантошова, Т.Байджиева и для мн. др [7, с.48]. С середины 30-х годов начали переводиться научно – фантастическая литература, в частности, Т.Байджиев перевел на кыргызский язык «Приключения барона Мюнхаузена» немецкого писателя Р.Э.Распе (1936), К.Эсенкожоев перевел «Гулливер у великанов» Дж.Свифта

(1940). В эти годы активно переводилась русская поэзия А.Осмоновым, У.Абдукаимовым, Дж.Боконбаевым. На тематику и направление переводов 40-х годов повлияла Великая Отечественная война. Активно переводились произведения на военную тематику из советской и зарубежной литературы («Наука ненависти» и «Ненависть», «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Черты советского человека» Н. Тихонова, «Снега, подымитесь метелью!» Л. Жарикова, «Узник Бастилии» Ч. Диккенса, «Русские люди» К. Симонова, «Храбрость» В. Кетлинской, «Из фронтовых рассказов» М. Розенфальда и др. На страницах журнала «Советтик Кыргызстан» начали печатать переводы А.Токомбаева, К. Маликова, Т. Сыдыкбекова, А. Осмонова и др. В июньском номере журнала «Советтик Кыргызстан» за 1941 год «около половины объема занимали переводы» [46, с.182]. Кроме переводов, художественные качества которых заметно отличается от переводов предыдущих десятилетий, в военные годы начались обсуждения профессиональных проблем перевода. Например, в статье Х. Карасаева «Перевод художественной литературы и его недостатки» («Советтик Кыргызстан» 1944) проанализированы переводы произведений «Капитанская дочка» Пушкина, «Как закалялась сталь» Н. Островского, «Повесть о том, как один мужик двух генералов прокормил» Н. Салтыкова-Щедрина, «Человек в футляре» Чехова, «Шинель» Гоголя. Автор статьи указывал на недочеты, связанные с недостаточным вниманием переводчиков к своеобразию оригиналов, тому литературному и историческому контексту, в котором они создавались. Кроме военной патриотической тематики переводная литература 40-х годов пополнялась образцами классической литературы. В 1944 году в честь 100-летия со дня смерти И. А Крылова был выпущен сборник басен в переводе Р.Шукурбекова, А.Осмонова, А.Токомбаева и К.Баялинова. Переводы басен оценены как выполненные работы «на добротном профессиональном уровне» [36, с.184].

В послевоенное время в переводную литературу пришло новое поколение переводчиков, расширивших географию переводческих интересов, освоивших новые жанры и обогативших язык перевода новыми заимствованными словами,

калькированными выражениями, синтаксическими конструкциями. Были переведены «Лейли и Меджнун» Алишера Новаи (1948) в коллективном переводе У.Абдукаимова, А.Осмонова и Т.Уметалиева, «Витязь в тигровой шкуре» Ш.Руставели (1939) «Отелло» У.Шекспира и «Евгений Онегин» А.Пушкина (1949) в переводе А.Осмонова. В 1947 году Р.Шукурбеков представил читателям перевод «Горе от ума» А.С.Грибоедова, «насыщенный меткими народными выражениями, удобный для произношения и ясный по смыслу» [36, с.235]. В послевоенный период были переведены произведения Л.Толстого в переводе С.Бектурсунова, Т.Саманчина, сборник рассказов румынского писателя Сынтимбрюну Мирча, избранные произведения татарского поэта Мусы Жалил (совместно с К.Жунусовым) в переводе Т.Шамшиева, стихи Янки Купалы в переводе Т.Уметалиева, сборник стихов Павло Тычины и сборник детских стихов Агния Барто в переводе С.Джусуева и др. Также в 50-е годы активно переводится детская литература. Были переведены произведения А.Гайдара, В.Катаева, А.Толстого, В.Осеевой, А.Мусатова, Н.Носова, А.Кононова, К.Чуковского. С.Маршака, С.Михалкова, В.Короленко. В переводах данного периода не все было воспринято с восторгом и читательским интересом. Романы «Что делать?» Н. Чернышевского (пер. Д.Абдылдаев), «Кавалер Золотой Звезды» С. Бабаевского (пер. С.Сасыкбаев), «Алитет уходит в горы» Т.Семушкина (пер. Ш.Сматов) оказались в переведенных вариантах с многочисленными смысловыми ошибками из-за слабого знания русского языка.

В унисон с развитием переводческой литературы развивается и крепнет критика перевода. Страницы «Советтик Кыргызстан» становятся ареной для критических баталий переводов. Выходят статьи Ч. Айтматова «О терминологии кыргызского языка» («Советская Киргизия», 1952, 24 января), «Переводы, далекие от оригинала» («Советская Киргизия», 1953, 24 мая), К.Рысалиева «Несколько слов о переводе трех поэтов» («Советтик Кыргызстан», 1954. № 11. С. 84–96), С. Бектурсунова «Против формализма в переводе» («Советтик Кыргызстан», 1955, № 9), «Мнение о переводе на

кыргызский стихов и поэм Лермонтова» («Советтик Кыргызстан.»1956. № 2. С. 84–96.), К.Маликова «Некоторые вопросы художественного перевода (Ответ на статью К. Рысалиева)» («Советтик Кыргызстан». 1955. № 8. С. 82–95) и др. В целом 50-е годы стали периодом наступившей зрелости и временем поисков и открытий. В кыргызской переводной литературе наравне с количеством усилилось внимание и качеству.

Следующее десятилетие (60-е г.) стало началом процесса нового прочтения мировой классики, появились новые переводы произведений, давно переведенные на кыргызский язык. В этот период появились переводы, «раздвинувшие образный арсенал родного языка, раскрывшие его внутренние возможности, выразительные ресурсы» [36, с.343]. Были изданы двухтомник М.Шолохова «Поднятая целина» (пер. М.Абдукаримов), «Хождение по мукам» А.Толстого (пер. С. Бектурсуновым), трилогия К.Федина «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер» (пер. С.Ерматов, К.Саякбаев) и др. Экстенсивное развитие переводной литературы поспособствовало росту качества переводов. Кроме прозы и драматических произведений адекватно переводилась и поэзия. Стихотворение А.Пушкина «Туча», «В Сибирь» в переводе У. Абдукаимова, сборник стихотворений и поэм М.Ю.Лермонтова в переводах З.Мамытбекова, «Василий Теркин» А. Твардовского и сборник стихотворений С.Есенина в переводах Р. Рыскулова и Ж. Молдалиева стали большим вкладом в переводную литературу данного десятилетия.

В целом 60-е годы XX века стали периодом наступившей зрелости кыргызской советской профессиональной культуры в целом и в частности в переводческом деле благодаря блестящему творческому труду переводчиков. Больше внимания уделялось качеству перевода, и поэтому на суд читателей были представлены много хороших адекватных переводов. Наравне с расцветом переводческого дела появились серьезные исследователи проблем художественного перевода, литературных взаимосвязей и межкультурной коммуникации, такие как Е.К. Озмитель, М.А. Рудов, Г.Н. Хлыпенко, К.Х. Джидеева, Ч.Т. Джолдошева, К. Абдыкеримов, Д. Кулбатыров и др [36, с.349].

В их исследовательских трудах изучались вопросы художественного перевода, проблемы межкультурных контактов, литературных взаимосвязей и взаимовлияний, сыгравшие самую существенную роль в становлении и развитии кыргызской советской литературы. Общество уже читало не только на кыргызском языке. Повсеместно развивался билингвизм, и это повлияло на появление читающих произведения на русском языке и русские переводы зарубежной литературы. Это привело к постепенной интенсификации переводческого дела в Кыргызстане.

В следующие 70-е годы диапазон переводов расширялся. В 1974 году был выпущен сборник стихотворений и поэм А.С.Пушкина, состоявший из прежних и новых переводов. К примеру, С. Джусуев представил свою новую версию «Бесов», «Тучи», «Я помню чудное мгновение...», Б. Карагулов – «Кавказскую пленницу», Э. Турсунов – пушкинские эпиграммы, Дж. Садыков – «Пророк», «На холмах Грузии...», К. Ырсалиева - «Горные вершины» и др.

В указанные вехи становления и развития кыргызской переводной литературы активно переводились и произведения кыргызских прозаиков и поэтов. Лучшие произведения А.Токомбаева, А.Осмонова, К.Баялинова, Т.Сыдыкбекова, У.Абдукаимова Ж.Боконбаева, К.Маликова Н.Байтемирова, С.Эралиева, Ч.Айтматова и мн.др. стали достоянием русского читателя. В этом творческом наследии заслуживают глубокого признания труд переводчиков Е.Колесникова, П.Железнова, Н.Гребнева и мн.др. В Кыргызстане жили и трудились поэты С.Фиксин, Я.Земляк, М.Ронкин, Ю.Смышляев, А. Бережной, Н. Пустынников, В. Шаповалов, С. Суслова, прозаики В.Паршков, Н.Чекменев, Н.Уцалов, Л. Дядюченко, А.Иванов, В. Виноградов, литературоведы М.Рудов, Г.Хлыпенко, Е.Озмитель. Многие из них переводили произведения кыргызских авторов на русский язык. В.И.Шаповалов перевел эпизоды из эпоса «Манас», лирику акынов Калыгула, Токтогула, произведения Т.Адышевой, Н.Байтемирова, К.Бобулова, Дж.Садыкова, О.Султанова, А.Токомбаева, С.Тургунбаева, К.Тыныстанова, Т.Уметалиева, С.Эралиева и мн.др. В эти же годы активно переводятся

произведения М.Ю. Лермонтова. Например, поэмы «Демон» и «Мцыри» были переведены Заиром Мамытбековым. Стихотворение «Горные вершины» переведено К. Рысалиевым и опубликовано в 35-м номере литературного еженедельника «Кыргызстан маданияты». В лучших традициях «кыргызского поэтического перевода» [27, с.46] был осуществлен перевод в 1975 году поэма Н. Некрасова «Кому на Руси жить хорошо» Э. Турсуновым.

При анализе переводческих произведений сквозь хронологическую призму критик О.Ибраимов выделяет две школы: 1) школа формально-смыслового максимализма и 2) школа образно-смыслового максимализма [36, с.399]. Представителям первой школы отнесены С. Джусуев, С. Джигитов, К. Ырсалиев, Э. Ибраев и др. Ко второй школе примыкают У. Абдукаимов, С. Эралиев, Э. Турсунов и целый ряд других мастеров. Критик отмечает, что эти две школы нельзя противопоставлять друг другу, потому что «Обе имеют полное право на жизнь, и у каждой есть прекрасные достижения и аргументы в свою пользу» [36, с.399].

Активный перевод русской литературы продолжается и 80-е годы, были представлены переводы поэзии А. Софронова, О. Шестинского, В. Широкова и Е. Антошкина. Проза В.Шукшина была переведена С.Наматбаевым. Интерес к переводу растет, расширяется авторский, жанровый и тематический ареал переводов. Эстафету принимает новое поколение переводчиков, такие как К. Ботояров, Э. Кылычев, А. Рыскулов, Ж. Бекниязов, Э. Эрматов и др.

Таким образом, переводческий процесс от 20-х до середины 80-х годов XX века с каждым десятилетием становился более богатым и содержательным. В советское время национальные литературы активно обогащались переводными произведениями братских литератур, а также через русские переводы читатели знакомились лучшими произведениями зарубежной литературы. В указанные вехи становления и развития перевода в кыргызской литературе активно трудились много переводчиков, внесшие значительный вклад в обогащение переводной литературы. В описанном выше переводческом процессе занимает

значительное место переводы Заира Мамытбекова, представленные переводами русской и восточной классики.

Заключение по первой главе

Историография литературного процесса, в котором активно участвовал З.Мамытбеков в 50-80-е годы показывает становления и развития эпосоведения, литературной критики и перевода, начавшихся с первых робких, но впечатляющих шагов. Каждое десятилетие имеет свою характеристику, недостатки и достижения, своих мастеров и новаторов.

Историография манасоведения начинается с первого исторического труда дающего сведения об эпосе «Манас» - это «Маджму ат-таварих» Сайф ад-дин Аксыкенти, трудов Ч.Валихвнова и В.Радлова. Исследование эпоса продолжилось в советское время в трудах Д.Алмаши, К.Мифтакова, Е.Поливанова, С.Липкина, Л.Пеньковского и М.Тарковского. М.Ауэзова, П.Беркова, Э.Абдылдаева, З.Мамытбекова, К.Рахматуллина, Р.Кыдырбаева и мн.др. зарубежных и отечественных ученых. Процесс исследования эпоса был непрост и тернист, но усилиями собирателей, сказителей, исследователей, этнографов и художников сделан колоссальный труд по изучению и популяризации кыргызского эпоса как общечеловеческое нематериальное наследие.

Кыргызская советская литература выросла и расцвела на плодородной почве устного народного творчества. Становлению и развитию литературной критики способствовали зарождение кыргызской творческой интеллигенции, ознакомление с литературно-эстетическими традициями других народов через русскую литературу. Первые критические статьи проложили тернистый и нелегкий путь литературной критики, которая продолжает развиваться, отражая художественный лик творческой интеллигенции кыргызского общества по сей день.

Жизнь и творчество классика кыргызской советской литературы А.Осмонова стали объектом изучения многих поколений литературоведов и

заложили основу зарождения осмоноведения. Особый вклад внесли в развитие осмоноведения Р. З. Кыдырбаева, Ш. Умоталиев, А. Садыков, С. Жигитов, К. Артыкбаев, Озмитель, А. Пазылов, М. Рудов и мн.др.

Становление и развитие перевода в кыргызской литературе начались с первых робких шагов в конце 20 - х годов, а именно, с перевода рассказа «Нищий» И.С. Тургенева, опубликованного в первом номере литературно-культурного журнала «Жаңы маданият жолунда». Постепенно перевод становился тематически и географически шире и богаче. Переводили в основном культурные элементы русской и советской литературы, далее зарубежную литературу с русских переложений.

Исследователь эпоса «Манас», творчества А.Осмонова, переводчик и критик Заир Мамытбеков стал одним из видных и ярких представителей литературного процесса второй половины XX века. Время, точнее 50-е годы, когда З. Мамытбеков влился в ряды молодых литературоведов, стал продуктивным продолжением литературного процесса довоенного и послевоенного периодов и платформой для дальнейшего развития литературы, критики и перевода в последующие 60-80-е годы. Литературное наследие Заира Мамытбекова является зеркальным отражением достижений, степени развития литературного процесса в вышеуказанных периодах.

ГЛАВА II.

ЭПОС «МАНАС» В СОПОСТАВИТЕЛЬНО – АНАЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ З. МАМЫТБЕКОВА

2.1 Ранние записи эпоса «Манас» в трактовке Заира Мамытбекова

Объектом исследования стали опубликованные научные труды критика З. Мамытбекова: монография, написанная совместно с Э. Абдылдаевым “Манас” эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери», монография «Пламенный поэт», посвященная творчеству А.Осмонова, монография «Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас», а также переводы японской, индийской и русской классики на кыргызский язык.

Главным методологическим принципом исследования стал системный подход. Применяется источниковедческий и текстологический анализ монографий, текстов переводов, критических материалов о переводах З. Мамытбекова и архивных материалов.

Основой научной методологии диссертации послужили работы отечественных и зарубежных ученых К.Х. Джидевой, К. Рысалиева, С. Шимеева, Ш.Б. Акмолдоевой, Р. Кыдырбаевой, О. Ибраимова, С. Жигитова, А. Эркебаева, М. Тентимишева, А. Сыдыкова, С. Мусаева, И. Молдобаева, Е. Эткина, Е.А. Огневой, В.С. Виноградова, Д.Кулбатырова, В.Шаповалова.

Заир Мамытбеков посвятил более двадцати лет своей жизни изучению эпоса. В своих изысканиях он опирался на исторические и этнографические труды С.Е. Малова, С.В. Киселева, Н.Я. Бичурина, А.Н. Бернштама, Ю.С. Худякова, В.В. Бартольда, А.М. Хазанова, Л.Р. Кызласова, Н.В. Кюнера, Б.Д. Грекова, С.Г. Кляшторного, В.В. Радлова, Ч.Ч. Валиханова, С.П. Толстого, Сайф-ад дина Ахсиканти и др. Одним из первых он провел историческую параллель между зарождением эпоса и первыми письменными памятниками, отражающими историографию эпического произведения «Манас».

З.Ч. Мамытбеков занимался исследованием эпоса в 60-х годах прошлого столетия. Одним из результатов его исследовательского труда явилась работа «История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции», состоящая из трех частей. Первая часть главы называется «Маджму-атут-таварих», вторая часть – «Ч.Ч. Валихановдун “Манастан” жазып алган эпизоду» (Эпизод из эпоса «Манас», записанный Ч.Ч. Валихановым), третья – «В.В. Радлов жазып алган “Манастын” варианты» (Вариант «Манаса», записанный В.В. Радловым).

Эта работа является составной частью монографии «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери» («История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции»), написанной совместно с Э.Абдылдаевым. Вторую главу под названием «Эпическое соотношение алтайских героических эпосов и эпоса «Манас» написал Э.Абдылдаев. В этой главе Э.Абдылдаевым рассмотрена эпическая связь и общая характеристика эпоса «Манас» и алтайских героических эпосов, общность и различия сюжетов и идей. Также дана оценка роли манасчи и алтайских кайчи в аккумуляции народных сказаний. Данная монография была опубликована в 1966 году. В первой части своего исследования З.Мамытбеков рассматривает литературно-историческое наследие первой половины XVI века «Маджму ат-таварих» (Тарыхтар жыйнагы) Сайф-ад-дин ибн дамулла шах Аббас Ахсиканти и Нур Мухаммад ибн Сайф-ад-дин Ахсиканти.

В научном обороте имеется два названия этого труда: по З.Мамытбекову «Маджму ат-таварих», по Сайф - ад - дин ибн дамулла шах Аббас Ахсиканти «Маджму атут - таворих». Авторы перевода «Маджму атут - таворих» на кыргызский язык М. М. Досболлов и О.Сооронов указывают на грамматическую ошибку в названии. По их утверждениям правильное написание будет именно «Маджму атут-таварих» [107, с.15]. Так как в науке закрепилось «Маджму ат-таварих», мы останавливаемся именно на этом наименовании.

Известная личность своей эпохи, автор «Маджму ат - таварих» Сайф-ад-дин ибн дамулла шах Аббас Ахсиканти жил в конце XV века и в начале XVI

века. Конец сборника был написан его сыном Нур Мухаммад ибн Сайф-ад-дин Ахсиканти. Сайф-ад-дин родился в Аксы, учился в городе Аксикент. Город Аксикент расположился на берегу Сыр - Дарьи и являлся культурным и экономическим центром народов Аксы [107, с.4]. И здесь же Сайф ад - дин вел исследования по истории кыргызов и о Манасе, писал книги. Одна из них, дошедшая до наших дней и ставшая бесценным литературным и историческим наследием Средневековья – это «Маджму ат-таварих».

Существует всего три экземпляра «Маджму ат-таварих». Первый экземпляр был обнаружен таджикским ученым А.Т.Тагиржановым в библиотеке Ленинградского государственного университета. Второй экземпляр хранится в Ленинградском отделении института народов Азии Академии наук СССР (ныне АН РФ) под ошибочным названием (по записям А.Т.Тагиржанова) «Жами ат-таварих». Третий экземпляр был сдан в Национальную Академию наук КР в 1968 году Жайлообаевым Назарматом.

Данный экземпляр сам по себе имеет очень интересную историю. Об этом пишет один из переводчиков данного экземпляра на современный кыргызский язык Омор Сооронов: «У дедушки Назармата были два сына: Койлонбай и Жайлообай. Койлонбай работал писцом у Кудаяр хана. После смерти отца он привез младшему брату Жайлообаю четыре книги и строго наказал ему спрятать их и никому не показывать. А Жайлообай перед своей смертью передал книги своему младшему сыну Назармату» [107, с.6] Самое интересное здесь то, что и Жайлообай велел читать эти книги своему сыну Назармату только тогда, когда ему исполнится 45 лет. Он выполнил наказ отца и начал читать их в 45 лет. Бережно переданные книги от отца к сыну назывались так: «Равзатул сафо» («Сад чистоты...»), «Мавара - нахур», «Тарихи фарзона» и «Маджму атут-таварих».

Рукопись была написана в ученическую тетрадь в линейку с картонным переплетом. В отличие от экземпляра, обнаруженного А.Т.Тагиржановым, который был трудом коллективного списывания, данная рукопись была написана почерком одного человека. По утверждению О.Сооронова в рукописи

отсутствуют некоторые страницы: в начале, в конце, после 47-й страницы, также начало 6-й и 108-й страниц. Тем не менее, данный экземпляр «Маджму ат-таварих» в сравнении с двумя прежними рукописями более содержателен и полон. При передаче рукописи вместе с другими книгами в 1968 году Назарматов Жайлообаевым в Академию наук Кыргызской ССР участвовали академик Х.Карасаев и кандидат филологических наук З.Мамытбеков. Об этом свидетельствует фотография на первой странице переводной книги, где изображены слева направо З.Мамытбеков, Х.Карасаев и Жайлообаев. Имя четвертого участника неизвестно.

З.Мамытбеков в своих исследованиях использовал в основном первые два экземпляра (А.Т. Тагиржанов и В.В.Бартольд), на их основе ознакомил кыргызскую научную общественность с уникальным наследием средневековья «Маджму ат - таварих», дал подробную информацию о его содержании.

«Маджму ат-таварих» в переводном варианте состоит, как и оригинал из 69 маленьких и больших частей. Каждая часть имеет оригинальное название: в буквальном переводе «Одно слово слушайте от Алооке», «В этой части рассказывается о Чунча-калмаке и Торо-калмаке», «Одно слово слушайте от Манаса и Полота», «В этой части рассказывается об отправке посла Жолоя к Манас баатыру» и т.д. Названия частей не лаконичные, они звучат как анонс описываемым событиям. Книга содержит баяны (рассказы) о жизни 12 имамов, о луче пророка Мухаммеда, о жизни элетийцев, истории Чынгыз хана и Амир Темира, также о захватнических войнах китайцев и калмаков с целью порабощения народов Средней Азии. Разделы, повествующие о Манасе, о правителях и шейхах Касана и Ширкента считаются основными частями книги.

«Маджму ат-таварих» с одной стороны эпическое произведение, сотканное из исторических событий, легенд и санджыра, с другой стороны историческая хроника. Ромодин В.А. в своем комментарии к переводу «Маджму ат- таварих» на русский язык пишет, что «исторические факты и даты переплены в нем легендами и вымыслами» [102,с.2]. Сказка о Манасе в основной части написана Сайф-ад-дин ибн дамуллой. В начале произведения

дается информация о кыргызских, кыпчакских, калмыцких племенах, о названиях рек и местностей и об эпосе «Манас». В «Маджму-ат-таварих» касательно Манас батыра дается следующая информация: место проживания кыргызов Талас, отца Манаса зовут Якуб-бек. Далее описываются события, связанные с рождением, с освободительной борьбой Манаса. В «Маджму ат-таварих» на 57-странице о рождении Манаса написано так: «Он передал Каракыштак Жакыпбеку, сам ушел в Ташкент. Родился у Жакыпбека сын, дал ему имя Манас» [107, с.45]. История о Манасе заканчивается рассказом о его победе над калмыцким ханом Жолоем и уходом в Кара-Кишлак. В данном произведении далее «не рассказывается о смерти Манаса и о его потомках» [74, с.14] – пишет З.Мамытбеков. Сравнив сюжетную линию произведения Сайф-ад-дин Ахсиканти с классическими вариантами эпоса «Манас», З.Мамытбеков находит совпадения в содержании, названии местностей и именах героев. В качестве примера он размышляет над топонимом «Каркара».

С исторической точки зрения по «Худуд ал-Алам» Каркара – это названия одного из районов калмыцких земель, по В.Минорскому это название приграничных земель кимаков-кыргызов на берегу Иртыша. В наши дни в Тюпском районе Иссык-Кульской области есть место проведения поминок Кёкётая (по эпосу «Манас») под названием Каркыра (Каркархан в связи с особенностями фонетики кыргызского языка стал произноситься Каркыра). Например, в «Маджму ат-таварих»: «Жакыпбек собрал джигитов Каркары, стоял в Каркара» [107, с.45].

В эпизоде «Поминки по Кёкётёю» по варианту Сагымбая Орозбакова в переводе М.А.Мирбадалевой и Н.В.Кидайш-Покровской есть такие строки: «[Решили] что соберется народ,

Чтобы устроить поминки в долине Каркыры» [148, с.307].

«Маджму ат - таварих»: «Саид Жалаладдин Ширкенттен чыгып, Каркарага жөнөп кетти» [107, с.44]. (Саид Жалаладдин вышел из Ширкента, отправился в Каркару).

3.Мамытбеков перечисляет названия местностей, где проходили сражения Манаса с калмаками, такие как Талас, Кочкор, Кавак, Кара-Кужур, Чаткал, Кажент, Касан, Ширкент. Далее утверждает, что эти названия местностей встречаются и в вариантах С.Каралаева и С.Оразбакова.

Рассмотрим эти факты в сравнении:

В «Маджму ат -таварих»: Дамбур калмак Шамстан чыгып, көп күн жол жүрүп отуруп Кочкорго келди [107, с.43]. (Дамбур калмак вышел из Шамса, после долгих дней в пути пришел в Кочкор).

В варианте С.Оразбакова:

Двигаясь вдоль протекавших там рек,
Туда, где прохладно, направил свой путь,
По Суусамыру поехал он.

По обдуваемой дороге на Кочкор
С несметным войском ехал он. [148, с.331].

В «Маджму ат -таварих» можно найти много интересных фактов. В нем есть информация о ныне существующем маленьком горном айыле Кара - Кужур в Кочкорском районе: «Сахибкыраан Каракужур деген жерге келди» [107, с.75]. (Сахибкыраан приехал в местность Каракужур). Или в переводном варианте В.Ромодина: «Через столько - то дней быстрой езды Жолой в Кочкор прибыл» [102,с.67]. Таких примеров в «Тарыхтар жыйнагы» много. Это свидетельствует о временной и исторической связи прошлого и настоящего, легенд, мифов и реальности.

Также Мамытбеков пишет о том, что в «Маджму ат-таварих» встречаются много исторических героев, например, калмыцкий хан Жолой, враг Манаса Ямгирчи - сын мангытского князя Ваккаса, отравитель и предатель Тубуй, Инга –торо из племени черик, племена Солон, Ши - ве и т.д. У Мамытбекова Солон и Ши - ве написаны отдельно как название отдельных племен. Он об этом пишет так: «В вариантах Сагынбая Оразбакова и Саякбая Каралаева племена Солон и Шиве упоминается во многих местах как одно племя, враждебное кыргызам» [74, с.22].

В варианте Сайф ад-дина племени Солон и Шиве представлены как один народ под названием Солоншиве: «Жолойго Сулуншиведен он мин калмак келип кошулат»-(От Сулуншиве к Жолою присоединились десять тысяч калмаков). [107, с.62].

Указанные З.Мамытбековым в «Маджму ат-таварих» исторические личности встречается и в варианте С.Орозбакова. Например, «От эштеков явился Джамгырчи - У небольшого народа своего он хан» [148, с.293].

В переводном варианте о Джолое есть такие строки:

С повадками борова великан Джолой
Подъехал с тридцатью тысячами людей.

О кыз Сайкал также написаны подобные строки:

Каткаланга [дочь] Сайкал
Ровно с тридцатью тысячами подъехала. [148, с.331].

Такие примеры доказывают, что по галерее персонажей современные варианты эпоса и «Маджму - ат -таварих» не различаются.

З. Мамытбеков сравнивает события эпоса «Манас», описанные в «Маджму ат-таварих» и в вариантах С.Каралаева и С.Орозбакова. По Мамытбекову, события, связанные с Манасом в «Маджму ат-таварих» более реалистичны, «почти отсутствуют гиперболы и мифы» [74, с.15]. В «Маджму ат - таварих» образ Манаса представлен как образ древнего героя, защищавшего свой народ. Он не борется за власть, не ведет феодально-захватнические войны, не распространяет религию ислама, не истребляет народы. Он обыкновенный человек, его ранят, травят ядом, он болеет, выздоравливает. Он здесь не сказочный герой, а реальный человек, который перенес все тяготы воинской жизни, предательство и коварство недоброжелателей и врагов. «Манас – талантливый военачальник и предусмотрительный политик, стремящийся к объединению киргизских племён. Не щадя своих сил, не останавливаясь перед трудностями, борется он за единство и независимость киргизов» [102, с.9] – писали Е.Мозольков и У. Джакишев во вступительной статье к переводу эпоса «Манас».

З.Мамытбеков находит сходство описываемых событий, связанных с Манасом в «Маджму ат - таварих» и классическими вариантами. В варианте Сайф-ад-дин и Нурмухаммеда рассказывается о предателе Тобоя (по Мамытбекову Тубуй). Он попадает в плен к Жолою, женится на дочери Жолоя, отравляет ядом Манаса. В переводном варианте В.Ромодина: «Бросив в пищу яд, Тубай под боком Манаса спал» [74,с.64]. В варианте С.Каралаева и С.Оразбакова это описано в разделе о «Козкаманах».

Исследователь эпоса пишет: «Материалы в «Маджму ат-таварих» имеют значение не только для эпоса «Манас», но и для изучения истории кыргызского народа» [74, с.23]. По «Сборнику историй», видимо, кыргызы жили в горах Тянь-Шаня. Эти географические данные совпадают с современным расположением кыргызов. Еще даны интересные факты происхождения кыргызов. По этому вопросу в своем научном труде критик проводит подробный анализ: по «Маджму ат - таварих» кыргызы берут свое генетическое начало от Ак уул и Куу уул. Далее перечисляются их сыновья, и особое внимание уделяется «сыну Отуз уул Тагаю» [74, с.23]. Сайф ад-дин перечислил его сыновей: Кулан, Кылжыр, Бойгорстон, Кара Чоро, Саяк, Доолос. З.Мамытбеков дальше передает современные уточненные данные по происхождению кыргызов, а именно, он указывает, что Саяк и Азык не являются сыновьями Тагая.

О.Сооронов, определяя историческую значимость данного творения Сайф ад - дина, пишет: «Маджму ат - таварих» имеет большую значимость как письменное наследие для народа, хранившего свое духовное словесное богатство в устном виде, с другой стороны это большое доказательство обратного тем, кто говорит, что у кыргызов не было письменной литературы до казлов Молдо Кылыча» [107, с.12]. На основе анализа «Маджму ат -таварих» З.Мамытбеков пишет о том, что сказание о Манасе, написанный в XVI веке на таджикском языке - бесценный и богатый источник, свидетельствовавший о зарождении эпоса в начале средневековья и распространении в широких слоях, тогда живущих народов. Он предполагает, что сказание о Манасе начало

зарождаться примерно на один - два века раньше, прежде чем попала в «Маджму ат - таварих» [74, с.184].

О.Сооронов в предисловии к переводу «Сборника историй» с фарси на кыргызский язык отзывается об исследованиях З.Мамытбекова эпоса «Манас» на основе «Маджму ат-таварих» очень положительно. Бесспорно, З.Мамытбеков одним из первых литературоведов открыл для кыргызского читателя «Маджму - ат - таварих», обозначил его роль для истории и культуры кыргызов. Через сравнения «Маджму ат - таварих» с современными вариантами эпоса доказал исторические корни выдающегося памятника культурного наследия кыргызов – сказания о Манасе.

II часть монографии З. Мамытбекова «История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции» посвящена научным трудам Ч.Ч.Валиханова о кыргызах и об эпосе «Манас». Данный труд называется «Эпизод «Манаса», записанный Ч.Ч.Валихановым». З.Мамытбеков детально изучал «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о кыргызах» и «Очерки Джунгарии», которые являлись научным и этнографическим результатом трех поездок Ч.Валиханова в страну кыргызов. З.Мамытбекова особенно интересовали сведения об эпосе «Манас», написанные в трудах казахского ученого и этнографа. По утверждению З.Мамытбекова: «Ч.Валиханов первым записал эпос «Манас» и ознакомил научную общественность, пытался дать оценку с научной точки зрения» [74, с.26].

Первая поездка Ч.Валиханова осуществилась в 1856 году в составе военно-научной экспедиции под началом полковника М.М.Хоментовского, которая была экипирована для ознакомления и изучения жизни, быта кыргызов и для составления карты Иссык-Кульской долины. В течение двух месяцев он знакомился с повседневным бытом и нравами кыргызского народа, изучал устное творчество и этнографию. За это время Ч.Валиханов нарисовал простым карандашом рисунки: «Женщины Иссык-Кульских киргизов», «Всадники и тренировка коней у киргизов», «Три женщины», «Мальчик – сын манапа Альчи, из рода сарбагыш», «Бурамбай – верховный манап киргизов

племени Бугу», «Сартай – киргизский манап из поколения сарбагыш», цветными карандашами «Киргиз в ярком халате» и пером «Кочёвка иссык-кульских киргизов» [21, с.143]. Эти рисунки входят в графическое наследие Валиханова. Вторая поездка на Иссык-Куль Ч.Валиханова состоялась в 1857 году, третья поездка в 1858 году. Н.А.Аристов пишет об этой поездке так: «В 1858 году последовал через бугинские земли снаряженный из Семипалатинска караван, в котором находился под видом мусульманского торговца, родственника караванбаши, адъютант генерал-губернатора Западной Сибири, поручик султан Чокан Валиханов» [20, с.483]. Результатом таких поездок стали его труды: «Дневник поездки на Иссык-Куль», «Записки о кыргызах», «Очерки Джунгарии». Самым значимым из всех информации о кыргызах является отрывок из гениального кыргызского эпоса «Поминки по Кукотаю». У Ч.Валиханова можно встретить такую запись: «...был у меня киргиз (рчи). Он знает поэму «Манас». Язык поэмы гораздо понятливее разговорного» [22, с.327]. На основе записанного эпизода Ч.Валиханов делает поспешные и неверные выводы: по его словам, «Манас» - это сказка, появившаяся в последнее время, и далее высказывает неверие, что 3-х дней не хватит, чтобы рассказать эпос «Манас». З.Мамытбеков считает, что такой неверный вывод Ч.Валиханова вытекает из того, что «он не был знаком полностью с трилогией «Манас» [74, с.31]. Язык и культура кыргызов, их повседневный быт и традиции, изученные Ч.Валихановым, были новой страницей в исторической, географической, литературной и лингвистической разнообразии человеческой цивилизации. И он собирался познакомиться с нечто новым весь оставшийся мир. «Один эпизод поэмы «Манас», именно тризна по Кукотай-хану, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, эта первая киргизская речь, переданная на бумагу. «Я занимаюсь переводом этого произведения киргизской поэзии и хочу составить маленький словарь, чтобы познакомить ориенталистов с наречием, до сих пор совершенно неизвестным» - пишет сам Ч.Валиханов [22, с.351]. З.Мамытбеков при сравнении эпизода, записанного Ч.Валихановым и вариантов С.Оразбакова и С. Каралаева находит

соответствия в названиях местностей и в описании событий. Например, перекочевка Бокмуруна по вариации Ч.Валиханова описана так: «Тризна по Кукотай-хану есть, конечно, самый замечательный эпизод в «Манасе». В этом эпизоде рассказывается, как Бук-Мурун, сын ногайского хана Кукотая, чтобы праздновать годовую тризну своего отца, перекочевал с окрестностей Иссык-Куля на черный Иртыш, на Алтай и Хинган под покровительством монгольского хана Джулая» [22, с.351]. Но в вариантах С.Оразбакова и С.Каралаева Бокмурун не кочевал до Оби и до Енисея. «...Бокмурун с Козубаши через Тургон Аксу приехал в Каркыра» [62, с.28]. Заир Мамытбеков задает вопрос о том, от кого же записал данный эпизод Ч.Валиханов и находит ответ в словах С.Каралаева: «Поминки Кукотая Ч.Валиханов записал в айыле Токсоба Олжобаева от большого манасчи Назара Болотова» [74, с.28].

По поводу записанного Ч.Валихановым эпизода доктор исторических наук А.Кылычев дает более точную (статическую) информацию: «...В том году он записал на бумагу «Поминки Кукотая», всего было 3320 строк. Из них были переведены 910 строк и опубликованы в 1904 году в Санкт-Петербурге» [35, с.203]. До опубликования перевода Ч.Валиханова, а именно, 21 марта 1902 года И.И.Веселовский на заседании Восточного отдела Русского археологического общества познакомил Отделение с отрывком на русском языке из обширной киргизской поэмы «Манас», под названием «Смерть Кукотай-хана и его поминки». Перевод этого отрывка, не получивший надлежащей редакции Валиханова и не доведенный им до конца, был найден, к сожалению, без киргизского текста в черновых бумагах К.К.Гутковского [20, с.493]. Докладчик прочел перевод названного отрывка, свидетельствующий, как превосходно усвоил Валиханов русский язык и до какой степени силы и образности умел передавать по-русски сжатую киргизскую речь. В особенности заслуживают внимания три момента этого сказания: I. Прощание Кукотай- хана с народом. II. Избрание Бук-муруна на ханство. III. Отправление Яш-Айдара к киргизским богатырям с приглашением на поминки по Кукотай-хану и байгу по этому случаю [20, с. 494]. Рассмотрим выдержку из поэмы по

переводу, прочитанной Веселовским на заседании Ч.Ч.Валиханова: «I. Народ! Когда меня не станет (когда мои глаза закроются) кумызом меня омойте, острой саблей оскребите, в панцирь оденьте и, кожей обвивши, под голову белый саван положите и головой на восток обратите...» [22, с.494]. Этот фрагмент керээза (последние наставления) Кукотая хана дает достоверную информацию о давних (ныне устаревших) традициях кыргызов, в частности, о похоронах усопших.

Также З.Мамытбековым написан, что Ч.Валиханов дает недостоверное описание Манаса в связи с недостаточным и неполным изучением эпоса. У Ч.Валиханова есть такие предложения: «Вся его жизнь состоит в драках и в искательстве красавиц. Только нрав его не совсем восточный – он часто ругает отца, угоняет у него скот, обращается с ним очень и очень неделикатно» [22, с.327]. Далее он негодует и пишет, что все кочевые народы уважают старость, все аксакалы почитаемы. На фоне таких хороших примерных традиций кочевых народов отношение Манаса к отцу выглядит по Ч.Валиханову «странной». З.Мамытбеков категорически не согласен с утверждением Ч.Валиханова, и он пишет: «В современных вариантах нет таких мыслей о том, что одно из целей Манаса – это искание красавиц» [74, с.31]. По Мамытбекову, такое негативное описание не свойственно народному направлению эпоса «Манас». Если он действительно был таким, как его описывает Ч. Валиханов, то Манас не стал бы истинно народным героем. Мы полностью согласны с мнением З. Мамытбекова: не почитающий старших, проводящий жизнь в искании красавиц и в драках отрицательный персонаж не стал бы обожаемым и любимым батыром такого свободолюбивого народа как кыргызы. Тогда он стал бы героем сатирической поэмы или народных баек.

В записанном варианте эпизода «Поминки Кукотая» образ Кукотай хана описан очень положительно, по З.Мамытбекову описан «тепло». Чокан Валиханов описывает Кукотай хана как мудрого старика, перенесший вместе с народом и невзгоды, и процветания. Перед нами предстает образ мудрого старика-долгожителя, заботящегося о своем народе, помогающем бедным и

нуждающимся, соединившем мелкие раздробленные племена в один целый народ. Даже перед смертью его заботит будущее народа, он желает единство и сплоченность ему. В современных вариантах эпоса образ Кукотай хана представлен аналогично записанному варианту Ч. Валиханова, они звучат в унисон в раскрытии портрета мудрого правителя и дальновидного политика.

З.Мамытбеков подробно анализирует образ Бокмуруна и его взаимоотношение с Манасом. В отличие от записанного варианта Ч. Валиханова, в современных вариантах приглашают Манаса на поминки, испугавшись угроз калмакского батыра Нескара. В варианте С.Орозбакова Бокмурун говорит так: «К Манасу-храбрецу поеду я, То, о чем говорил мой отец, сообщу ему раньше всех!» [74, с.271]. В варианте Ч.Валиханова Бокмурун уводит свой народ к стойбищу калмакского хана Джолоя – врага Манаса. Бокмурун желает подружиться с Джолоем, дарит ему коня. Это усложняет взаимоотношения Бокмуруна и Манаса. В других, широко распространенных среди народа вариантах эпоса «Бокмурун проводит поминки на границе калмаков и кыргызов. Но там нет информации о том, что он подружился с Джолоем и не подарил ему коня» [74, с.38]. З.Мамытбеков на основе сравнений вышеуказанных вариантов утверждает, что переход Бокмуруна в сторону калмакского хана Джолоя противоречит народному духу эпоса. Дружба сына Кукотай хана Бокмуруна с врагом Джолоем был рассказан Ч.Валиханову тем манасчи, от которого был записан данный эпизод. З.Мамытбеков делает такое заключение: «Этот манасчи сам внес такие несоответствующие и неправильные изменения» [74, с.38]. Критик придерживается радикального взгляда по отношению экономических, политических и добрососедских взаимодействий кыргызов и калмаков, не допускает мысли, что кыргызы и калмаки не всегда враждовали. Проживая на одной геополитической арене, им приходилось строить дипломатические отношения, основанные на взаимоподдержке и гостеприимстве.

Кроме несоответствий в описании событий в варианте Ч.Валиханова, по мнению З.Мамытбекова, встречаются интересные этнографические материалы,

доказывающие о создании эпоса «Манас» ещё в давние времена. Этому послужит свидетельством описание смерти, преданию останков земле и проведение поминок. В ритуалах захоронения кыргызов сохранились шаманские обряды в сравнении ритуалами других тюркских народов. Выказывание уважение усопшему сохранились со времен гуннов. Как и гунны, которые хоронили усопшего в гробу, тело Кукотая хана уложили в деревянный гроб, а не в саван «как в исламской религии» [74, с.42].

Он обращается к эпитетам, использованным в эпосе по отношению Манас баатыра. Древние кыргызы и другие тюркские народы используют как тотем барса и волка. Эпитет «көк жал» (синегривый волк) в народном эпосе использован по отношению к храброму Манасу. Ч.Валиханов дает такое описание: «У высокорослого Манаса подняты брови и холодно лицо, кровь черна; но тело бело, живот пестрый, хребет синий. На кого похож храбрый Манас? Он подобен синегривому щетинистому волку» [23, с.350].

В варианте С.Орозбакова:

Рожденный от Жакыпа

Богатырь Манас – их тигр,

Он лев среди людей [148, с.253]. О воинах Манаса можно встретить такие строки с вышеуказанными эпитетами:

Тридцать джигитов – спутники его,

Тигры, что все сокрушают, [шли]. [74, с.337].

Эпитет «көк жал» употребляется по отношению и к сорока воинам Манаса, «көк жалами» представлены Алманбет, Чубак, Сыргак и сын Манаса Семетей. Сравнение героев с дикими хищными зверями вызвано тотемным мировоззрением кыргызов. Кроме синегривого волка как тотем служили арстан, жолборс, барс, кыраан шумкар, туйгун и т.д. Сохранившийся тотемный взгляд кыргызов в эпосе свидетельствует о том, что некоторые события, части эпоса были созданы еще в древние времена.

В итоге своего анализа эпизода «Поминки Кукотая», записанного Ч.Валихановым, Мамытбеков делает такие выводы:

1.«Поминки Кукотая», записанный Ч.Валихановым является первым письменным образцом эпоса «Манас».

2.Этот вариант поможет изучению изменения сюжета и образов в эпосе.

3.Записанный Ч.Валихановым эпизод является народным вариантом. Здесь чувствуется попытка изменения идеи баями и манапами. Но они были незначительными.

Ч.Валиханов в своих поездках открыл для себя и для мирового общества новый мир – мир кыргызов. Он загадочен и разноцветен, торжественен и будничен, богат и беден, музыкален и печален, горд и непоколебим. О духовном богатстве и разнообразии кыргызов Ч.Валиханов в «Очерках Джунгарии» написал такие удивительные слова: «Занимаясь давно собиранием киргизских сказок, мифов, эпических песен и легенд, я был поражен тождественностью их мотивов с мотивами произведений этого рода народов европейских, особенно славян» [22, с.333]. Он рассматривает кыргызов не как отдельный мир, а как часть всего человечества, имеющая тонкие духовные нити с другими народами. Хотя Ч.Валиханов записал только один эпизод из огромного творения наших предков, он поведал миру о его величии и уникальности. Он дал такую характеристику эпосу: «Манас» – это энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенные к одному времени и сгруппированное около одного лица – богатыря Манаса. Образ жизни, обычаи, нравы, география, религиозные и медицинские познания киргизов и международные отношения нашли себе выражение в этой огромной эпопее» [22, с.350].

Во второй части своей монографии «История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции» через сравнения эпизода, записанного Чоканом Валихановым и современных вариантов, З.Мамытбеков нашел расхождения в описании событий, также в некоторых местах (они указаны выше) не согласился с казахским ученым и этнографом. Тем не менее, он дал положительную оценку трудам Ч. Валиханова, отметив, что именно он создал первый письменный образец народного варианта эпоса. Эти труды являются

ценным источником изучения не только эпоса «Манас», но и в изучении преданий, сказаний, географического расположения и истории кыргызов до середины 19 века, которые отражены записях, дневниках, очерках, графических изображениях Ч.Валиханова.

Известный русский ученый, тюрколог В.В. Радлов был одним из первых, кто собирал, исследовал, переводил эпос «Манас» до Октябрьской революции. Он попытался записать все эпизоды героического эпоса и высказать соображения об этом эпосе в научном плане. Общий объем опубликованных В. В. Радловым на кыргызском языке текстов составляет 12454 стихотворные строки, из которых 9449 относятся к содержанию основной части эпоса, т.е. собственно «Манасу» [4, с.17].

В третьей части своей монографии «Октябрь революциясына чейинки «Манас» эпосун жыйноонун жана изилдөөнүн тарыхы» (История исследования и сбора эпоса «Манас» до Октябрьской революции) З. Мамытбеков провел сопоставительный анализ варианта «Манаса», записанным В.В.Радловым и вариантов великих сказителей С. Орозбакова и С. Каралаева.

Материалы о великом герое кыргызского народа Радловым были собраны в течение семи лет, точнее с 1862 по 1869 годы. За эти годы он три раза побывал в стране кыргызов: в 1862-м, в 1864-м и в 1869-м годах. «Нет точных данных о его посещении Кыргызстана в 1862-м и в 1864-м годах» [74, с.51] - пишет З.Мамытбеков в своем труде, посвященном исследованиям В.Радлова эпоса «Манас». В.Радлов жил около месяца в юртах кара - киргизов у племен Сарыбагыш и Солто и занимался собиранием и записью лингвистических материалов. В предисловии к пятой части «Образцов народной литературы северных тюркских племен» В.В.Радлов дает такую информацию: «... тексты были собраны мною в 1862 и 1869 годах у каракиргизов или так называемых дикокаменных киргизов, единственного тюркского народа, сохранившего до настоящего времени название «кыргыз» [101, с.1].

Тексты эпоса «Манас» В.В. Радлов записал у представителей трех племен. [100, с.15]. Об этом он пишет так: «Тексты собраны мною в следующих

пунктах: 1) в 1862 году на р. Текесе у племени бугу, 2) в 1869 году к западу от Иссык-Куля у племени Сарбагыш и к югу и востоку от города Токмака у племени Солту» [62, с.15]. Записанный В.Радловым вариант «Манаса» по З.Мамытбекову носит фрагментную характеристику, так как авторами текстов выступили три разных сказителя (их имена не сообщаются В.Радловым), эпизоды которых обладают противоречивыми описаниями событий: кое-где они хаотично повторяются или не закончены. З. Мамытбеков обратил внимание на идейное направление варианта, записанного В.Радловым и на основе этнографических материалов сопоставил с классическими вариантами эпоса. Например, рождение Манаса В.Радлов записал у племени Сарбагыш близ Токмака. По оценке самого Радлова, этот эпизод «очень скудного содержания» [61, с.26], и ему кажется «песнею, случайно составленной вследствие его вопроса о рождении Манаса» [61, с.26]. С такой оценкой В.Радлова критик Заир Мамытбеков категорически не согласен. Он пишет: «Это неправильно. В современных вариантах есть рождения Манаса» [74, с.57]. Как неопровержимый аргумент своим словам З.Мамытбеков приводит два примера сравнения радловского эпизода рождения Манаса с вариантами Саякбая Каралаева и Сагынбая Орозбакова. Первое сопоставление З.Мамытбекова: в варианте В.Радлова Жакып горестно мечтает о сыне; имя мальчику дают четыре пророка; начиная с шестилетнего возраста, Манас совершает подвиги. З.Мамытбеков пишет, что эти описания встречаются и в современных вариантах. Второе сопоставление: в отличие от сказаний С.Орозбакова и С.Каралаева в варианте В.Радлова переданы панисламистские религиозные взгляды. В варианте В.Радлова Манас еще в младенческом возрасте говорит отцу, что он будет жестоко мстить каапырам (не мусульманам). По мнению З.Мамытбекова этот эпизод, противоречащий основной идее эпоса, был введен сказителем под влиянием бай-манапов в период усиленного распространения исламской религии среди кыргызов. Такое утверждение З.Мамытбекова, наверняка, было заключено под партийной идеологией, которая бай-манапов выделяла как классового врага.

По мнению З.Мамытбекова вариант В.Радлова представляет собой эпизод, состоящий из коротких отрывков сказания о Манасе, и по содержанию и художественности уступает вариантам С.Орозбакова и С.Каралаева. Это объясняется тем, что тексты были записаны в разное время у разных сказителей, уровень которых ниже уровня вышеуказанных знаменитых манасчи. Для достижения высокой художественности послужило препятствием и незнание ученым Радловым кыргызского языка. Во время записи текста эпоса ему приходилось несколько раз переспрашивать сказителей. Поэтому в записанный вариант В.Радловым не вошли многие события и описания, которые встречаются в последующих вариантах эпоса «Манас». Манасовед С.Мусаев дал такую характеристику записям В.Радлова: «Большинство стихотворных строк не производит должного впечатления и в образно-изобразительном отношении, что также, вероятно, объясняется сложностью процесса фиксирования и недостаточным владением самого записчика кыргызским языком» [85, с.16]. Сам В.Радлов пишет с сожалением, что, не смотря на все старания, ему не удалось передать в точности, услышанные от сказителя песни. «Медленная диктовка, повторение одной и той же песни и мои частые вопросы ослабили в певце необходимое для пения вдохновения.... Поэтому стихи, мною записанные, потеряли во многих отношениях» [61, с.30] - вспоминает В.Радлов. Но он выражает надежду, что сделал все возможное. При переводе на русский и на немецкий языки эпизоды эпоса «Манас» записанные В. Радловым, также отошли от оригинала, так как многие выражения были вставлены только для рифмы.

З.Мамытбеков находит ещё одно различие: в варианте В.Радлова называются только имена сорока воинов Манаса. Например:

Ак Кыяс чоро айтты дейт... (Сказал чоро Ак Кыяс)

Көк Кыяс деген чоро айтты... (Сказал чоро Кок Кыяс)

Булгары жыттуу Буудайбек (Буудайбек, пахнущий кожей)

Ол да айтты канына [101, с.28]. (Тоже сказал своему хану)

В записях В.Радлова Тюрсун и Тайлак, Каман и Джайпур – следопыты, которые даже темной ночью не потеряют следов лисицы [45, с.129].

В варианте С.Каралаева дается положительная характеристика сорока воинам, выражая большую симпатию к ним:

Кырк баланын башчысы, (Глава сорока воинов)

Кыйласынан жакшысы, (Лучший из многих)

Найзага камбыл ыктуусу, (сноровистый до копья)

Жоо бөрүсү мыктуусу, (лучший волк врагам)

Куру сөздүн бекери, (ненужное пустословие)

Куруп калган Кутубий, (начал Кутубий)

Көк жал Манас жөкөрү [148, с.103]. (дружинник сивогривого Манаса)

Описание сватовства и женитьбы Манаса на Каныкей в варианте В.Радлова по содержанию близко к варианту Саякбая Каралаева. Сватовство Манаса мотивировано в духе традиций ислама, потому что «он хотел жениться на «законной» основе, выплачивая калым» [149, с.96]. В варианте Саякбая Бакай хан приезжает в Бухару к Темирхану и торжественно говорит:

...Келип калдык Темиркан,

Каныкейдей кызынды

Жуучу түшүп көргөнү [149, с.240]. (Приехали мы, Темиркан, свататься к твоей дочери Каныкей.)

Эпизод, рассказывающий о поминках Кокотай хана, у Радлова передан под названием «Бокмурун». Сын Кокотай хана Бокмурун приглашает всех на поминки своего отца. Среди приглашенных почетных гостей есть и Манас со своими сорока воинами. Этот эпизод заканчивается победой Манаса над калмыцким богатырем Жолоем. Эта победа в варианте В.Радлова описывается как справедливая битва, направленная против калмыков, которые хотели завоевать кыргызов и уничтожить. З.Мамытбеков отмечает, что эпизод «Поминки Кокотай хана» у Радлова передан более подробно, чем у Ч.Валиханова. В варианте Ч.Валиханова дано только начало поминок Кокотая. З.Мамытбеков находит тенденцию реалистического подхода в описании жизни

кыргызов во всех вариантах эпоса. Он пишет о том, что в эпизоде «Поминки Кокотай хана» разнопланово описана повседневная бытовая жизнь кыргызов, чем военные события. «В действительности «Поминки Кокотая» может быть реальной жизнью народа, так как описываются жизненные события, традиции» [74, с.104] – предполагает З.Мамытбеков. В варианте В.Радлова Бокмурун проводит поминки в Каркыре, как и в других вариантах эпоса. У Радлова народ оповещает о поминках хана Кокотая Жайма Көкүл Жаш уул, в вариантах Ч.Валиханова, Сагынбая и Саякбая Жаш Айдар. Ещё одно различие в данном эпизоде – это приглашение и участие Манаса на поминках Кокотая. У Радлова Бокмурун заранее приглашает Манаса, а в варианте Саякбая Бокмурун приглашает Манаса только после стычек между кыргызами и калмыками.

Сопоставив первую часть трилогии «Манас», записанный В.В.Радловым с другими вариантами, Заир Мамытбеков приходит к такому выводу: в эпизодах «Рождение Манаса», «История Алманбета», «Поединок Манаса с Кокчо» «народный мотив эпоса, народный дух передан немного ниже под влиянием идеологии бай-манапов» [74, с.105]. Это объясняется по Мамытбекову тем, что В.Радлов остановился в доме не простого бедного кыргыза, а в доме бая-манапа, правящего народом. Так как основные слушатели были бай и манапы, манасчи изменил события в угоду их требованиям. Это заметил и сам В.Радлов: «Если богатые и знатные люди присутствуют при его пении, тогда он вплетает в свою песню похвалу его рода или другие обстоятельства, которые непременно должны понравиться знатным... Из третьего эпизода «Манаса» видно, как певец старался подделываться под мой вкус» [148, с.30]. Такие конъюнктурные старания сказителя послужили различным подходам при описании событий в эпосе в варианте В.Радлова. В заключении анализа вышеуказанных эпизодов З.Мамытбеков отмечает, что основной идеей в варианте эпоса «Манас», является борьба за независимость и свободу кыргызского народа под предводительством Манаса. В варианте В.Радлова описана борьба кыргызов в XIV- XV вв. с калмаками, XVI – XVII веках с джунгар калмаками.

В.Радлов записал отрывки эпизодов о Семетее и Сейтеке под названием «Семетей». Основной сюжет эпоса передан вкратце, события описаны очень просто и приближены к реальной жизни, отсутствуют гиперболизация образов героев, сказочно-мифические элементы. Эпизод «Семетей» у Радлова начинается со столкновений Семетея с сорока воинами Манаса. Описание смерти Семетея в варианте В.Радлова по сюжетному содержанию очень близко к вариантам Кара ырчы и Саякбая. По предположению З.Мамытбекова эпос «Семетей» был записан от сказителей на Иссык-Куле, поэтому прослеживается сюжетная близость с другими вариантами трилогии о Манасе.

По версии Радлова смерть Семетея описывается как рок судьбы. В его варианте образ Семетея не так монументален, не так велик и могуч, как его отец Манас. Но в «Семетее» академика В.Радлова присутствует единая сюжетная линия в отличие от «Манаса». Третья часть «Сейтек» в «Семетее» дано еще короче, чем в вариантах Саякбая и Сагымбая. В. Радлов по эпизодам по Семетею и Сейтеку записал 3005 стихотворных строк. Вариант эпоса, записанный В.Радловым получил объективную оценку В.М.Жирмунского: «Однако варианты, записанные Радловым, имеют неполный и довольно случайный характер, поскольку главное внимание исследователя было обращено на язык произведения» [45, с.93]. Исследователь эпоса «Манас» И.Б.Молдобаев пишет, что в текстах записей В.Радлова встречается множество грамматических ошибок. Эти ошибки он считает объективными, так как они связаны с трудностями овладения тюркскими языками В.В.Радловым. Далее И.Молдобаев пишет: «Однако эти ошибки составляют ничтожную долю по сравнению с заслугами В. Радлова, главной из которых, на наш взгляд, является то, что он сумел дать должную оценку кыргызскому эпосу и осознать грандиозный объем этого сказания» [84, с.17].

Несмотря на такие недостатки, записи тюрколога В.В.Радлова являются богатым историческим и этнографическим источником для изучения эпоса «Манас». «Эти записи являются одним из первых и в научном отношении более достоверных» [4, с.18] - пишет Ш. Акмолдоева. В.Радлов не просто записал

эпизоды от разных сказителей, но и дал научную оценку, выказал свое восхищение искусством сказителей эпоса. Для Радлова Манас – «сильнейший из воинов, странствующий в сопровождении своих сорока товарищей (чоро) по всему миру и всюду побеждающий своих врагов» [100, с.19]. Давая высокую оценку уровню саморазвития кыргызов и его развитому эпическому творчеству, он писал: «Народное сознание развито гораздо более, чем у остальных северных тюркских племен» [61, с.19]. В.Радлов удивлялся умением кыргызов красиво и образно говорить: «Излагая свои мысли точно и ясно, он умеет придать своей речи известную долю изящества...» [61, с.16]. В речи кыргыза чувствуется ясный ритмический размер, его предложения строятся в стихотворные строки. Народ, умеющий красиво, пленительно, образно говорить и петь, сохранил в своей памяти образ великого героя, создал великое слово о своем великом сыне. В «Кратком отчете о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869 г.» В.Радлов писал: «Богатая эпическая поэзия этого народа доставила мне довольно обильную жатву, не только важную для лингвиста, но и весьма интересную для исследователя мифов и народной поэзии» [100, с.99]. В.В.Радлов положил начало научному изучению эпоса в дореволюционное время. Он является одним из основоположников наряду с Ч.Ч. Валихановым «научного изучения героического эпоса киргизского народа» [13, с.4].

События, описанные в версии В.В.Радлова, критик З.Мамытбеков сравнил с вариантами Кара ырчы, Саякбая и Сагымбая и выявил отличия и сюжетную близость в описании героев, событий. Он не спорит и не опровергает положительные мнения и оценки труду В.Радлова других исследователей, он их дополняет и развивает своим сопоставительным анализом. Он показал всю значимость и бесценность записей ученого В.В.Радлова в изучении, распространении эпоса «Манас» через призму истории, этнографии, фольклора. В.Радлов опубликовал и перевел на русский и немецкий языки, тем самым ознакомив научное сообщество XIX века незнакомым произведением фольклора кочевого народа. «Значение вклада В.В.Радлова в исследование

мало известных науке тюркоязычных народов велико» [4, с.400], и для кыргызов, создавших энциклопедическое эпическое произведение и передававших через века и поколения в устном виде записи эпоса стали глашатаем в большой мир, который открыл для себя мир кыргызов через труды В.Радлова. Детально изучив и проанализировав вариант эпоса «Манас», записанный В.Радловым, З.Мамытбеков обозначил научную и этнографическую ценность его записей в изучении и популяризации сказания о кыргызском батыре. Также З.Мамытбеков через сравнения с другими вариантами эпоса доказал, что эпос зародился ещё в древние времена и является не только эталоном устного народного творчества, но и неиссякаемым документальным и литературным источником.

2.2. Характеристика эпохи, отраженной в эпосе «Манас»

Продолжением изучения эпоса «Манас» З. Мамытбековым является монография «Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас». В ней З. Мамытбеков исследовал характер эпохи, отраженной в эпосе, его идейно - эстетическое содержание, поэтику эпоса, принципы организации сюжета, композицию, формы повествования, особенности стиха и стиля, а также раскрыл культурно-историческую и познавательную ценность эпоса.

На основе конкретного анализа первой части трилогии З.Мамытбеков приходит к выводу, что в эпосе «Манас» отражена последняя стадия родового общества или военная демократия, а во второй части трилогии есть признаки раннего феодализма. Критик подробно описывает уровень развития у кыргызов производительных сил, в частности, производство металла и изготовления из него оружия, доспехов и домашней утвари. Ссылаясь на исследования археолога С.В.Киселева и на вариант Сагымбая, критик З.Мамытбеков старается уточнить время сложения основного ядра «Манаса». У кыргызов в VI-IX веках железо было основным, добываемым и обрабатываемым металлом. Из этого доступного металла изготавливались все виды рубящих и колющих оружий: трехгранные наконечники стрел, мечи, сабли, кинжалы, копыя, боевые

топоры, секиры. В тексте эпоса описывается процесс изготовления копья батыра: «древко срезано, высушено в летний зной, выстругано 18 раз, покрашено 12-ю разными красками и, чтобы не скользило в руке, покрыто бронзой» [110, с.51]. Из описания видно, как тщательно и искусно изготавливались боевые снаряжения. Древние кыргызы также изготавливали защитные щиты, панцири, шлемы и т.д. В эпосе очень часто упоминаются «изящные, драгоценные вещи, обладающие высокими боевыми качествами оружия и снаряжения, боевая одежда» [85, с.105]. Определяя эпоху, отраженной в эпосе, Заир Мамытбеков пишет: «По историческим источникам, археологическим данным и материалам эпоса «Манас», кыргызы пережили героическую эпоху- эпоху железного меча» [80, с.8]. Потому что плавка железа и изготовление из нее различные виды боевого оружия, хозяйственных предметов является одним из главных черт эпохи военной демократии. Такого же мнения придерживается С. Мусаев: «...в содержании «Манаса» отражена в основном высшая стадия родового строя времен военной демократии» [85, с.98]. На это, по утверждению Самара Мусаева, указывают те действия в сюжете эпоса, в которых отражено положение членов общества, их взаимоотношения, права и обязанности, взгляды и представления, труд и орудие производства, отношение людей к орудиям и средствам производства.

Заир Мамытбеков опирается на археологические исследования С. В. Киселева и дает подробное описание орудий труда и военного оружия из железа древних кыргызов.

Еще одним атрибутом характеристики эпохи, отраженной в эпосе «Манас» является патриархальная семья и семейно-брачные отношения в патриархально-родовом кыргызском обществе. У Мамытбекова определено так: «Каждый кыргызский род, обрисованный в Манасе, состоит из моногамных семей, которые являются экономически самостоятельной единицей; члены семьи живут в отдельной юрте и самостоятельно ведут хозяйство» [81, с.9]. В сюжете эпоса отразилась основная характеристика кыргызской семьи - это система наследования, при которой имущество семьи полностью переходит к

самому младшему представителю мужского рода, доказывающая «существование у киргизов минората» [81, с.9]. Также в анализе эпоса есть сведения об обычае экзогамии (исключается брак внутри рода) и выплате калыма, которые являются особенностью патриархальной киргизской семьи.

3. Мамытбеков приводит пример из варианта Сагымбая, где рассказывается об участии в сборе большого калыма всех киргизских родов и племен. Киргизы старались сохранить обычаи отцовского рода, ярким свидетельством которого послужит обычаи левирата и сорората, которые восходят к древнейшим формам института брака. Наличие левирата и сорората в эпосе «Манас» З.Мамытбеков объясняет тем, что «в подготовке брака участвовали все ближайшие родственники жениха и невесты, оказывая помощь в сборе калыма, приданого и организации свадьбы» [81, с.12]. Именно совместная уплата калыма давала права родственникам принять участие в решении дальнейшей судьбы вдовы усопшего. З.Мамытбеков приводит такой пример из эпоса: Джакып после смерти Манаса подговаривает Абыке и Кобош жениться на Канькей. Сам Джакып в молодости женится на вдове брата отца Чыйырды (Шакан).

Критик обращает внимание и абункулату в эпосе, в котором ярко выразилось материнское право. Этот обычай устанавливал права и обязательства между дядей с материнской стороны и племянниками. По контексту эпоса «Манас» З. Мамытбеков указывает на воспитание Семетея его дядей по матери Исмаилом.

Одним из признаков общности рода выделяется наличие родового общего знамени, тамги и общего боевого клича. В эпосе родовое красное знамя поднималось во время пира в честь рождения Манаса и во время перекочевки с Алтая в Ала-Тоо. Также оно поднималось по приказу Манаса во время битвы за Бейджин. Во время похорон Кокотой хана водружали голубое знамя у юрты усопшего. В эпосе знамя является олицетворением воинской сплоченности и спаянности народа.

О тамге - родовой метке, которая ставилась на скот, свидетельствуя о наличии частной собственности на скот, З. Мамытбеков пишет так: «Тамгу данного рода могли ставить только члены этого рода. Метка родовой тамгой скота других родов считалась величайшим оскорблением» [81, с.16]. В эпосе, по приведенному примеру З. Мамытбекова, Кулчоро ставит метку племени Джедигер коню Суркоену, и из-за этого вспыхивает раздор между племенами «ногой» и «джедигер».

На основе анализа текста эпоса З. Мамытбеков указывает, что управление родом первоначально носило демократический характер, т.е. им управлял по общему правилу старший по возрасту или батыр, показавший свое мужество и храбрость в бою. Настоящая демократия, по З.Мамытбекову, существовала в начальной стадии родового общества, где власть народного собрания было полной, но все-таки имущественное расслоение населения начало проявляться независимо от демократических форм власти.

Характеристика эпохи, отраженной в эпосе рассматривались и другими исследователями «Манаса». С. Мусаев на основе своего анализа пишет, что «эпоха, отраженная в сюжете «Манаса» характеризует высшую стадию бесклассового родового строя, а именно времена военной демократии» [85, с.106]. С. Бегалиев: «Возникновение киргизского эпоса «Манас» относится к позднему периоду первобытнообщинного строя, когда уже начался процесс разложения родового строя, хотя отдельные элементы эпоса возникли еще до этой эпохи» [13, с.9]. З. Мамытбеков подошел к раскрытию характеристики эпохи более углубленно. Он рассмотрел не только производственные силы данной эпохи и военную демократию, но и описал минорат, сорорат, левират, калым – обычаи и неписанные законы патриархальной семьи кыргызов. Определение эпохи и приведенные аргументы на основе контекста эпоса не вызывают сомнений и не дают поводов для споров. З. Мамытбеков определяя эпоху, отраженную в эпосе «Манас» как эпоху древней общественной формации – военной демократии (равноправие членов дружины в распределении военных трофеев, выборность военных предводителей и др.)

или как последнюю стадию родового общества, дает разъяснительное описание всех основных признаков данного отрезка истории кыргызов.

В силу сложившихся политических и экономических обстоятельств у кыргызов выработался воинственный дух, определяющий основную характеристику народа. В. Я. Бутанаев о древних кыргызах пишет так: «Кыргызы были воинственным народом» [17, с.28]. До сих пор у современных хакасов существует выражение «хырхыстын хыргычы» – кыргызская отважность, а «у монгольских народов имя кыргызов – «харгис» приняло нарицательное значение для жестоких и свирепых людей» [17, с.28]. В героическом эпосе «Манас» ярко показан воинский дух и воинский быт древних кыргызов.

Далее З.Мамытбеков отмечает историко-познавательную ценность описания в эпосе военной организации и военно-спортивной подготовки воинов. По материалам эпоса, проанализированным критиком, каждый боеспособный мужчина от семнадцати до семидесяти лет обязательно должен был нести военную службу и участвовать в походах. Поэтому они в течение жизни учились умению использовать боевые оружия и оттачивали боевые способности. Физическая закалка воинов шлифовалась во время облавной охоты и военно-спортивных игр. Устраивались «ат чабыш» (конные состязания), «күрөш» (пешая борьба), «жаа тартмай» (стрельба из лука), «эр сайыш» (состязания на пиках), «жамбы атыш» (стрельба в мишень), «ордо» (захват ставки) и т.д. Во время таких игр налаживались взаимоотношения между соседними племенами и народами, «решались спорные вопросы или наоборот, усиливались трения» [81, с.154]. Конноспортивным играм придавались особое значение и внимание, их проводили во время больших праздников или тризны. В разных вариантах эпоса в эпизоде «Поминки по Кокотею» есть сведения о проведении таких игр. Например, Бокмурун совещается с Кошоем о проведении поминок отца и говорит:

Испытаем быстроногих скакунов,

Многое задумываю я,

Думаю устроить скачки лошадей,
Как считаешь, абаке Кошой? [148, с.303]

Единоборство, по утверждению З. Мамытбекова, считается высшим воинским мастерством, где участники показывают физическую силу и отвагу, отстаивая честь рода, племени или целого народа. По варианту Сагымбая «Балбанга Жолой түшүптүр, Байкап көргөн адамдар, Жыгуудан күдөр үзүптүр» [147, с.1539] - (На единоборство вышел Джолой, наблюдавшие его люди не решились побороться с ним). Хан Кошой выходит на единоборство с Джолоем и побеждает.

Опираясь на материалы эпоса, З. Мамытбеков дает картину экипировки кыргызского воина. Экипировка воина состояла из меча, стрелы и лука, боевого топора, веревки и бюрдука. Наконечники стрел были трехпластными, с острым концом. Эта форма стрелы, видимо, сохранилось еще со времен до нашей эры, потому что, Ю. С. Худяков при раскопках на реке Табат (Хакасия) кыргызских памятниках эпохи великодержавия нашел много экземпляров древних наконечников. Он об этом пишет так: «наряду с трехлопастными наконечниками, предназначенные для поражения незащищенного панцирем противника, у кыргызских кочевников Табата получают распространение бронебойные трехгранные наконечники стрел различных типов» [121, с.219]. Портрет кыргызского воина-всадника дополняют и эти строки: «В ближнем бою кыргызские всадники применяли ударное копьё с длинным древком и железным наконечником с ромбическим пером и длинной втулкой, пользовались длинными и короткими двулезвийными мечами с прямым перекрестьем и боевыми топорами с узким лезвием и высоким обухом» [18, с.132]. В эпосе упоминается о фитильном огнестрельном оружии – мылтык. Особо ценились нарезные «алмабаш» и «койчагыр». У самого Манаса был Аккелте. Здесь З. Мамытбеков вводит разъяснение, что факт употребления огнестрельного оружия намного «позже, вероятно, в связи с распространением его среди соседних с киргизами тюрко-монгольских племен и народов» [81, с.171].

О защитных доспехах кыргызского воина у В. Я. Бутанаева и Ю.С.Худякова мы нашли такое описание: «Для защиты кыргызские воины применяли нагрудные панцири из горизонтальных нашивных пластин и ламеллярные доспехи из вертикальных, соединенных ремешками пластинок» [18, с.132]. Для изготовления таких доспехов использовался металл, а в тексте эпоса упоминается о том, что для прочной защитной одежды использовался и шитый войлок: «Женщины делали белый войлок, который не проткнет копье и не пробьет сабля» [81, с.127]. Воины тяжелой конницы Манаса были одеты в железные кольчуги, боевые шубы и пуленепробиваемую одежду. У них имелись также «чокмор» (дубинки) и пики. Тяжеловооруженный кыргызский воин внешне имел грозный вид, к этому прибавлялись патриотический дух, жажда победы, воинская удаль и храбрость. Критик отдельно описывает оборонительные и защитные доспехи кыргызского воина по эпосу «Манас» – чешуйчатый панцирь, кольчуги, щит, латы, шлем.

Описание экипировки кыргызского воина встречается и в исследованиях Л. Р. Кызласова: «Закованные в панцири и латы, одетые в шлемы, конные воины были вооружены длинными копьями, тяжелыми мечами и саблями, щитами, луками и стрелами. На древках их копий развевались флаги и знамена» [118, с.17]. Эти описания вооружения кыргызского воина показывают, что такой вид экипировки был традиционным в эпохе военной демократии, также показывают реалистические корни описания воина Манаса.

Далее З. Мамытбеков пишет о военной организации войск Манаса. Войска делились на десятки, сотни, тысячи, десятки тысяч, сто тысяч воинов. Во главе десяти воинов стоял десятник, над сотней стоял сотник, над тысячами воинами командовал «миң башы» – тысячник, а войска численностью в десять тысяч управлялся темником (түмөн башы). Кроме такого деления существовало деление войск по видам оружия, применяемого воинами Манаса. В составе его войска были лучники, копейщики, алебардисты, сабельщики, стрелки [81, с.163].

Другая организация – деление войска по мастям коней тоже существовало. По тексту эпоса Алманбет делит воинов по масти коней на два ряда - воинов на лошадях серой масти в один ряд, в другой ряд построил воинов на лошадях белой масти. Деление войска по родовым признакам в виде родового ополчения было древнейшей традицией, такое деление находит свое практическое применение и в эпосе «Манас». Например, В. Я. Бутанаев и Ю. С. Худяков об организации кыргызского войска дают такое определение: «При формировании и построении войска боевые единицы строились по родоплеменному принципу» [17, с.132].

По тексту эпоса в военных действиях наряду с мужчинами участвовали и женщины в случае непосредственной угрозы независимости родине и благополучию семьи. З.Мамытбеков привел такие примеры: сестра Манаса Карлыгач и Кыз Сайкал обладают богатырской силой и сражаются с богатырями. Далее описывая вооружения и доспехи воинов, их применение в бою, пишет, что «все это дает возможность представить вооружение и снаряжение киргизов в период военной демократии и раннего феодализма и помогает датировать время сложения эпоса IX -XI вв.» [81, с.173].

Также З. Мамытбеков пишет о военных походах и воинском быте, описанных в эпосе «Манас». По варианту С.Орозбакова он насчитывает около пятидесяти малых и больших битв. Перед битвой изучались дороги, велась тщательная разведка противника, проверялось вооружение и снаряжение конницы и запасалось продовольствие. При неотложной необходимости мирное население отсылалось вглубь страны. Обычно военные действия кочевые народы, в том числе и кыргызы начинали летом или осенью, когда был подножный корм для лошадей. Строки из эпоса: «Люди шумели: «Сошли снега, Знойные зазеленели луга, Почему ж не идём на врага?» [148, с.124] как раз говорят о времени начала военных действий. В поход угоняли и запасной табун лошадей, и вьючный обоз верблюдов. Мирным населением готовилось для воинов продовольствие: «күлазык» (нарезанное сушеное мясо), «курут» (сыр сушеный), «талкан» (поджаренное в жире толкно). Провизию возили в

«курджунах» (сотканный мешок), притороченных к седлу. Потом назначали день выступления на сборе родоплеменных вождей. Перед выступлением закалывали белую кобылицу - приносили жертвоприношение духам предков. После обряда жертвоприношения, по материалам эпоса, Манас выступал перед собравшимся войском с торжественной призывающей речью. Например, перед началом похода на Бейджин Манас говорит: «Говорю вам, ханы, пора! На него нагрянуть пора, Пора его проучить, Вместе надо двинуться нам» [148, с.70]. Во время похода войско шло колоннами со знаменами, по бокам колонны, на расстоянии нескольких километров, «растягивалась боевое охранение всей армии» [81, с.175]. Осуществлялась высылка крупных отрядов боевого охранения в направлении противника. Манас разделил свое войско на авангард и арьергард. Авангард занимался разведкой, уточняя месторасположение и боевые силы противника, наносил первый удар или совершал вылазки, изматывая войско противника. Арьергард вел бои при отступлении с преследующим врагом.

Во время боя применялись определенные тактические и стратегические приемы: крупные и мелкие набеги, обходы, засады, окружения, мелкие частые атаки перед генеральной битвой, отрезание путей отхода войск противника, притворное бегство. На примере битвы Манаса с Акунбешимом критик изложил, что «сильной стороной тактики и стратегии кыргызских войск было использование местности, естественных преград, благоприятных возможностей ландшафта, позиционных удобств, в особенности в горных условиях» [81, с.178]. В своем анализе З.Мамытбеков дает описание атаки – аламана, когда войско идет как водный поток, накрывая противника тяжелой непрерывающейся волной. Кыргызская конница была мобильной, мало связанная с верблюжьим обозом, поэтому без больших трудностей проходила через горы, безводные пустыни, переплывала бушующие реки, используя естественные броды или построенные плоты. А когда не было возможности плот «воины наполняли дымом бурдюки и привязывали под мышки и плыли, держась за хвосты коней» [81, с.180]. Манас и Алманбет, если не участвовали

сами в сражении, стояли на возвышенности и наблюдали за боем, принимали решения, исходя из сложившихся обстоятельств, и отдавали приказы. Рядом с ними реяло синее знамя кыргызов. Его падение означало поражение, и поэтому его охраняли особо. Использовались трубы и литавры для подачи сигнала к общей атаке. Также различные условные знаки в дневное время передавались через размахивание флажков. Связь между сражающимися частями поддерживалась конными нарочными. Основу кыргызской армии во время войн составляли родоплеменные народные ополчения и войска союзников. В период войны избирался колбашчы – военный предводитель.

В итоге своего анализа З.Мамытбеков пишет о том, что «ведение войны и боя сложилась у киргизов на основе многовековой практики, корни которой уходят во времена гуннов, древних тюрков. Эти приемы стали традиционными, что не означало их шаблонности» [81, с.181]. В зависимости от сил противника и от условий местности приемы ведения войны варьировались и корректировались. Кыргызские тумены отличались хорошей военной организацией и высоким искусством ведения войн и сражений в разных географических условиях.

Ю. С. Худяков в своей монографии «Кыргызы на Табате» писал: «Основные закономерности экономического, социального, культурного и военно-политического развития кыргызского общества являются частным случаем эволюции кочевого мира евразийских степей» [120, с.214]. Кыргызы как часть евразийской кочевой цивилизации внесли свою богатую историческую лепту в картину беспокойного мира, где народы истребляли друг друга, проливали невинную кровь детей, матерей на бескрайние пыльные степи и холмы. Кыргызы вели непрерывные войны за свободу, за независимость, они выжили и выстояли. Не только выстояли, они взлелеяли и вынесли для потомков великое Слово о прошлых подвигах предков. Это великое Слово отражает их взлеты и падения, подвиги и походы, историю и культуру. Это великое Слово стало богатым источником для изучения материальной и духовной культуры для многих ориенталистов, ученых-тюркологов,

путешественников, историков, этнографов, среди которых литературовед и переводчик З.Мамытбеков.

Таким образом, манасовед на основе анализа текста «чуда, не существующего у других народов» [2, с.30] – эпоса «Манас» показал богатое идейное содержание данного эпоса, являющееся совокупностью целого ряда ведущих идей.

2.3 Идейно-эстетическое содержание и поэтика эпоса «Манас»

Основное идейное содержание «Манаса» отражено в жизни и борьбе кыргызов в эпоху раннего феодализма и военной демократии и основывается на материальной жизни общества, отражая общественное бытие и сознание человека. Развитие материальной жизни кыргызов-кочевников определяет его идеологию и морально-этические, эстетические взгляды. Идейно-эстетическое содержание эпоса своеобразно, оно обусловлено объективными факторами: уровнем производительных сил и идеологическими отношениями между членами кыргызского общества.

Из совокупности представленных в эпосе тем, З. Мамытбеков выделяет главные: объединение разрозненных кыргызских племен в единую народность; создание конфедерации племен и народностей против общего врага; борьба кыргызского народа и его союзников против кара-китайских, ойрото-калмыцких, джунгаро-калмыцких захватчиков; проявление патриотизма и гуманизма, любви к родине; утверждение идей дружбы и братство народов; воспевание созидательного труда, утверждение эстетических идеалов народа; раскрытие и утверждение чаяний народа, его мечты о мирной жизни, свободной доле [81,с.34]. Далее З. Мамытбековым раскрываются эти выделенные 7 главных тем.

На первый план выходит сопротивление кыргызских племен против захвата и насилия, возмездие врагу. Весь контекст эпоса пронизан идеей объединения разрозненных киргизских племен. По З.Мамытбекову эта идея «одна из главных идей эпоса» [81, с.37]. Далее манасовед отводит значимое

место героическому характеру эпоса. Именно героическое начало сближает эстетический идеал с общественным идеалом эпохи, отраженной в эпосе «Манас». Герои эпоса ярко показывают свою храбрость, силу, ловкость, героизм во время битв и сражений. Их преданность идее объединения всех кыргызов против общего врага не изменяется и в других жизненных ситуациях. Зарождается образ идеального богатыря, преданного своему народу, родной земле и охранявшего его от иноземных захватчиков. Это образ Манаса – образ героического идеала, вокруг которого собрана целая плеяда героев - его единомышленники, доблестные богатыри, кырк чоро - сорок дружинников. Манас «синтезирует высшие героические качества» [110, с.28], а носителем героического духа в эпосе выступает сам народ. Народ идеализировал своих героев, эта идеализация является потребностью времени, которая «выражает ощущение процесса углубления этнической консолидации, становление этнической общности» [81, с.49]. Захватнические разрушительные действия внешних врагов становятся движущей силой для единения племен, для становления кыргызов как отдельного независимого народа. Как не парадоксально звучит это утверждение, но именно в такие переломные моменты истории народное сознание создает идеальную для себя норму. Критик пишет о том, что Манас изображен как представитель «военизированного населения, живущего в эпоху военной демократии» [81, с.52]. Его внешность и подвиги гиперболизированы, но в его образе реалистично переданы народные представления о человеке: он наделен недостатками и слабостями, присущими простому человеку, он может самокритично относиться к своим поступкам. В качестве примера З.Мамытбеков описывает сцену во время поминок по Кокетею. Манас ударяет главу рода кыпчак Урбу, рассердившись за неуместный совет. Кошой укоряет Манаса за непочтительность к старшему по возрасту человеку и за грубость, несдержанность. Манас признает свою вину. В этом моменте ясно виден реализм эпоса. В идеальный портрет главного героя добавлены реальные краски человеческого характера и его поступков. Ведущими чертами характера

Манаса являются гуманизм и справедливость, их он проявляет даже по отношению к врагам.

Трагическое воплощение является существенной чертой художественного своеобразия эпоса «Манас». В эпосе отражены противоречия человеческой жизни, они наполнены большим общественно-социальным содержанием. «И здесь мы видим, – пишет З. Мамытбеков – что главное в таком противоречии – столкновение между нравственной свободой личности и исторической необходимостью, приводящее героическую деятельность людей к трагическому исходу» [80, с.56]. Такая трагическая развязка объясняется столкновением прогрессивных устремлений героя с неодолимым препятствием вождей и военачальников, которые устремлялись осуществить свои желания в ущерб благосостояния общества. Нашествие врагов само по себе несет большую трагедию для народа, лишая свободы, родной земли, жизни. Героико-трагические конфликты присутствуют в образе Манаса, Алманбета, Каныкей. Например, Алманбет терпит поражение от узурпаторов Эсенкана и Конурбая.. В «Манасе» воспеты братские отношения, взаимовыручка, в основе которых лежит бескорыстие, великодушие, справедливость. Ярким примером братства может выступить отношения между Манасом и Алманбетом, сохранившиеся до конца их жизни.

Художественное своеобразие эпоса раскрывается и в изображении созидательного труда. Наряду с военными подвигами героев в эпосе воспевается сноровка и умение в изготовлении предметов быта, оружия. З.Мамытбеков пишет о мастерстве оружейника Болукбая, который изготовил оружие Зулпукор и бинокль Манасу. Мифологические и фантастические элементы в эпосе «Манас» представлены довольно широко и изображены очень красочно. Это и чудесное рождение Манаса, и магические способности Кошоя, и вещие сны Джакыпа, Манаса, Каныкей. Мифические мотивы эпоса, по мнению З.Мамытбекова, служат для идеализации и поэтизации героя. Изображение борьбы героев эпоса с мифическими существами (Мадыкан, Макел-Малгун) способствует раскрытию образов богатырей. Сказочно-

мифические черты эпоса свидетельствуют о наличии элементов, которые появились в сказании в первоначальном этапе развития эпического творчества кыргызов. З.Мамытбеков высказывает мнение, что эпос сложился на древней культурной основе, поэтому в эпосе продолжают сосуществовать наряду с реальными представлениями и анимистические, тотемические и магические традиции. Их присутствие делает сюжет героического эпоса более динамичным и притягательным.

На основе текстологического анализа З.Мамытбеков делает такой вывод: «Анализ идейно-эстетического своеобразия «Манаса» показывает, что художественное богатство эпоса обусловлено тем, что это не мертвый памятник прошлого, переставший функционировать как устно-поэтическое произведение, а живая реальность, бытующая и развивающаяся в народном сознании и сегодня» [81, с.73]. Об эпосе высказал такое мнение Ч.Айтматов: «Ведущая тема «Манаса» - борьба киргизского народа с иноземными поработителями, воспевание подвигов легендарного богатыря Манаса, объединившего вокруг себя разрозненные киргизские племена» [3, с.212]. А.К.Боровков, выступая во Всесоюзной научной конференции, посвященной изучению эпоса «Манас» сказал так: «Раскрыть идейную сущность киргизского эпоса, созданного народом отражающую взгляды народа на своего эпического героя определенной исторической эпохой и условиями жизни народа, раскрыть борьбу двух тенденций в эпическом творчестве – таков именно путь к решению проблемы народности эпоса» [109, с.36].

Их мнения созвучны с аналитическим итогом литературоведа Заира Мамытбекова. Основное идейное содержание эпоса критик определяет, как борьбу кыргызов против общего врага, как консолидацию племен и народностей вокруг одного героя для достижения общей идеи. Во время анализа идейно-эстетического содержания эпоса З.Мамытбеков уделяет внимание трагическим, реалистическим и мифологическим описаниям событий и героев. Эпос «Манас» имеет большую духовно-историческую ценность для самого автора как исследователя, как патриота. По его оценке,

эпос связывает прошлое с настоящим, его тема и идея открывает путь к светлому выстраданному будущему целого народа, который с древних времен лелеял в умах и сердцах образы любимых народных героев.

В анализе поэтики эпоса «Манас» З. Мамытбеков рассматривал принципы организации сюжета, композиции и форм повествования, эпические способы создания образов, особенности стиля и стих «Манаса». Сюжет эпоса разворачивается на основе биографии главного героя и носит традиционный и устойчивый характер. В главную сюжетную линию эпоса включены многочисленные повествования о других героях. Эти повествования являются внутренними законченными сюжетными линиями (рассказы о Кошое, Алманбете, Чубаке и др.), которые дополняют, обогащают главную сюжетную линию сказания о Манасе. Литературовед, сопоставив варианты Саякбая и Сагымбая с записями В. В. Радлова и Ч.Ч.Валиханова, выявляет традиционную основу эпоса «Манас», состоящую из 13 тем: Рождение, детство, юность Манаса и борьба с алтайскими калмаками; встреча Кошоя с Манасом, перекочевка Манаса с Алтая на Ала-Тоо; Борьба с афганским ханом Шооруком; борьба Манаса и Кошоя с восточно-туркестанскими ханами; приход Алманбета; женитьба Манаса на Каныкей; война с Алооке ханом; заговор Козкаманов; поминки по Кокотаю; великая битва за Бейджин; смерть Манаса и гибель богатырей; бегство Каныкей в Бухару [81,с.75].

Р.З. Кыдырбаева к основной сюжетной линии относит 6 тем, а именно, рождение и детство Манаса; походы Манаса (Чоң казат); прибытие Алманбета; сватовство и женитьба Манаса на Каныкей; поминки по Кокетею; эпизод с кёзкаманами [49, с.8]. Сюжетная линия эпоса у З. Мамытбекова представлена на основе варианта Саякбая шире и развернуто, и охватывает смерть Манаса и бегство Каныкей с маленьким Семетеем в Бухару. Несмотря на различные варианты, основная сюжетная линия эпоса традиционна – в ней сохраняются основные темы. Р. З. Кыдырбаева пишет, что в различных вариантах эти сюжетные линии строятся не обязательно в указанном порядке, но «основная традиционная тема, безусловно, сохраняется» [49, с.8]. С. Бегалиев о

традиционности и устойчивости сюжета отметил: «Об устойчивости в течение многих веков содержания эпоса прекрасно свидетельствует тот факт, что почти во всех вариантах мы находим один и тот же основной сюжет» [13, с.22]. Такого же мнения придерживается и З. Мамытбеков, в частности, он пишет: «Порядок изложения событий в различных вариантах варьируется, каждый из вариантов по построению сюжета является самостоятельным произведением» [81, с.75]. Все сказители эпоса строят свой вариант на основе стержневой сюжетной линии, привнося от себя дополнения с веянием времени.

Большую композиционную роль играет образ главного героя – Манаса. Вокруг него сгруппированы все остальные персонажи эпоса. Героический характер, по мнению З. Мамытбекова, определяет героический пафос эпоса и содержательность его сюжета. Он обозначил в эпосе два типа действий: действия с внешней динамикой (решительные военные действия героев эпоса против врагов), действия с внутренней динамикой (размышления и переживания героев). В ходе раскрытия темы о поэтике эпоса З. Мамытбеков выделяет специфические особенности композиционной организации сюжета. Одной из особенностей сюжета эпоса является его хроникальность – все события представляются как хроника жизни главного героя. Другая особенность – это наличие в сюжете формул – связок, которые соединяют отдельные законченные события друг с другом. З. Мамытбеков приводит такой пример: «Муну мындай тыштайлы, Кошойдон сөз баштайлы» - «Так оставим это событие, так начнем рассказ о Кошое» (перевод З. Мамытбекова). Такие словесные формулы служат для связки частей целого, заостряя внимание слушателей и читателей к следующему важному событию из сюжетной линии эпоса. Далее автор подробно останавливается на сюжетных линиях, связанных с различными событиями в эпосе, выделяя конфликты, кульминацию, мотивы, также обозначая роль диалогов, описания, психологические состояния героев. З. Мамытбеков выводит итог о традиционности и устойчивости сюжетно-композиционной линии эпоса

«Манас». Это утверждение не разнится с мнениями других исследователей «Манаса», а дополняет и расширяет анализ текста эпоса.

Критик З. Мамытбеков среди способов создания образов в эпосе «Манас» особое внимание уделяет описательному компоненту – портрету. Выражение лица, жест, поза, одежда, снаряжение, фигура, являясь моментами описания, придают персонажу конкретность, реальность дают возможность слушателю или читателю воссоздать его образ. В «Манасе» портрет обычно дается сжато, весьма обобщенно. Это объясняется, по З. Мамытбекову, доминированием сюжетного раскрытия образа героя.

В сюжете эпоса особое место имеет и психологический портрет героя. Внутреннее состояние героя в данный момент раскрывается через выражение лица, через взгляд и настроение. Критиком дан психологический портрет Манаса во время поминок Кокотая. Манас рассердился на Урбу за его неуместный совет отдать Мааникера. Его глаза горели от ярости, лился из глаз пламя: «От көзүнөн жарк этип, Заары чыгып өзүнөн, Шаркырап жалын көзүнөн...» [147, с.1515]. Внешнее описание и их психологический портрет переданы красочной, метафоричной художественной речью. З. Мамытбеков отмечает тяготение стиля эпоса гиперболизации, направленного для создания идеализированного образа богатырей. З. Мамытбеков уделит внимание карикатурно-гротескному изображению отрицательных героев в эпосе и художественному приуменьшению – литота. Традиционный выбор именно тех или иных художественных средств в описании образов, в данном случае, гротеск по отношению к отрицательному герою и литота по отношению к положительному герою обусловлены авторской позицией сказителя. Образ Конурбая получил эпитеты «ит» (собака) «донуз» (свинья), образ Манаса «көкжал» (сивогривый волк). «При изображении врагов народ прибегает к таким эпитетам, которые особенно выразительно подчеркивают презрение и ненависть народа к угнетателям и притеснениям» [13, с.47] – пишет С. Бегалиев и приводит такие примеры: «канкор Коңур» (кровожадный Конур) «чоң Джолой» (большой Джолой). Эпитеты в эпосе применяются для определения

богатырских качеств и других героев: «эр Кошой» (храбрый Кошой), «баатыр Сыргак» (богатырь Сыргак), «Айкөл Манас» (великодушный Манас) т.д.

3. Мамытбековым обозначена роль метафор, сравнений, антитез и эпитетов, часто встречающихся в тексте эпоса. Они не просто выделены как художественные средства, но раскрыты примерами из эпоса. Критик в рамках поэтики эпоса анализирует стихотворную структуру эпического творения кыргызов, которая относится к древнейшему типу эпического тюркского стиха. Границы ритмических частей стиха в кыргызском эпическом стихосложении обозначаются словоразделами, где опорное слово образует трехслоговую группу. «Соединение повествовательной речи и речитативного напева является одной из особенностей стихотворной поэтики» [81, с.109] – отмечает З. Мамытбеков. Недостаточное сохранение принципа равносложности, приближительный характер изосиллабизма или одинаковое количество слогов в соизмеримых строках силлабической и силлаботонической систем стихосложения указывает, по утверждению З. Мамытбекова на древность происхождения стиха эпоса.

Ритмико-синтаксический параллелизм в ритмике эпоса основан на сопоставлении персонажей, их действий, предметов, событий. З. Мамытбеков приводит аргументы из варианта С.Орозбакова: «Суу ордуна кан төктүк, бөрк ордуна баш кестик, бөз ордуна көз тештик» [81, с.110]. Из построения этих строк видно, что ритмико-синтаксический параллелизм достигнут в ареале трех поэтических синтагм. Они соответствуют друг другу фонетически, грамматически и синтаксически, и отличаются интонационно-ритмической замкнутостью. Такой параллелизм прослеживается в эпических произведениях и у других тюркских народов. Например, в якутских эпосах такой параллелизм носит регулярный характер.

Стих «Манаса» состоит из обычного для кыргызской народной поэзии размера из семи-восьми слогов и доминирует принцип «произвольного объединения строк в большие и меньшие тирадные группы» [147, с.20]. Тирадное (строфное) построение кыргызского эпического стиха доказывает его

древние корни, образуя особую систему языка эпоса со свойственными ему признаками и особенностями в их тесной взаимосвязанности и взаимообусловленности. «Специфической особенностью стиха «Манаса» является исключительно развитая аллитерация», причем, аллитерация начальная (анофорическая)» [147, с.21] – пишут Е. Мозольков и У. Джакишев. По их утверждению, фонетическая организация стиха занимает доминирующую позицию, а рифма играет вторую позицию. Продолжая анализ особенностей поэтики, З. Мамытбеков определяет, что тирады «Манаса» содержат основную сквозную и вспомогательную рифму. Основная рифма сочетается с побочными рифмами. В эпосе представлены в достаточном объеме звуковые повторы, аллитерации (внешние, внутренние, парные) которые придают стиху «Манаса» красочность, звучность. Стихотворная поэтика эпоса рифмически созвучна почти во всех стихотворных строках на основе параллелизма. В результате проведенного анализа автор исследования делает вывод, что «своеобразие стиха эпоса «Манас» свидетельствует о том, что он вбирает в себя начало, идущего от древнейшего примитивного стихосложения, и от более поздних исторических периодов, когда национальное стихосложение уже приобретало более развитый характер» [81, с.115].

Аллитерация, единоначатие, ассонанс, по мнению Р. З. Кыдырбаевой, принадлежат к обязательным приемам эпоса. Она пишет: «Они используются не для украшения строфы или стиха, а для конкретизации высказываемой мысли, для усиления ее воздействия на слушателя» [49, с.56]. Здесь мнения Р. З. Кыдырбаевой и З. Ч. Мамытбекова совпадают и дополняют друг друга. Звуковые повторы благозвучны для слушателя, являются еще одним художественным средством, подчеркивающим своеобразие, поэтическую красоту и силу эпоса «Манас».

Исследуя поэтику эпоса кыргызов, которые являются «самым богатым из тюркских народов по сокровищам народного эпического творчества» [99, с.29], он раскрывает механизм структуры параллелизма, характерного и для других тюркских эпических произведений.

Понимание окружающей действительности у древних кыргызов носит своеобразный характер, свидетельствующий о прочно сформировавшихся мировосприятии и мироощущении наших предков и о традиционности их мировоззрения, где «мир людей – лучший из миров» [4, с.128]. Миропонимание и психология народа ярко выражены в эпосе «Манас» наряду с отражением экономических, политических, культурных сторон жизни кыргызов: «Изучение миропонимания кыргызов, отраженного в эпосе, дает возможность понять особенности мировоззрения кочевого народа в прошлом, и способствует постижению основной идеи «Манаса» [81, с. 38]. В эпосе отражено древнейшее миропонимание кыргызов в виде мифов, легенд, поверий, культов. Силы окружающей природы обожествлялись, например, домашние животные имели мифического хозяина – покровителя: Камбар - Ата является покровителем лошадей, Чолпон-Ата – овец, Ойсул-Ата – верблюдов, Зенги - баба – коров, Чычкан-Ата – коз и тд.

В эпосе «Манас» Солнце, Земля Вода представлены как прародители всех благ. По утверждению З. Мамытбекова в эпосе прослеживается своеобразное выражение взглядов на природу, а именно, космогонические представления, зародившиеся в глубокой древности. По представлениям древних кыргызов космос состоит из вертикально расположенных семи слоев, каждый из которых имеет своего хозяина. На основе варианта Сагымбая автором анализа приведены следующие примеры: солнце, луна, звезды расположены на четвертом слое космоса, а под голубым небом расположена земля в виде круглого шара, похожая на колесо. Ш. Б. Акмолдоева, анализируя модель мира древних кыргызов по материалам эпоса пишет, что «в представлении предков кыргызов земля - круг, окружность» [4, с.79]. Но на этой окружности, по определению Ш. Акмолдоевой, выделены четыре основных направления – четыре стороны света (төгөрөктүн төрт бурчу). Эти направления являются горизонтальным членением мира кыргызов по эпосу «Манас», получившее подробное изложение в анализе Ш.Акмолдоевой. Наличие горизонтального и

вертикального членения мира у древних кыргызов доказывает, что ими создана единая модель организованного постранства.

Яркая образность эпоса выросла на почве анимизма и тотемизма в мифах. З. Мамытбеков пишет о том, что «пережитки-анимизмы сохранились в виде передачи свойства и качества человека окружающей природе, в наделении животных и явлений природы человеческими чертами» [81, с.143]. Когда умирает Манас, впадает в траур вся природа, также знаменитый верблюд Манаса Джелмаян, его конь Тайбуурул, гончая собака Кумайык, любимый кречет Акшумкар. Теряют боевую силу Ачалбарс, винтовка Зулпукор, пика Сырнайза, орудие Абзель. Тотемистические воззрения древних кыргызов тоже получило отражение в эпосе. Бездетный Джакып во сне поймал сокола и белого кречета. Сокол выступает как символ рождения сына-богатыря, а кречет символизирует покровителя будущего героя. Во время скитаний грудного Семетея кормит своим молоком самка белого архара.

В анализе текста эпоса З. Мамытбеков пишет о сохранившихся у древних кыргызов традиции жертвоприношения различным духам, божествам и культу предков (арбак). Древними кыргызами воссоздана яркая красочная картина мира, где есть место и живым, и мертвым, человеку и животному, небесным телам и явлениям природы, реальности и таинству. Они чувствовали себя частью природы, поэтому относились к ней с почтением, одушевляли и обожествляли.

2.4 Оценка З.Мамытбековым культурно-исторической и познавательной ценности эпоса «Манас»

Сказание о Манасе является синтезом мотивов, образов архаических мифолого-фантастических эпосов глубокой древности и вымысла, фантазии с поэтизацией реальной исторической действительности. В эпосе написана панорамная картина жизни и борьбы кыргызов в течение тысячелетия, передается характер мышления, думы, чаяния народа с древнейших времен до XVIII века. В этом и заключается, по оценке З.Мамытбекова, познавательная и

художественная ценность эпоса. Картину общественно-экономического состояния народа в различные исторические периоды можно воссоздать через жизнь, быт, борьбу, разностороннюю деятельность, отраженную в эпосе. «Для выявления исторической основы, эпических событий, мотивов эпоса «Манас» приходится опираться на материалы самого эпоса» [81, с.117] – пишет З. Мамытбеков. Он рассматривает следующие виды хозяйственной деятельности древних кыргызов:

1. Скотоводство. 2. Земледелие 3. Охота 4. Торговля.

Кыргызы имели два типа кочевания. Первый тип – это экстенсивное кочевое скотоводство, которое требовало длительных переходов по сезонным пастбищам, постоянных перекочевок. Изображение в эпосе таких длительных перекочевок основано исторической действительностью, например, перекочевка древних кыргызов с Енисея и Алтая до Ала-Тоо и обратно.

Второй тип кочевания – это кочевка с весенних, летних, осенних пастбищ. Зимовали в поселениях и становищах временного типа. По контексту эпоса Кошой зимует в каменном укреплении, Манас живет зимой в ставке вместе со своими родичами и сорока дружинниками.

По материалам эпоса кыргызы разводили лошадей, овец, крупнорогатый скот, верблюдов. Лошадь выступала основной меновой единицей: стоимость крупного и мелкого рогатого скота устанавливалась в строгой пропорции к цене лошади. В сравнении с алтайскими, хакасскими сказаниями образ коня в эпосе изображен более реалистично, основываясь на жизненные факты. З. Мамытбеков, подытоживая анализ значимости скотоводства в жизни народа, пишет: «Кыргызы вели кочевое скотоводство и применяли два типа кочевания: сезонные, непрерывные перекочевки, полукочевой и отгонное скотоводство» [81, с.120].

Также кыргызы занимались земледелием (слабо развитым), строили каналы для орошения посевных полей, строили деревянные желоба «ноо» или «най» для подъема воды в труднодоступные места. Сведения о земледелии кыргызов по тексту эпоса З. Мамытбековым аргументированы историческими

данными ученых Махмуда Кашгари, Н. Я. Бичурина, С. В. Киселева. В тексте эпоса «Манас» встречается поэтическое изображение охоты. В древние времена охота была одним из основных занятий кыргыза и носила подсобную роль в сохранении домашнего скота и в добывании пропитания, пушнины. В народе ценились особо удачливые охотники, достигшие в своем ремесле высокого мастерства. Доказательством этому послужит эпос «Кожожаш», где рассказывается сила, ловкость, удачливость молодого мергенчи. Охота рассматривалась и как спортивное развлечение. Детей с раннего возраста приучали охотничьим навыкам, учили метко стрелять из лука. Охотились кыргызы с помощью гончих собак, с беркутами, с соколами. По утверждению З. Мамытбекова процесс охоты в эпосе описывается с гиперболизацией. Например, Манас устраивает охоту с участием четыреста человек с радиусом облавы до месячного конного пути. Участники окружали зверей сужением кольца облавы с помощью громких звуков барабанов, литавр, стрельбы. Кроме этого охота носила и тактико-стратегическое значение. Особо ценилась охота с ловчими птицами. У Манаса «имелся знаменитый сокол по имени Акшумкар» [50, с.124]. Кыргызы во время охоты использовали лук со стрелами, капканы, силки, фитильные ружья. З. Мамытбеков приводит пример из «Границы мира» («Худуд-ал-алам»), где говорится, что кыргызы являются охотниками и имеют охотничьих собак. Итак, по результатам анализа З.Мамытбекова охота выполняла две важные функции: функцию пополнения продовольствия и функцию военно-спортивной тренировки, говоря другими словами, функциональная характеристика охоты была продиктована образом жизни кыргызов и политико-экономическими требованиями времени.

В сравнении с другими отраслями хозяйства, торговля у кыргызов было развито слабо. По З. Мамытбекову, причиной слаборазвитой торговли является кочевой образ жизни, отдаленность от караванных путей, натуральность хозяйства и недостаточное количество производимых продуктов. Не было денежного оборота, товары приобретались или продавались путем натурального обмена, т.е. мерилom ценности в основном у широких масс

кыргызского населения выступал домашний скот или пушнина. Использование золотых или серебряных слитков как мерил ценности было привилегией родовой знати. З. Мамытбеков, опираясь на факты из исследований Н. Я. Бичурина, пишет о существовании торговли у кыргызов с древнейших времен. Кыргызы продавали в основном пушнину и скот, меняя их на ткани, на посуду, на чай и т.д. Торговля велась с городами Восточного Туркестана и Средней Азии. В. Я. Бутанаев изучая хакасский фольклор, связанный с кыргызами написал: «Кыргызы занимались торговлей с азиатскими государствами» [17, с.28]. Также С. В. Киселев, исследовав торговлю древних кыргызов, дал положительную оценку: «кыргызы отличались трудолюбием, талантливостью в ремеслах и предприимчивостью в торговых предприятиях» [57, с.292].

Основное занятие древних кыргызов – скотоводство определяло характер домашнего промысла и ремесла. Продукты скотоводства служили сырьем для изготовления изделий домашнего промысла. З.Мамытбеков на основе текста эпоса сообщает об изготовлении войлока из овечьей шерсти. Качество войлока зависело от качества отобранной шерсти. Из хорошего войлока женщины-мастерицы делали боевые войлочные халаты, головные уборы, стрелонепроницаемый панцирь, принадлежности конской сбруи, также убранства юрты. Из верблюжьей шерсти делали халат. Из кожи животных изготавливались боевые доспехи, тулупы, брюки, головные уборы, подстилки для юрт. В эпосе «Манас» описаны древние способы обработки кожевенного сырья. З. Мамытбеков в качестве примера описывает обработку кожи отстреленного козерога по варианту Сагымбая, где повествуется, как кожу козерога намочили кислым молоком, очистили от шерсти, покрасили в растворе яблоневого коры и разминали.

У кыргызов были темир уста (кузнец), жыгач уста (мастер по дереву) и зергеры (ювелиры). Кузнецы-оружейники пользовались особым почетом даже у самого Манаса. Кузнец Болукбай получает от Манаса ценный подарок за преподнесенное ему оружие.

Домашние промыслы и ремесла, описанные на основе текста эпоса З. Мамытбековым, были тесно связаны со скотоводческим хозяйством. «Несмотря на примитивность орудий труда, киргизские мастера славились своим искусством в изготовлении оружия, золотых и серебряных украшений» [81, с.128] - пишет он, подводя итог изучению текста эпоса. Как видно из вышеизложенного анализа, Заир Мамытбеков описал все отрасли хозяйственной деятельности древних кыргызов и дал точную, подкрепленную историческими данными, характеристику и высокую оценку промыслу и ремеслам кыргызов.

По материалам эпоса «Манас» далее З. Мамытбеков в своем исследовании дает информацию о жилищах, транспортных средствах, одежде и пище древних кыргызов. Древнейшая форма жилища кочевников – юрта была приспособлена для кочевой жизни. Кыргызами изготовлялись и парадные юрты, называемые «ак ордо» или «ак сарай». В эпосе есть сведения о других видах переносного жилья: алачык (шалаш) и чатыр (шатер). Манас во время боевых походов жил в конусообразном шатре, покрытом кошмою или шелком. Каждый дружинник имеет свой красный шатер из шелка.

Кочевой образ жизни и климатические условия повлияли на характер одежды древнего кыргыза. «Одежда киргизов была исключительно приспособлена к верховой езде: она была проста, просторна и удобна» [81, с.129] - пишет З.Мамытбеков, перечисляя характерные свойства одежды. Кыргызы изготовляли одежду из шерсти овец, коз, верблюдов, из кожи домашних и диких животных. Также они использовали различные ткани, привозимые из земель Восточного Туркестана и Средней Азии. Они обменивались на скот и пушнину. З. Мамытбеков перечисляет и описывает мужскую и женскую одежду кыргызов, пишет об их отделке и функциональности. Проводив сравнительный анализ одежды кыргызов, изображенный в эпосе «Манас», литературовед З.Мамытбеков пришел к выводу, что она «сохранила ряд архаичных черт, присущих костюмам древних

тюрков кочевников, а также сходство с одеждой народов Центральной и Юго-Восточной Азии» [81, с.132].

Географические условия проживания и кочевой образ жизни древних кыргызов предопределили характер и рацион пищи. По эпосу «Манас» Заиром Мамытбековым описывается два основных составляющих пищи кыргызов – мясо и молоко. В будничные дни, во время военных походов, на пирах и торжествах кыргыз питается вареным мясом и молочными продуктами. З.Мамытбеков описывает, как Каныкей угощает сорок дружинников. Она велела заколоть белую кобылицу и перед дружинниками поставила вареное накрошенное мясо - «нарын»: «Мясо белой кобылицы сварить, чтобы чоро угостить. Велела щедрая Каныкей» [148, с.96]. Во время длительных походов воины Манаса питались долгохранящейся пищей «кулазыком» - мелконакрошенным сушеным мясом. В тексте эпоса есть такие строки: «Был для киргизов источником сил- Куль - азык он толченый возил, Жареный самой Каныкей!» [148, с.333]. Кроме молочных продуктов (самым любимым, из которых является кумыс), кыргызы употребляли хлеб, толокно и чай. Например, приготовление чая в эпосе описано так: «В три обхвата был каждый кумган, И в пузатый каждый кумган сахар был положен и чай» [148, с.57]. Раскрывая характер пищи на основе эпоса, З.Мамытбеков дает кулинарные и исторические сведения, связанные с пищевыми предпочтениями и возможностями, сформировавшихся под влиянием хозяйственной и торговой деятельности.

На основе наблюдений над природой и жизненным опытом у древних кыргызов существовала эмпирическая народная медицина и магическое лечение с помощью применения шаманских приемов. Использовали в качестве лекарства различные травы, мясо, жиры. З.Мамытбеков называет лекарства: «уужемил», используемый при кровотечениях и ранениях; «ожемил» использовали при рвотах; опухоль лечили «нуржемилем»; а «уулжаном» очищали внутренности человека [81, с.14]. Кокчекоз угощает Манаса отравленным кумысом, сам пьет противоядие «киемин». Отравленного Манаса

Каныкей лечит конским подбрюшным жиром для высасывания яда. По свидетельству З. Мамытбекова, кыргызы практиковали хирургические приемы лечения. Их хирургические инструменты были примитивные, например, «тинтуур» (ланцет) для извлечения застрявшей в теле наконечника стрелы или пули; «аштар» (ножичек) для вскрытия раны. Ставили «шакшак» (лубки) при переломах, а для быстрого заживления переломов давали «мумиё».

Также в эпосе «Манас» отражено исполнение песен и музыки на пирах, торжествах и на поминках по умершим богатырям. Например:

Мигом явились четверо слуг,
В синие бубны грянули вдруг,
Каждый с верблюдом величиной,
Бубен слугу заслонял величиной [146, с.38].

Певцы становились глашатаями, и песней оповещали народ о предстоящих играх, соревнованиях. Один из дружинников Манаса Ырамандын ырчы уулу был глашатаем на поминках по Кокотею.

Критиком описаны и музыкальные инструменты, например, доолбас или добулбас - один из древних ударных инструментов кыргызов призывал войско к сбору, оповещал о нападении врагов. Барабанные звуки сопровождали игру других духовых и струнных кыргызских музыкальных инструментов – кернея, зурны, флейты, литавры, свирели, дуды, комуза, кыл кыяка и т.д.

Таким образом, через сопоставительный анализ вариантов эпоса «Манас» З.Мамытбеков показывает, что «основу экономического благополучия киргизов составлял скот, а занятие кочевым скотоводством было основным их занятием» [81, с.137]. В сравнении со скотоводством, другие виды хозяйственной деятельности были развиты немного слабо. Тем не менее, они тоже отражают многие стороны жизни и быта древних кыргызов в эпоху военной демократии или в высшей стадии родового строя.

Заир Мамытбеков в своих трудах «Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас» и «История исследования и сбора эпоса "Манас" до Октябрьской революции» проанализировал историю изучения эпоса, идейно –

эстетическое содержание, культурно – историческую и познавательную ценность сказания о народном герое. Также З. Мамытбеков принял участие в переводе прозаического варианта трилогии эпоса «Манас», составленный Зияшом Бектеновым и Касымкулом Нанаевым. Его вклад в исследования эпоса «Манас» высоко оценен критиком А.Обозкановым в обзорно-портретной статье «Мамытбеков Заир» [56, с.315], где было отмечено, что он показал себя как крупный специалист и сильный теоретик в манасоведении и в литературоведении.

В течении ряда лет лингвист и исследователь «Манаса» Касымкул Нанаев и манасовед, лингвист и переводчик Зияш Бектенов занимались изучением различных вариантов эпоса. На основе вариантов Сагымбая Орозбакова и Саякбая Каралаева им было осуществлено прозаическое переложение эпоса «Манас» в 1948 году. Прозаический вариант сыграл большую роль в популяризации кыргызского эпоса среди читательского и научного сообщества. Почти через 50 лет прозаическое переложение было опубликовано под названием «Манас, Семетей, Сейтек» в 1999 году в Бишкеке. В переводе на русский язык прозаического варианта З.Бектенова и К.Нанаева под редакцией чл. корр. Акад. наук СССР, профессора В. М. Жирмунского и кандидата филологических наук Г.А. Самарина участвовали переводчики А. Н.Валитова, А.Сапожников, Б.Кошбаев и З.Мамытбеков. Участие в коллективном переводческом труде эпоса «Манас» литературоведа и переводчика Заира Мамытбекова свидетельствует о том, что он придавал особое значение аккумулятивному элементу кыргызского фольклора.

Заключение по второй главе

В процессе текстологического и сравнительного анализа критик З. Мамытбеков показал, что эпос «Манас» отражает факты экономико-социальной, политической, хозяйственной и культурной жизни кыргызского народа. По утверждению З. Мамытбекова эпос изображает борьбу кыргызов за независимость, миропонимание и психический склад разных поколений

кыргызов различных периодов их общественного бытия, передает мечту и чаяния народа о мирной счастливой жизни.

По исследованию эпоса «Манас» им сделана большая содержательная работа, куда вошли его исследования первых записей сказания Ч. Ч. Валихановым и В. В. Радловым, эпизоды эпоса в «Маджму ат - таварих» и итоги большой аналитической деятельности над текстом вариантов С.Орозбакова и С. Каралаева. В «Маджму ат - таварих» З.Мамытбеков отметил реалистичность событий, названий племен и географических местностей. Он дал положительную оценку трудам Ч. Ч. Валиханова, отметив, что именно он создал первый письменный образец народного варианта эпоса. В анализе варианта эпоса «Манас», записанный В.Радловым, З.Мамытбеков обозначил научную и этнографическую ценность его записей в изучении и популяризации сказания о кыргызском народном герое.

Но следует отметить, что в научном подходе З. Мамытбекова присутствует влияние господствующей идеологии марксизма-ленинизма советской эпохи, где уделялось особое внимание освободительным движениям и революционным тенденциям в литературе и искусстве. Все то, что относилось к фольклору и к дореволюционному прошлому считалось «идеологической ошибкой», чуждой марксистской идеологии. На волне жесткой идеологической волны судьба изучения и научной оценки эпоса «Манас» в Советском Союзе была драматичной и неоднозначной. Ученые – филологи и литераторы К. Тыныстанов, Т.Айтматов, Т. Саманчин, Т. Байджиев, З. Бектенов, Дж. Шукуров, Е.Поливанов и мн.др., изучавшие и поддерживавшие перевод, издание и экранизацию эпоса, стали жертвой репрессий. В июне 1952 года бюро ЦК КП (б) Киргизии, рассмотрев вопрос об эпосе «Манас», отметило, что наряду с народным содержанием, эпос проникнут «феодално-клерикальной идеологией» [62, с.23]. В «Манасе» нашли «панисламистские и пантюркистские идеи», якобы «чуждые и враждебные» народу. Был запрещен «Великий поход». Шла спекуляция на советско - китайской дружбе, потому что в «Великом походе» повествовалась о походе кыргызов в Китай. После

преодоления культа личности и начало глубоких изменений всех сторон общественной жизни, в 1961 году под редакцией Б.Юнусалиева был издан сводный вариант трилогии, после чего начали «публиковаться статьи и исследования, защищаться диссертации» [130, с.20].

Заир Мамытбеков как представитель плеяды ученых советской эпохи тоже находился под большим влиянием идеологической политики, и поэтому в своих исследованиях он не мог допустить признания добрососедских, дружеских взаимоотношений между кыргызами и калмыками, отмечал, что сказители эпоса находились под влиянием бай-манапов и вносили изменения сюжету сказания в угоду им.

В анализе Заира Мамытбекова есть две противоположные стороны: кыргызы и их враги. Манас и его сорок воинов борются за правое дело, за освобождение и за независимость кыргызского народа. Калмыки представлены как захватчики, посягающие на независимость и на территориальную целостность кыргызов, как заклятые враги. С другой стороны, кыргызы и калмыки кроме военных столкновений вели политико-экономическую дипломатию, между ними были добрососедские отношения, которые обуславливались территориальными, традиционными причинами.

Тем не менее, Заир Мамытбеков дал подробную характеристику поэтики, идейно-эстетического содержания эпоса и институту семьи древних кыргызов. Детально описал военную организацию и вооружения кыргызов в эпоху военной демократии. Проанализировав текст эпоса, он составил этнографическую и историческую картину, состоящий из одежды, пищи, медицины, народных игр, народной музыки и музыкальных инструментов, ремесел, ритуалов, домашней утвари, военного оружия кыргызов и экипировки воинов.

Заир Мамытбеков сказал веское и значимое слово об историко-познавательной ценности эпоса «Манас» как художественное произведение, вобравшее в себя различные стороны жизни, быта и миропонимания кыргызского народа в эпохе, отраженной в поэтических строках эпоса.

ГЛАВА III. ПОЭТИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО И ПЕРЕВОДЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. ОСМОНОВА В ИССЛЕДОВАНИЯХ З. МАМЫТБЕКОВА

3.1 Поэмы и стихотворения на военную тематику А.Осмонова в критике З.Мамытбекова.

Монография «Пламенный поэт» Заира Мамытбекова начинается с литературоведческого анализа стихотворения «Поэзия» А.Осмонова (8 февраля 1945 г., Койсары) в переводе В.Звягинцева и характеризует его как «золотую звезду» [76, с.9] поэзии поэта. А.Осмонов не сражался на полях сражений во имя победы - полем сражений с врагом была его поэзия. Для А. Осмонова оружием борьбы за счастливую жизнь является его перо. С вверенным Отчизной пером поэт сравнивает себя с «танкистом, стремящимся в бой на войне» [93, с.79].

Критик отмечает о поднятии вопроса об идейности художественной литературы поэтом А.Осмоновым. Поэт в 1939 году пишет своеобразное стихотворение «Разговор» в виде диалога между поэтом, критиком и

читателями. Стихотворение начинается со слов критика, который откровенно говорит о недостатках стихов поэта, в которых нет свежих мыслей, нет души. Поэт не согласен с критиком и самоуверенно говорит ему «тебе не постичь мой возвышенный дух» [93, с.47]. На примере этого стихотворения поэт Алыкул Осмонов критикует поэтов, которые далеки от народа, пишут на отвлеченные темы, и поэтому их стихи не находят своего читателя. Литературовед З.Мамытбеков пишет, что поэт Алыкул Осмонов высмеивал поэтов-эстетов, воспевających «цветочки» [93, с.10]. Верно подмечено З.Мамытбековым отношение поэта А.Осмонова на поэзию и на лжепоэтов. Поэт должен быть вместе с народом и творить для народа, вот тогда его поэтические строки будут находить свое достойное место в сердцах тех же колхозников, рабочих, интеллигентов и молодежи. З.Мамытбеков далее дает оценку творчества поэта в военные годы и пишет о том, что А.Осмонов «Создавая образ воинов – киргизов» [93, с.10] утверждал в своих стихотворениях и поэмах их высокие идеалы и великую миссию в защите отечества от иноземного нападения.

Поэзия Алыкула Осмонова в военные годы полна гнева, боли, безмерной любви к Родине. О военной лирике поэта Р.З.Кыдырбаева писала так: «Военная лирика А.Осмонова – это поэзия правды, близкая и понятная читателям колхозных полей Киргизии, рабочим на предприятиях, бойцам на фронте. Она, как народная мелодия, очень легко и быстро находит отклик в сердцах простых тружеников страны» [48, с.33].

Критик З. Мамытбеков дал подробную характеристику и высокую оценку военной лирике А.Осмонова в монографии «Пламенный поэт». Он отмечает, что «с первых же дней войны А. Осмонов воспевает могучий подъем советского патриотизма, боевое содружество всех народов СССР во главе с великим русским народом» [76, с.10].

События в поэме «Махабат» («Любовь») происходят во время Великой Отечественной войны 1941-1945 годах, когда вместе со всеми союзными республиками в составе СССР Киргизия отправляла на защиту Великой Родины своих доблестных сыновей. Лирика – романтическая поэма «Махабат»

начинается с восхищенного описания гостеприимного дома колхозника Сагдат аке. За щедро накрытым достарханом хозяин дома поведал гостям о любви Кулшайы и Касыма, чья любовь дала силы выстоять испытаниям войны и судьбы.

Автор «Пламенного поэта», анализируя поэму, пишет, что А. Осмонов «рассказывает о гордой, чистой и прекрасной любви», ставит этих молодых людей в пример советской молодежи. У каждой эпохи есть свои герои, на которых можно равняться и восхищаться ими. А Кулшайы и Касым показали, что можно преодолеть трудные препятствия, когда в сердце живет и дает силу великое чувство – любовь. Критик дал высокую оценку героической самоотверженности девушки и джигита, которые сумели победить недуг и достойно преодолели испытание судьбы. Поэма «Махабат» носит романтику борьбы, так как романтический элемент исцеления героев придает патетическое звучание и чувствуется эмоционально-приподнятый тон. На основе реальных явлений, реальных человеческих характеров А.Осмонов создает романтическую картину, где уверенно и убедительно наносит яркие краски человеческих чувств. Критик сравнил поэта с одаренным художником, который «одним мазком кисти» создал яркий образ рассказчика Сагдат аке - хозяина уютного дома. Образ аксакала вызывает у читателя теплоту и уважение, а его рассказ о любви Кулшайы и Касыма создает оптимистическую картину.

Особое внимание уделено языковым средствам поэмы: сравнениям, метафорам, метонимии. «Горькие слезы» девушки показывают ее моральную чистоту и верность, ее поблекший цвет лица сравнивается с «осенними цветами», Касым ушел на войну, не зная о любви девушки, потому что «наедине не молвил ни слова».

З.Мамытбеков дал точную и лаконичную оценку поэме, утверждая ее оптимизм, построенный на реально-романтическом сюжете. Доказал, что «Осмонов добился строгости и четкости построения произведения» [76, с.14], и вместе с поэтом утверждает торжество любви и победы.

Ещё одна поэма на военную тематику «Ким болду экен?» («Кто же он?») предстает перед читателем живописным описанием села Кайынды, расположенный среди прекрасных гор и убаюканный журчанием горной реки. Здесь живут герои поэмы красавица Сонун (Күлбөс) и неразговорчивый от природы Бактыбек (Баркалбас). Застенчивый молодой джигит не смог признаться в своих искренних чувствах Сонун. Начинается война, и Баркалбас вместе с другими новобранцами отправляется на защиту Родины. Он воюет в составе 8-й гвардейской дивизии под командованием легендарного генерала Панфилова. Баркалбас сражается с доблестью и отвагой, не щадя свою жизнь.

Сонун отправляет на фронт шелковый платок с вышитой надписью: «Суранам менин ушул сыйлыгымды, Баатырдын чын азамат баатыры алсын» («Прошу, чтобы этот мой подарок получил настоящий герой»). Этот платок в качестве награды от рук генерала получает за отвагу и героизм Бактыбек.

З.Мамытбеков пишет: «Никто не мог предполагать, что у тихого и скромного парня Баркалбаса такое бесстрашное сердце...Любовь к Родине родила в нем мужество, храбрость и находчивость» [76, с.15]. Он выделяет два мотива в поэме: героизм советских воинов в лице Бактыбека Осмонбекова и труд колхозниц в тылу в лице трудолюбивой, верной Сонун. Также критик отмечает роль поэтического сравнения в этой поэме, например, Алыкул сравнивает всенародный гнев против врага с разбушевавшимися волнами Иссык-Куля. З.Мамытбеков верно и точно отметил, что «поэма органически связана своей проблематикой с лирикой военных лет, в которой А.Осмонов с необычайной силой прославляет отвагу и мужество советских воинов» [76, с.16].

Критиком также дана оценка поэме «Дженишбек». В поэме рассказывается о гибели на фронте единственного сына колхозника Минбая Дженишбека. Он погиб под Варшавой, участвуя в освободительной войне братского польского народа от фашистских захватчиков. Дженишбек похоронен в братской могиле. Бедные родители не знают об этом, и поэтому старый Минбай с женой каждый день приходят на пристань с неугасающей надеждой

встретить единственного сына. В душе Минбая отчаянная боль, тоска и горе. Многие потеряли сыновей на полях сражений, у многих семей матери и жены одеты в черную одежду. Поэт А. Осмонов дает оптимистическую окраску поэме, переломив душевные переживания Минбая. У его друга и соседа Курманбека рождается 9 мая сын. Минбай дает новорожденному имя Дженишбек. Он решает, что его сын не умер, потому что его место занимают новые сыновья. Его сын не зря сложил голову, защищая Родину. Он погиб за жизнь, за новых Дженишбеков.

Мамытбеков отмечает, что «А. Осмонов обладал умением видеть глубокий смысл во внешне неприметных событиях, обобщить их, изображать с большой впечатляющей силой» [76, с.20]. А.Осмонов не уклоняется от показа трудностей военного времени, отображения всенародного бедствия. Да, действительно, герои проходят через тяжелые физические и душевные испытания. Но они не сломались, не покорились. Они находят в себе силы для дальнейшей борьбы, находят пути к счастью. З. Ч. Мамытбеков высоко оценил патриотизм и оптимизм поэтических героев поэта Алыкула Осмонова. Ведь сам поэт - истинный патриот своей земли, и поэтому его герои с уверенностью смотрят на завтрашний день Отечества.

М. Горький писал: «Мечтать – это не значит жить. Нужны подвиги, подвиги!» [130, с.422]. Герои Алыкула борются с всенародными и личными трудностями и побеждают. Касым, Бактыбек и Женишбек не просто участники войны, а герои, которые достойно выполнили свой долг перед Родиной. Их образы - собирательные образы, образы-примеры. На их примере поэт Алыкул призывал к безмерной любви, верности, стойкости. Сам Алыкул Осмонов также, как и его герои стойко перенес боль Отечества с острым пером и выразительным словом. В стихотворениях и поэмах, посвященных труженикам тыла во время Великой Отечественной войны, звучит призыв к победе и верности.

Военную тематику в творчестве А.Осмонова дополняет поэма «Большой Чуйский канал», раскрывающая героический труд людей в тылу.

Строительство самого крупного в Киргизии ирригационного канала (БЧК) началась в 1940-м году. Это строительство продолжалось и в военные годы, оно закончено в 1943 году. В этой народной стройке участвовали десятки тысяч рабочих и служащих, внося огромный вклад для приближения победы. З.Ч.Мамытбеков замечает, что «Эпическими красками описывается в поэме всенародная стройка, а одновременно, с проникновенным лиризмом - дружба и любовь строителей канала» [76, с.18].

Оценивая лирику поэта в годы Великой отечественной войны З.Мамытбеков далее пишет, что она «стала более проблемной, высокого гражданского накала, и нередко – глубоко философской; отчетливо проявилось действенная, активная сила его поэзии...» [76, с.19]. Также отмечено богатство поэтических произведений Алыкула Осмонова изобразительными средствами языка и его возросшее художественное мастерство. Творчество А.Осмонова обогатилось в жанровом отношении, исчезли схематичность образов, цветистость фраз, которые были характерны для довоенного творчества поэта и переводчика.

Тема труда в военные годы продолжена в стихотворении **«Вольная песня»**, написанном в 1944 году. У З. Мамытбекова оно передано как «Вольный стих». В этом стихотворении Алыкул Осмонов пишет о третьей осени жестокой борьбы военного времени, о начале молотбы на колхозных полях. Колхозники собрали урожай молодого зерна - доброго золота, которое тоже послужит для общей Победы советского народа. Поэт восхищается доблестным трудом колхозника и желает воздать ему за его трудолюбие: Пусть же будут из шелка одежда его, Пусть исполнятся в мире надежды его, Пусть умножится род его, чай будет сладок... Для себя у судьбы не прошу ничего [160, с.60]! Поэт выступает как непосредственный участник колхозной жизни и вместе радуется успехам колхозника.

Еще одно стихотворение под названием **«Сенокос»**, где описываются трудовые будни колхозников в тылу, написано в том же 1944-м году. Все парни ушли на фронт, а на сенокос идут одни женщины. С утра с косами на руках

отправляются на поле они, работают ловко, скашивая сладко пахнущую траву и не зная усталости в жаркий день. И природа вторит им, как бы восхищаясь и поддерживая женщин-тружениц. Поэт сравнивает их с воинами, они тоже достойны славы, они - пример старикам и пионерам своим трудом и умением ждать ушедших на войну своих близких и родных. З. Мамытбеков отметил лаконичное воспроизводство атмосферы трудового дня на сенокосе в стихотворении, привел примеры из строк, где созданы картины работы колхозниц. Также отмечает лирическую окрашенность художественной речи автора, которая «способствует яркости мыслей» [76, с.27]. По утверждению критика стихотворение «Сенокос» наполнена реалистическими деталями, поэтом показано состояние тружениц в момент работы и их легкие ловкие движения во время косьбы травы. А подражательны слова, такие как «жалп-жалп, шарк-шарк» создают слуховое ощущение звенящих кос у читателя. Литерауровед дал анализ композиционному построению стихотворения: первая строфа – лирическое отступление, последующие три строфы передают поэтическую картину сенокоса в жаркий летний день, а последние строфы наполнены восхищением и пожеланием доблестным женщинам. По мнению критика З.Мамытбекова «Поэт расценивает труд советских людей как творчество широкого размаха, как искусство» [76, с.28].

В анализе произведений А. Осмонова на военную тематику З. Мамытбеков показал, что, не имея возможности физически участвовать в поле сражений, Алыкул Осмонов сражался во имя победы над немецко-фашистскими захватчиками своим острым пером и выразительным словом. Поэтические произведения военных лет А.Осмонова славят труд, воспевают героизм, призывают к победе и наполняют сердца верой.

3.2 Послевоенное творчество Алыкула Осмонова в критике З.Мамытбекова

Тема социалистического труда является основной темой многих поэтов и писателей, в том числе и поэта Алыкула Осмонова. Многие стихотворения

Осмонова в послевоенный период «посвящены будням односельчан, простых колхозников, удрников, борющихся за перевыполнения планов и норм» [120, с.351]. Оценка послевоенного творчества поэта А. Осмонова критиком З. Мамытбековым начинается с анализа стихотворения «Слово моей тетушки» (1946). Героиня сама рассказывает о своем отношении к труду. Ни дожди, ни летняя жара, ни осенние ветры, ни сильный холод не страшат ее. В любую погоду можно увидеть колхозницу на свекловичном или пшеничном поле. Заир Мамытбеков считает, что это стихотворение «исполнена подлинной поэзии» [76, с.29] и дает характеристику творческого отношения советских людей к труду на благо Отечества.

Еще одно стихотворение Алыкула Осмонова «Мой зять» (1946) рассказывает о славном труженике колхоза. Уставший с дальней дороги зять слезает с коня и заходит в дом для ночлега. Он с гордостью сообщает о том, что ему присвоено звание «ударник» за неустанный труд. Он горд и рад за такой почет, даже буланый конь под седоком пляшет, разделяя радость своего хозяина. За труд колхозник получил благодарность от Родины, которая заботиться о каждом и воздает каждому по заслугам.

Образ колхозницы-труженицы обрисован в стихотворении Алыкула Осмонова «Старожиха-Турсун» (1948). Тетушка Турсун в течении восемнадцати лет неустанно и бдительно сторожит колхозный амбар. От нее не скроются ни грызун, ни вор-несун, никто не унесет колхозное зерно. Через ее образ поэт показал качества, свойственные советским людям. Для тетушки Турсун долг перед родным колхозом, перед народом превыше всего. «Она находит свое счастье в труде во имя людей» - пишет З.Мамытбеков. Стихотворение состоит из четырех строф, которые являются ритмически разнообразными, тем самым приближены к разговорной речи. О простой труженице колхоза рассказано простым понятным языком.

Стихотворение «Вы не умерли», написанное в конце 1945 года, начинается с воспоминания о незагоревшимся огне и свежей как «виноград» [162, с.100] молодости. З.Мамытбеков считает, что в этом стихотворении «поэт

стремится увековечить подвиг простых, безвестных людей, отдавших жизнь за народное счастье» [70, с.20]. Многие ровесники поэта ушли на войну и не вернулись в отчий дом. Они остались в чужбине навек «землю мерзлую обняв» [162, с.101]. В стихотворении чувствуется горечь о невозвратно ушедших ровесников.

Еще одно стихотворение А.Осмонова, написанное в 1945 году называется «Застольная песня». Оно посвящено памяти киргизских поэтов Джоомарта Боконбаева, Джусупа Турусбекова, Мукая Элебаева, которые погибли в годы Великой Отечественной войны. Об этом стихотворении З.Мамытбеков пишет, что Алыкул «с глубокой горечью и одновременно с гордостью вспоминает о своих погибших друзьях» [49, с.20]. Оно начинается со строк о победе, о ликовании и празднике, о встрече друзей с войны. Строки стихотворения наполнены горечью и болью от утраты. В великом празднике победы нет Жоомарта, Жусупа, Мукая. Поэт сравнивает их со сказочными персонажами: Жоомарта с иноходцем Ширдакбека, Джусупа с легендарным Кок - Ала, а Мукая с птицей Алпкаракуш. Доблестные мужи – друзья Алыкула были прекрасными поэтами. Алыкул вспоминает Джоомарта такими строками: «Стихи его со временем вровень летя, как сладкоголосое пели дитя», Джусупа «Его высоко возносили крыла», а Мукая «Как светоч, был ярок и грозен, как жар, Его ослепительный песенный дар» [161, с.56]. По З. Мамытбекову «А.Осмонов с любовью говорит о том вкладе, который они внесли в киргизскую литературу» [76, с.20]. Последние строки стихотворения передают горькие и гордые чувства поэта к своим, не вернувшимся друзьям и призыв помнить о них всегда.

Стихотворение «Молдокул» (1946), прославляет труд простого колхозника. Герой Алыкула на всех полевых работах – на уборке, на покосе, на вспашке трудится ударно, прославляя свой колхоз. А в его образе автор, по словам критика З.Мамытбекова, «увидел те изменения, которые произошли в психологии колхозного крестьянства» [76, с.32], который построил дом с

садом, где поет соловей, и юрта – жилище предков уже и не снится ему. Они живут и трудятся, шагая вровень со временем, с обществом.

А. Осмонов широко использовал в раскрытии многообразия человеческих характеров способ самораскрытия. В его стихотворениях «Мой кетмень», «Почтальон», «Слово моей тетушки» и мн. др. герои сами высказываются и сами раскрывают свой внутренний мир. Например, в стихотворении «Мой кетмень» герой рассказывает, что он трудится целый день в поле со своим товарищем и помощником – кетменем: «Беру его в руки - и сам становлюсь сильнее» [164, с.161]. Он выполняет простую сезонную работу, но «он полон радости и счастья от сознания, что его скромный труд вливается в великий созидательный труд» [76, с.36]. Люди труда, описанные в стихотворениях А. Осмонова, с радостью говорят о своем труде и несут радость людям. Простой сельский письмоносец в стихотворении «Почтальон» считает себя «вестником счастливых сообщений» [76, с.36]. В оценке М.Синельникова в стихотворениях о труде и о тружениках поэт А.Осмонов «честно славил свое время и воспевал одухотворенный труд народа» [157, с.351]. З. Мамытбеков, анализируя стихи А. Осмонова о простых тружениках, определяет творческую концепцию поэта, как воспевающую и возвеличивающую скромный труд советских тружеников во благо Родины, во благо народа и ради светлого будущего.

О стихотворении «Братишке, который учится в ФЗУ» (1948), З. Мамытбеков пишет: «Радуюсь тому, что при помощи русского рабочего простой киргиз, бывший пастух, стал управлять сложным станком» [49, с.38]. В строках стихотворения чувствуется гордость поэта за этого простого паренька, который в будущем станет славным рабочим, его трудовой путь широк и ярок. В последней строфе звучит призыв упорно и умело трудиться, и быть верным рабочей профессии и родной стране.

Далее З. Мамытбеков оценивает, что поэт утверждает о проявлении в труде скромной и скрытой красоты души простого труженика и приводит в пример стихотворение «Маляр», написанный Осмоновым в том же 1948 году в

Койсары. Критик указывает, что в стихотворении нарисован «образ неутомимого рабочего, приносящего счастье и радость людям» [161, с.184]. Поэт показывает его преданность своему на первый взгляд простому неприметному труду, но он этим трудом и велик, и прекрасен: «Эң кеч жатып, элден эрте ура алган, ойлогонун ойдогудай кура алган» [158, с.42]. По Мамытбекову, поэтом Осмоновым образ маляра раскрывается в контрасте – у него грязная от красок одежда, но чистое сердце светлое дело и поэтому это чистоту и светлость он распространяет через свой неустанный и честный труд. Его созидательный труд приносит радость в каждый дом, где его кисть очищает и красит, отгоняя грусть и печаль.

Критик З. Мамытбеков отметил особое место в поэтическом творчестве Алыкула Осмонова темы Родины, социалистического патриотизма. Критик в анализе стихотворения «Мое Отечество» пишет, что любовь к родной земле дает силу и крепость духа и приводит в пример строфу из стихотворения, где поэт признается в чистой любви к ней. Он благодарен судьбе, что у него есть возможность любить, и выражает желание и после смерти лежать, прижавшись к материнской груди. Для поэта образ Родины ассоциируется с матерью, он ощущает радость и гордость за ее будущее.

З. Мамытбековым скрупулезно проанализированы стихи поэта послевоенных лет и дана высокая оценка художественности и идейному содержанию творчества А. Осмонова в рассматриваемый период.

Тема Иссык – Куля занимает значимое место в послевоенном творчестве поэта и переводчика Алыкула Осмонова. В связи с болезнью, которая помешала поэту бороться в рядах Советской Армии в годы Великой Отечественной войны, он часто бывал на Иссык-Куле. Итогом вдохновения, полученным на берегу жемчужного озера, стали более 20 стихотворений («Одинокий урюк», «Я видел полет лебедей», «Иссык-Куль», «Киргизское взморье», «Моему озеру», «Озеро волнуется и утихает» «Четыре времени года на Иссык-Куле», «Я уехал, когда созревала черешня» и т.д.), посвященные Иссык-Кулю, из которых «каждый имеет свой сюжет, свои образы» [48, с.63].

Многие исследователи творчества А.Осмонова дали свою оценку циклу стихов об Иссык-Куле. Кыдырбаева Р.З. в монографии «Лирика Алыкула Осмонова» дала подробный анализ стихотворениям поэта, посвященным Иссык-Кулю и отметила, что их «можно считать шедевром киргизской поэзии по прозрачности пейзажных акварелей, по тонкости художественного мастерства» [48, с.63].

Литературный критик Заир Мамытбеков также отмечает, что «тонким лиризмом проникнут цикл стихов об Иссык-Куле» [76, с.42]. Автор пишет о стихотворениях, насыщенных эмоциональными переживаниями. Алыкул считал себя счастливым, что ему дана возможность воспевать красоту, величие озера, выражать свои чувства, восхищаться трудолюбивым советским народом. З. Мамытбеков отметил в стихотворении «Иссык-Куль» развернутый пейзаж озера и размышления лирического героя. Дана эмоциональная характеристика стихотворения, где к концу динамика сменяется наступившим душевным покоем. Также автором был точно отмечен о широком размахе кисти, о ярких красках, которые послужили «выражению ощущения могучей красоты природы» [76, с.44] Иссык-Куля. Поэт А. Осмонов в стихотворениях об озере Иссык-Куль мастерски переплетает романтические и реалистические краски. Критик подчеркнул простоту и естественность поэтического языка поэта А. Осмонова.

Иссык-Кульский период творчества поэта стал особенно плодотворным. Здесь, на берегу озера кроме стихов о самом озере написаны поэмы «Өлүп тирилгендер», «Үч аяк», «Дженишбек», «Эшимкандын тереги», «Жүз жыйырма жаштагы алма бак жана жүз он беш жаштагы Шевкет Гирей», «Мырза уул», написаны стихотворения, прославляющие труд простых людей «Саанчы», «Сугатчы» и мн. др. Созданные на берегу озера стихи вошли в книги «Любовь» (1946), «Новые стихи» (1946), «Для детей» (1947). В эти же годы поэт перевел роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, трагедию «Отелло» В. Шекспира, «Лейли и Междун» А. Навои, которые еще глубже раскрыли переводческий талант Алыкула Осмонова.

Он не покорился мукам боли и одиночества, он боролся через свои стихи. «Как никто другой, он остро чувствовал ценность, неповторимость каждого дня, умел ценить пение птиц, журчание воды в арыках, свет луны над озером, щедрость солнца, тень деревьев, прохладу ветра, прекрасный лик весны» пишет Камбаралы Бобулов [162, с.29]. Поэт воспевал красоту и силу жизни, он доказывал ценность каждого дня своим поэтическим словом, заменял физическую боль муками творческих исканий и находок.

З.Мамытбеков отметил тонкий лиризм цикла стихов об Иссык-Куле, обусловленного глубокой любовью к родной земле и ее красотам. Стихи об Иссык-Куле «насыщены эмоциональными переживаниями» [76, с.42] - сердце акына переполняет чувство счастья, что ему дано «возможность воспевать красоту Иссык-Куля и славить труд людей» [76, с.42]. Критик в своем анализе тонко почувствовал глубокие, затаенные чувства и думы поэта А.Осмонова, и поэтому дает чувственные оценки подстать внутренним душевным составляющим цикла стихов о кыргызском взморье.

Стихи А. Осмонова навеяны философской думой, которые обрамляют тонкой пеленой и читательскую душу. Философская лирика акына занимает особое место в его творчестве, где преобладающими мотивами являются рассуждения об устройстве вселенной, о смысле жизни, воспевание природы, человека и общечеловеческих чувств. Ведь философия, являясь формой общественного сознания, направлена на выработку целостного взгляда на мир и на место в нем человека [117, с.477]. Она выражает познавательное, ценностное, этическое и эстетическое отношение человека к миру. Лирика, вытекая из духовных истоков брэнного человека, ищет ответы на вопросы, которые извечны и бесконечны. Её основной темой является вопросы бытия и общечеловеческие вопросы.

Философскую лирику А. Осмонова критик Заир Мамытбеков рассмотрел отдельно от других поэтических творений акына. Исследуя философскую лирику Алыкула Осмонова, критик он пишет, что «лирика поэта – результат непосредственного восприятия окружающей его действительности:

и в волнах озера, и в улыбке ребенка он видит возможность для философско-лирических обобщений» [76, с.55].

Находясь на лечении в городе Чолпон-Ата, Алыкул Осмонов написал стихотворение «Есть такие следы...», где говорится, что он поэт, что тоже трудился, что «в жизни оставил свой след, хоть сказать по правде, след мой очень мал» [160, с.163]. З. Мамытбеков анализирует, что в данном стихотворении поэт осмысливает свое назначение, свое место в жизни. Алыкул всегда с народом: и в горе, и в радости. Лирик раздумывает о своем скромном, маленьком следе, который останется в памяти народа через его поэзию. Его лирический монолог о своем маленьком следе – это поиск смысла своего жизненного пути.

Лирико-философское стихотворение Алыкула Осмонова «Тридцатилетие» (1944), полно романтики и раздумий. Поэт сравнивает тридцатилетний возраст со всадником на сером коне (по переводу М. Петровых), который внезапно возник на взгорье, люто стегая бока коню, мчится без передышки. Детские годы были недавно, и юность была щедра, а дорога между рождением и смертью была укатана ровно. Алыкул оценивает юность как лучший алмаз - такой же бесценный и дорогой. Дни резвой юности не вернутся и след ее не найдется. С таким легким сожалением поэт пишет: «Что ж, тридцать лет...Жив – здоров, ну и ладно» [162, с.58]. По оценке З.Мамытбекова автор стихотворения выражает слитность поэта с окружающим миром, о месте человека в жизни, о бессмертии человеческого труда. Поэт Осмонов с легкой грустью раздумывает о сущности жизни и об уходящей молодости. Далее по З.Мамытбекову: «Автор говорит о том, что в быстролетней жизни нас предостерегает смерть, поэтому человек стремится плодотворно прожить и достичь поставленной цели» [76, с.53]. По мнению критика, А.Осмонов в стихотворении использовал простые доходчивые образы: пуля, скакун, всадник, молния. Действительно, эти образы знакомы читателю, в них нет экзотизма, мифологического.

Стихотворение «Комуз» Алыкула Осмонова начинается с описания национального музыкального инструмента, который состоит из трех струн, трех колоков. Если искусная рука человека коснется этих трех струн, «то комуз, как весенний ручей, зазвучит» [161, с.128]. Алыкул Осмонов пишет, что комуз прошел вместе с народом много трудных дорог, «с тем, который похож на него простотой» [161, с.128]. По З.Мамытбекову образ комуза «ассоциируется с образом киргизского народа, веками борющегося за свою независимость и только после революции получившего свободу и государственную независимость» [76, с.54].

Место и значение поэзии в жизни поэта воспето в стихотворении «Поэзия» (1948). Это стихотворение продолжает вопрос поэзии, поднятый в стихотворении «Разговор», где Алыкул Осмонов советует поэтам обращаться к народным истокам, учиться у жизни и народа. «Поэзия» в переводе Веры Звягинцевой начинается так: «Ты счастье мое, мера всех моих сил, Тебе, как влюбленный, дарю весь свой пыл» [161, с.139]. Анализируя данное стихотворение, З. Мамытбеков пишет, что «А.Осмонов сравнивает себя с солдатом Родины, танкистом, несущимся в бой» [76, с.55], а его поэтическое слово призывает народ к борьбе, к победе, к будущим светлым дням. По мнению критика, для А. Осмонова характерно отрицание покоя, неутомимое стремление вперед. Также на примере перевода стихотворения «Поэзия» Н.Чуковским критик утверждает о силе вдохновения поэта, почерпнутого из жизни народа, так как великие дела, созидательный труд советских людей послужили богатым материалом для творчества поэта. Самоотверженный, созидательный труд простого народа во имя свободы, отчизны, прекрасного будущего вдохновляет поэта на творения крылатых, как жар-птица поэтических строк.

Время написания стихотворения «Поэзия» приходится на февраль 1945 года, когда на западе еще колыхала пламя войны, труженики тыла трудились ради победы, которая близилась вместе с ожидаемой весной. Поэтому вполне оправдана и понятна пламенная патриотичность Осмонова. Критиком З.

Мамытбековым поэт в данном стихотворении представлен как неутомимый путник, как деятельный человек, как влюбленный в свой родной край. Мамытбеков подчеркивает глубокую связь поэта с простым народом, с родной землей. Он связан со всем народом и каждым из них, и поэтому его благозвучные стихи находят место в сердце каждого, влетая в их дома как жар-птица. Также Заир Мамытбеков оценивает Алыкула Осмонова как противника всякой фальши и поверхностного изображения действительности. Он тесно связан с народом, с тружениками, он знает их труд, боль, борьбу, победу, и поэтому ему удастся изобразить правдиво и убедительно. Действительно, как убедительно и возвышенно звучат строки из «Поэзии»: «Честь, совесть народа в родимой стране вручили оружие верное мне» [162, с.79]. И поэт с честью пронес свое перо - оружие через свою нелегкую жизнь. Читая и перечитывая стихотворение, чувствуешь пламенную и преданную любовь автора поэтических строк к своей поэзии. Осмонов в стихотворении рассуждает о пройденных суровых дорогах, о стремительном беге времени. Особого внимания достойны предпоследние строфы, где поэт просит похоронить его на берегу озера Иссык-Куль, шум плеска волн которого звучат для него как его стихи.

«Лирика дает слово и образ немым ощущениям, – пишет В.Г. Белинский – выводит их из душного заточения тесной груди на свежий воздух художественной жизни, дает им особое существование» [15, с.330]. Даже после смерти поэт хочет быть рядом с любимым озером, образ которого проходит через все творчество поэта и через его жизнь. Иссык-Куль занимает особое место в лирике акына Алыкула Осмонова.

Далее критик З. Мамытбеков дал короткий анализ цикла стихотворений Алыкула Осмонова о воде, который появился благодаря «близости к сельской жизни» [76, с.57] поэта. Стихотворения «Вода идет», «Вода в арыке», «Вода», «Песня о дожде», «Пошел дождь», «Арычная вода», «Поливщик» написаны акыном в период с 1945 по 1949 годы в Койсары и Чолпон-Ате. В данных стихотворениях поэтом воспета вода, дающая жизнь всему сущему и труд

поливщиков и колхозников. Вода в арыках бежит, искрясь и отливаясь на знойном солнце благодаря неустанному труду колхозников. Потоки горных вод дарит изобилие колхозным полям и садам. Белой пеной ослепительно сверкая, она прогоняет засуху, придает сладость и сочность и виноградникам и бахчевым. Веселый шумный поток горных вод приносит радость и награду трудолюбивому простому народу.

Далее Заир Мамытбеков дает анализ стихотворениям о временах года. Стихотворение «Весенняя пахота» по Мамытбекову – это ликование пробуждающейся природы и начало полевых работ. Да, в двух строфах данного стихотворения поэт Алыкул Осмонов дал полную картину прихода весны и начала весенних полевых работ: «В зеленый цвет весной луга одеты искони. Дорогу – пахоте, друзья, - паши и борони» [161, с.89]. С первым ударом грома и блеском молнии людей зовет к труду земля, так как именно в эти весенние дни «закладываются основы будущего урожая» [76, с.58].

В стихотворении «Гроза» Алыкула Осмонова, написанном в 1946 году критик отмечает внутреннюю динамику, переданную рефреном «раскатись». На примере двух первых строф З. Мамытбеков показывает динамику, которая передает быстрый темп надвигающейся грозы. Поэт обращается к грозе - природной стихии с призывом и пожеланием, чтоб эта весенняя благодать облила и горы, и долины, «чтоб наливались травы, чтоб набухло вымя молоком» [164, с.130].

О стихотворении А. Осмонова «Солнцу» (1948) З. Мамытбеков пишет: «поэт философски размышляет о единстве человека и природы, о благотворном влиянии последнего на жизнь общества» [76, с.58]. Солнце сравнивается с матерью, которая грустит и болеет душой за человека. По Мамытбекову природа выступает как источник подлинно человеческих переживаний, приносящий радость и счастье. И поэтому человек обращается к ней ласково и нежно как сын. Поэт был близок к советскому народу, и он сумел раскрыть его чувства и мысли через свое лирическое «я», создавший сложный многогранный

образ лирического героя – человека, «склонного к философским размышлениям» [76, с.60].

Философские размышления о жизни акына Алыкула Осмонова продолжают в стихотворении «Человек», которому дан подробный анализ критиком З. Мамытбековым. По его мнению, это стихотворение является проявлением гуманизма поэта и итогом больших раздумий о человеческой судьбе, о природе. Жизнь человека коротка и подвержена болезням и страданиям. Поэт хочет облегчить труд, продлить жизнь, оградить человека от болезней- напоить ключом бессмертия, врачевать от болезней всеисцеляющей травой. Критик подчеркивает художественно –изобразительные средства стихотворения, которые «почерпнуты из народного творчества» [76, с.62], получившие новое звучание в строках «Человека». Это – мүрөктүн суусу (источник вечной молодости), арча (вечнозеленое дерево), зам-зам суу (священный источник), Улукман (покровитель лекарей) умело использованные поэтом для раскрытия основного идейного содержания стихотворения. Если бы эти фольклорные чудодейственные средства молодости, здоровья и долголетия были доступны обыкновенному человеку, то он жил бы долго и счастливо. Даже человеку на смертном одре он готов отдать свое сердце. В переводе В. Леоновича есть такие строки: «На тебе, сердце – и черт с тобой - только живи свой век» [162, с.78]. Сколько любви к человеку сокрыто в строках акына Алыкула?! Подытоживая анализ данного стихотворения критиком З. Мамытбековым, можно уверенно утверждать, что это стихотворение является гимном гуманизма Алыкула Осмонова.

Философские раздумья акына о Родине представлены в оптимистических стихотворениях «Эпоха» и «Дни», где воспето прошлое, настоящее и будущее Родины. Каждый уходящий день приближает коммунизм - заветную мечту советского человека. Стихотворение «Дни» критиком З. Мамытбековым охарактеризовано как «музыкально звенящее», где удачно подобраны сравнения, метафоры. Например, А. Осмонов уходящие дни сравнивает с летящими беркутами, журавлями и скакунами, которых невозможно

остановить «как под уздцы, схватив коня» [162, с.138]. Далее критик, анализируя композицию стихотворения пишет, что оно разбито на ряд периодов, где интонационное единство подчеркнуто синтаксическим повтором – фразой «күндөр өтөт» (в переводе Н. Пустынникова «проходят дни», «мчатся дни», «несутся дни», «улетают дни»). Этой фразой показана быстротечность времени, но у автора нет сожаления, а наоборот, есть вера в светлое будущее Родины.

Стихотворение «Тем, которые родятся после нас» оценено З. Мамытбековым одним из лучших образцов философской лирики Алыкула Осмонова. Мысли поэта – труженика, борца за счастье устремлены вперед, в будущее. Труды и достижения ныне живущих посвящены будущему поколению. Критик Заир Мамытбеков отмечает, что «интеллектуальное богатство и эмоциональная взволнованность определяют многие художественные достоинства лирики Осмонова» [76, с.57]. Также, по мнению З. Мамытбекова, широкий кругозор, жизненный опыт, знание жизни и быта народа дали великолепную возможность акыну передать поэзию действительности в красочных образах. С такой оценкой трудно не согласится, так как действительно философская лирика акына Алыкула Осмонова достойна глубокого почитания – она притягательна яркими образами, выразительностью и верным изображением реальной жизни. Об этом свидетельствуют слова Кайсына Кулиева: «Мир его поэзии не только своеобразен, но и очень светел, он удивляет нас ясностью красок Его творчество полно большой любви к жизни, к земле, оно пронизано самым светлым оптимизмом и любовью к людям... Вся поэзия Алыкула как бы напоена прозрачной родниковой водой, она пахнет солнцем раннего утра и зрелыми плодами сада на заре [98, с.28]. В русской поэзии лирика Ф.И. Тютчева считается одной из вершин философской лирики. Его волновали мысли о бытии природы, связи человеческого существования с вселенской жизнью, смысл времени и тайны смерти. Человек в поэзии Тютчева – зритель, а в поэзии Осмонова человек – борец и труженик. Философская лирика акына А. Осмонова дала киргизской советской литературе

оптимистичного героя, который достойно пронес на своих плечах испытания и невзгоды. Он силен духом, прекрасен душой и уверенно смотрит в будущее.

З.Мамытбеков дает положительную характеристику философским стихотворениям А.Осмонова, словесно интерпретирует смысл и идею, создавая описательную картину.

3.3 Произведения Алыкула Осмонова на основе киргизского устного творчества

На творчество Алыкула Осмонова первоначально фольклор оказал сильное идейное и художественное влияние. На основе устного народного творчества им созданы лучшие произведения, ставшие явлениями в истории киргизской национальной литературы. Он не просто использовал народные предания, легенды, песни, но им дал новое звучание в унисон современной жизни.

Как и многие другие киргизские поэты, и писатели (М.Элебаев, Ж.Боконбаев) первой половины XX века Алыкул Осмонов обращался к устному народному творчеству, черпал сюжеты и вдохновение. Об этом З.Мамытбеков пишет так: «Поэт обращается к фольклору, чтобы глубже проникнуть в психологию народа, овладеть художественно-изобразительными средствами, создать правдивые образы» [76, с.71]. Далее он перечислил произведения А. Осмонова, которые написаны в традициях народных песен такие как «Я видел луну», «Учение беркута», «Тащи, козел, тащи», «Язык коровы», «Объездчик», «Дойка кобылиц», «Бекбекей» и «Моя перепелка».

О стихотворении «Учение беркута» (1946) З. Мамытбеков пишет, что оно написано в форме охотничьей песни и изображает воспитание и учение беркута. А. Осмоновым создан образ терпеливого и мудрого охотника-беркутчи (мүнүшкөр). В «Учении беркута» охотник своего остроклювого пернатого друга описывает гордым, метким батыром, который взлетая над миром, знакомится с красотой родной земли и очищает ее от недругов. Автором «Учения беркута» в конце каждой строфы повторяется звукоподражательное слово «Кийту, кийту», усиливающий восприятие читателя прямое обращение

охотника к своему воспитаннику – беркуту. Критик в воспитании беркута увидел символ воспитания советских воинов, «зорко стоящих на страже мира, в духе нестигаемой воли и преданности социалистическому отечеству» [49, с.65]. Может быть, Алыкул Осмонов хотел просто описать терпение, мудрость и мастерство охотника – беркутчи, но в аналогии критика тоже прослеживается логическое сопоставление пернатого батыра с воином в духе советского патриотизма, нисколько не снижающий художественную и идейную ценность стихотворения.

Следующее стихотворение «Бекбекей» написано на основе древнейшей пастушеской песни, которую пели во время женской коллективной охраны мелкого домашнего скота на летнем пастбище. В строки народной песни «Бул малдар байдын малы экен, эй! Кайтарган биздин зар экен, э-эй!» автором вложено новое содержание – это песню поют советские колхозники. (Малыбыз колхоз малы экен, э-эй! Мал баккан элдин жаны экен, э-эй!).

А стихотворение «Смотрины невесты» тоже написано на основе народной шуточной песни «Жар көрүү», в котором поется о богатстве, знатности молодых или их родственников. З. Мамытбеков, описывая данное стихотворение, пишет, что в песне рассказывается «об ударной работе жениха, о мастерстве комбайнера». По его оценке, от стихотворения веет счастьем и молодостью, нет горечи и грусти, которые были присущи дореволюционным киргизским песням. Да, соглашаясь с мнением критика, добавим, что вышеназванные стихи киргизского акына написаны на основе традиционных народных песен, но написаны на новый (советский) лад, лирические герои поют о современных днях, поют с оптимизмом, радостью, между тем сохраняя тесную связь с народными традициями и творчеством.

Заир Мамытбеков, исследуя развитие А.Осмоновым традиции киргизского устного песенного творчества, подробно проанализировал поэму «Толубай» (1944). З. Мамытбеков указывает, что основой идейного содержания поэмы является борьба двух социальных сил: народа (Толубай, Кармыш) и эксплуататоров (Азизхан). В образе знатока Толубая, по определению Заира

Мамытбекова, выражен «протест киргизского народа против бай-манапского господства, борьба трудящихся за свои права». Образ жестокого и кичащегося богатством и властью Азизхана противопоставлен образу человеческого, мудрого Толубая. Критиком З. Мамытбековым далее анализируется композиция поэмы, где четко показаны пролог, завязка, конфликт, кульминация и развязка. Возникший конфликт между антагонистическими героями поэмы разрешается в развязке: Толубай доказал свою правоту через непоколебимую силу веры и труд. По мнению критика, образ тулпара дополняет образ знатока и напоминает легендарных скакунов в эпосе «Манас», которые не бегут, а летают «камни превращая в песок», мчатся «землю вертя волчком» [76, с.69].

Становление и рост мастерства поэта Алыкула Осмонова критиком Заиром Мамытбековым прослеживается через сопоставление двух вариантов поэмы «Толубай». Первый вариант поэмы относится к раннему творчеству поэта, и, по мнению критика, автором больше внимания уделено общему описанию событий, второстепенным деталям, а основная идея легенды упущена. В этом варианте образ Толубая глубоко трагичен, даже народ недоволен его «неправильным выбором скакуна». А второй вариант, отмечает критик, отличается от первой выразительной насыщенностью и углубленным образом жадного и свирепого Азизхана. У него (Толубай сынчы) обида, отчаяние, жажда победы и справедливости, азарт погони переходит в чувство внутреннего удовлетворения, вплоть до атараксии. Автор поэмы финал второго варианта заканчивает такими строками: «Отстегнув камчой (плетью) чубарого коня Толубай помчался между солнцем и луной и потонул в море» [159, с.16]. Он умер, победив злодея, но жив для народа, который по сей день с гордостью поет о нем.

Поэма А.Осмонова «Тополь Эшимкана» (1946) написана на основе фольклора и является «соединением сказочного с реалистическим, конкретным изображением окружающей среды» [76, с.70]. Борьба добра и зла, борьба нового и старого – это основной философский смысл поэмы. Главный герой

колхозник Эшимкан является носителем добра, трудолюбия, преданности Родине. Тополь не просто чудодейственное дерево, а «символ Родины, ее быстрого развития, силу и мощь, условия, которые она создавала и создает для укрепления здоровья и повышения благосостояния» [76, с.71]. Критиком проведена аналогия «Рост и чудодейственность тополя – развитие и процветание Родины», т.е. тополь растет, зеленеет в мирное время, война убивает в нем жизнь. Приближение победы дает ему жизненные силы, или, говоря другими словами, тополь выступает индикатором жизни тружеников, страны. Жизнь у людей улучшается, и тополь становится все краше, краше.

3. Мамытбеков анализировал новаторские искания акына на примере стихотворений «Мой дом», «Вода идет», «Слово кузнеца» (1948, перевод С. Ботвинника), «Русскому гостю» (1949, перевод С. Липкина), «Я – киргизский поэт» (1948, перевод С. Липкина), где последняя 6- строка разделена на две строки, усиливающие интонационное звучание, паузы, динамику. В качестве примера он привел строфу из стихотворения «Вода идет» и показал, что разносложный стих, где есть повторы и рефрены, несет большую смысловую и эмоциональную нагрузку. Критик считает, что на новаторские поиски в поэзии на Алыкула Осмонова повлияло творчество В.В.Маяковского. Кто знаком с творчеством поэта социалистического реализма В. Маяковского, который вошел в литературу, прежде всего, как городской поэт, тот хорошо знает особенности его манеры стихосложения. Большинство его стихотворений и поэм написаны короткими строками и лесенкой, которые в свою очередь придают особое звучание: предельный уровень экспрессии, эмоции максимальной силы и ритм, напоминающий канонаду, призыв к борьбе за молодую советскую Родину. Об этом свидетельствуют слова литературного критика Б. П. Гончарова, который писал, что ритмика, рифма, лексика и синтаксис подчинены задаче максимальной эмоциональной выразительности [108, с.16]. Проблемы традиции новаторства проходит через все его творчества, его поиск он начал, как и другие символисты на заре своего нелегкого творческого и жизненного пути. Его неповторимо оригинальный, новаторский

метод стихосложения нашел много учеников, среди которого был и А. Осмонов. Ритмика Маяковского не укладывается в схему силлабо-тонической системы, взятых в отдельности, он «свободно пользуется всеми достижениями стиха классиков, но подчиняет их живой разговорной интонации» [40, с.284].

Под влиянием В.Маяковского появились стихотворения «Командир-киргиз», «Жүр, жолдоштор», «Жаңы катарга», которые, по утверждению критика З. Мамытбекова, стали толчком для творческого переосмысления традиций классика советской поэзии.

«Богатство словесно-изобразительных средств и образы, почерпнутые из сокровищницы устного поэтического творчества» [76, с.104], и влияние русской и восточной поэзии послужили для акына Алыкула добрую службу в становлении как поэт с большой буквы. Для З.Мамытбекова Алыкул – пламенный поэт, жизнелюбец, «он знал счастье жизни, и это счастье в служении своему народу» [76, с.106]. Он заканчивает свой анализ возвышенными словами о том, что Алыкул остался в добром сердце и в вечной памяти людей – почитателей его талантливой и прекрасной поэзии. Весь анализ поэтического наследия А.Осмонова пронизан глубоким признанием и гордостью критика З.Мамытбекова, внемлевшего величию его личности и наследия.

3.4 Переводы А.Осмонова в критике З.Мамытбекова

«Краткий иносказательный нравоучительный рассказ, стихотворение [91, с.34]» - басня встречалась еще в письменных памятниках древней Индии, Египта, Греции. Басня как дидактический жанр «бытует самостоятельно» [60, с.78] и в качестве героев басен кроме людей выступают животные, растения и даже предметы. Продолжатель творчества полулегендарного Эзопа русский баснописец И.А.Крылов из множества жанров выбрал именно басню. «Он максимально приблизил басенный жанр к исконно народной основе, напитал свои басни всеми соками земли, русской национально-народной почвы» [60,

с.14] – пишет Д.Д. Благой во вступительном слове к избранным сочинениям И. А. Крылова.

Творения русского баснописца переведены на многие языки мира. Их читают в более 50 странах на своих родных языках. Басни русского поэта, переводчика, сотрудника Императорской Публичной библиотеки, Действительного члена Императорской Российской академии Ивана Андреевича Крылова были переведены на киргизский язык поэтом - переводчиком А. Осмоновым в середине 30-х годов и в 1938 году вышел отдельным изданием.

В сборник вошли 21 басня И. А. Крылова. Обращение А. Осмонова к басням Крылова в середине 30-х годов критик З. Ч. Мамытбеков объясняет «потребностью в сатире, которую ощущала киргизская советская литература, поднявшая борьбу против пережитков в сознании людей» [79, с.80]. Также он пишет о том, что басни были избраны переводчиком для борьбы против отрицательных явлений в обществе с учетом доходчивости и доступности трудовым массам. Далее З.Ч. Мамытбеков делит переводы басен по тематике и пишет: «Из произведений великого русского баснописца Осмонов выбрал такие, в которых высмеивалась алчность («Волк и журавль»), лицемерие и глупость («Ворона и лисица»), самомнение и чванство («Слон и Моська»), («Лягушка и вол»), лень и праздность («Стрекоза и муравей»), хвастовство («кукушка и петух») и другие пороки людей» [76, с.81]. Также из переведенных басен Крылова критик выделил наиболее удачные переводы, такие как «Волк и ягненок», «Лебедь, щука и рак», «Мартышка и очки», «Скворец», «Лисица и виноград», «Слон и Моська», «Стрекоза и муравей» и др.

Басня из первого басенного сборника «Волк и ягненок», написанная в 1808 году, начинается с четверостишия:

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в истории мы тьму примеров слышим.

Но мы истории не пишем;

А вот о том как в баснях говорят [135,с.28].

Это мораль - четверостишие опущено А. Осмоновым. Первая строка второй строфы «Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться» Осмоновым переведен как «Булакка суу ичүүгө келди козу», он пропустил эпитет «жаркий день» («ысык күн»). Это Мамытбековым объяснено тем, что «вся строка не вмещается в одиннадцатосложник» [76, с.82]. Далее он пишет, что Осмонов расчленил первую строку не две части. Переводчик нашел в киргизском языке эквивалент выражения «И надобно же беде случиться» - «Бөрү жок десен, чыгар бөрк алдынан», что при переводе получится «Когда думаешь волка нет, то под шапкой появляется он».

Угроза волка:

Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питьё Моё

С песком и илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву – в переводе у Осмонова передана так:

- Сен, козу, өз жолунду таап жүрбөйсүң,

Тийиште мага десем тил албайсын,

Мойнунду азыр жулуп алайынбы,

Суумду неге келип ылайлайсың [158,с.56].

Как видно из примеров оригинал и перевод отличаются: слова «наглец», «с песком и илом» не даны Осмоновым в киргизском варианте. В переводе диалога волка и ягненка из-за трудности передачи содержания Осмоновым введены дополнительные строки. Последняя заключительная строфа в переводе на киргизский язык из четырех строк получился восемь строк. Последняя строка из басни: «Сказал и в темный лес ягненка поволок» в переводе звучит так: «Карышкыр кырдан аша жүрүп кетти, козуну ийнинен арта салып» [91, с.56] - («Волк на спине утачил ягненка, перевалив через горную седловину»). Слово «лес» заменен словом «горной седловиной». Эту замену З. Мамытбеков объясняет так: «В Киргизии мало леса, в большинстве случаев скот находится в безлесных горах и степи, поэтому Осмонов счел

нужным «лес» заменить «горной седловиной» [76, с.83]. Переводчик мог заменить и ради рифмы и ритма.

Как видно из примеров и сопоставлений, в переводе басни «Волк и ягненок» нет полного совпадения с оригиналом. Но читая басню на киргизском языке, которая состоит из 12 строф, невольно пленяешься выразительным содержанием, богатством лексики, ритмом и рифмой. В данном случае увеличение строф Осмоновым не нанесло ущерба идейному содержанию басни, а наоборот позволил переводчику не только сохранить и передать содержание и форму, но и приблизить к особенностям киргизского языка и мировоззрению киргизского народа. Басня воспринимается как исконно киргизский тамсил (басня). З. Мамытбеков пишет об этом так: «А. Осмонов стремился донести до киргизского читателя богатство содержания, глубину мыслей, передать яркость образов, стилистические особенности, афористические суждения Крылова, превратившиеся в пословицы и поговорки» [76, с.81]. Например, выражение: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать» - приобрело пословичный характер [38, с.172]. У Крылова в маске волка спрятан помещик или чиновник, а под маской ягненка мы узнаем бесправного бедного крестьянина, чьи права защищены только на бумаге.

Басня И. А. Крылова «Мартышка и очки», написанная в 1815 году А. Осмоновым переведен в двух вариантах (первый вариант в середине 30-х годов, а второй вариант в 1944 году). Басня начинается так:

Мартышка к старости слаба, глазами стала;

А у людей она слыхала,

Что это зло ещё не так большой руки:

Лишь стоит завести очки.

Перевод Осмонова:

Картайды начар көрдү маймыл көзү,

Көр болуп ушул жактан жүдөп өзү,

«Көз айнек тагып алса дурус болот»

Деп элден угуп алды жакшы сөздү.

Его перевод З.Мамытбековым:

Мартышка в старости слаба глазами стала,
Поэтому она испытывала большое неудобство,
От людей она слыхала приятные слова:

«Если надеть очки, то можно лучше видеть» [76,с.83].

З. Мамытбеков далее пишет, что во втором варианте перевода Осмоновым выброшена строчка «Көр болуп ушул жактан жүдөп өзү», которая было добавлена переводчиком, а остальные строчки оставлены без изменения.

Вторая строфа басни:

Очков с полдюжины она себе достала;
Вертит очки так и сяк:
То к темю их прижмет, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;

В переводе:

Бир жерден беш көз айнек издеп тапты,
Эки-үчөөн кулагына илип такты.
Айлантып мындай карап жыттап, жалап,
Кээ бирин куйругуна тизип жатты.

Перевод второй строфы очень близок к оригиналу, легко читается и запоминается. Третья и четвертые строфы тоже переведены удачно и близко к содержанию басни «Мартышка и очки». И З. Мамытбеков отмечает что, «Максимально переводчик приближает к оригиналу смысл 14,15, 16 строк и оттеняет комичность положения мартышки, разбившей очки» [76, с.84].

Крыловские строки «Мартышка тут с досады и с печали о камень так хватила их, что только брызги засверкали» Осмоновым переведены так:

Айнекти таш үстүнө тизип жатты.
Чогултуп кайра астына коюп алып,
Таш менен көз айнекти быркыратты.

Мораль к басне Осмоновым не переведена, но она содержится в переводном тексте самой басни.

М. А. Рудов в информационно – аналитическом исследовании «Басни Крылова на языках народов России и Советского Союза» дал оценку переводам крыловских басен А. Токомбаевым, Р. Шукурбековым, А. Осмоновым, К. Тыныстановым, К. Баялиновым. В частности, о переводах А.Осмонова пишет, что «намерение приблизить басни Крылова к кыргызскому читателю приводит его на путь национальной локализации, к заменен реалий, имен и других этнокультурных значений» [169, с. 146]. Автор исследования отмечает о стремлении переводчика А. Осмонова по возможности верно передать содержание крыловских басен, поэтому не занимается «параллельным воспроизведением текста с одного языка на другой» [169, с.149], а пересказывает, адаптируя для кыргызского читателя.

Перевод поэтического произведения, тем более такого жанра как басня, сопровождается определенными трудностями, но, несмотря на это Алыкулу Осмонову удалось добиться успешного перевода басен, поэтому они воспринимаются читателями как творения самого киргизского поэта и переводчика. Переводы басен Крылова А.Осмоновым критиком З.Мамытбековым отмечены так: «Многие его переводы воспринимаются киргизским читателем как оригинальные стихи, захватывают остротой мысли и образностью» [76, с.84]. Критиком дана положительная оценка переводческому труду Алыкула Осмонова, который приобщил читателей к творчеству великого русского баснописца Ивана Андреевича Крылова.

Переводческий труд басен не пропал бесследно для Осмонова. Получив вдохновение от иронии, сатиры и смеха русского баснописца А.Осмонов сам написал несколько сатирических и юмористических и стихотворений: «Күзгүгө каранган жеңе» («К женщине, прихорошивающейся перед зеркалом»), где высмеивает женщину-бездельницу и «Байка, жигиттер» (Остерегайтесь, джигиты»), где создан образ вора и проходимца. «Юмор его, так же и, как и юмор Крылова близок к народной шутке и служит одним из средств раскрытия художественных образов» [76, с.85] – пишет Мамытбеков, оценивая юмористические стихотворения А. Осмонова.

«У Крылова были великие предшественники в мировой басенной литературе, но ни одному из них не удалось внести в свои басни столько внутренней реалистической правдивости!» [52, с.30] - пишет Д.Д.Благой, отмечая достойное и лучшее место баснописца в мировой литературе. Его басни распространены во многих странах и до сих пор является образцом жанра. Он и при жизни пользовался громкой славой среди взрослых, особенно детей. Крылов гордился этим и говорил, что его басни «читают дети, а это такой народ, который истребляет все, что не попадет в руки...» [41, с.22]. Детям его басни помогают узнавать жизнь, отличить добро от зла, любить свою Родину.

И тут вспоминается высказывание С.Эткина, который писал, что «Книгу поэта должен переводить один поэт – только в таком случае талант переводчика раскроется во всем своеобразии, а значит, и талант оригинального поэта родится вторично в формах иного языка» [127, с.428]. Заир Мамытбеков в анализе переводов басен приходит к выводу, что А.Осмонов через перевод басен И.А.Крылова ещё раз показал свою творческую одаренность, силу духа и любовь к поэзии.

Перевод произведения на другой язык требует от переводчика не только передачу прямого логического смысла слова, но и сохранения насколько это возможно художественные приемы, которые помогут лучше воспринимать и приблизиться к оригиналу читателю. В поэзии слово выступает как ритмический «кирпичик» стиха, поэтому создаются трудности передачи звуковой материи слова, музыкальности, протяженности, соотношения согласных и гласных. Е.Эткинд пишет, что «Особенность поэзии в том и заключается, что все составляющие её смысловые и формальные, внутренние и внешние элементы нерасчленимы, - они взаимосвязаны и зависят друг от друга: ритм и звук, смысл и порядок слов, строка и фраза, длина слов и метрическая стопа. Измените один из этих элементов – и всё, без исключения всё придется изменить» [127, с.3]. Поэтические произведения требуют особого отношения при переводе на другой язык. Если языки являются родственными, то перевод с оригинала на другой немного облегчает труд переводчика. А читать и понять

«поэзию другого народа - значит понять другой характер, эмоциональный мир другой культуры» [127, с.3].

После войны Алыкулом Осмоновым был переведен роман в стихах «Евгений Онегин» А. С. Пушкина, который стал значимым «событием в культурной жизни киргизского народа» [162, с.22]. Критик З.Мамытбеков перевод «Евгения Онегина» определил, как «исключительное значение для дальнейшего развития киргизской советской литературы в смысле овладения сложным жанром литературы - стихотворным романом» [76, с.87]. З. Мамытбеков сравнивает характеристику Евгения Онегина в оригинале и в переводе, приводит примеры строк из перевода: «Казаться мрачным изнывать» - «калп үшкүрүп кабагына кайгы жаап», «как пламенно красноречив» - «кээде чечен, таппас жерден сөз таап», «стыдлив и дерзок, а порой блистал послушною слезой» - «кезде уяң, кээде өткүр, ал кезде жашып кеткен көзүнөн жаш имере», «спокойно спит в тени блаженной, забав и роскоши дитя» - «Уктап жатат, уйкуга эрип жан жыргап, үлпөт сайран, өскөн азамат». Далее приводит шестистрочный пример из перевода:

Нет, рано чувства в нем остыли,	Жок, ал бекер:эрте муздап көңүлү,
Ему наскучил света шум,	Иренжитти ак сөөк калктын чуулары
Красавицы не долго были	Сүйгөн сулуу кайра сулуу көрүндү
Предмет его привычных дум.	Адетиндей көнүмүш болуп мурдагы,
Измены утомить успели.	Жадаткандай аялдардын алдоосу
Друзья и дружба надоели...	Муздаткандай дос-курдаштын жолтоосу.

Сравнивая эти строки, З. Мамытбеков отмечает точность текста, соответствие перевода оригиналу, выдержанную интонацию и соблюденные паузы подлинника. Критик упомянул о переводе разговора Татьяны с няней и о письме Онегина к Татьяне, отметив различие структуры от остальной части тем, что переведены семи- и восьмисложником с перекрестной рифмой. Образ задумчивой, серьезной и мечтательной Татьяны, которая «Дика, печальна, молчалива» переведены как «Элкин, жапан, мундуу, сөзгө эң сараң», а строка

«Как лань лесная боязлива» звучит у Алыкула Осмонова «Кийик өндүү чочугандай каранган».

З. Мамытбеков пишет о трудности перевода диалога Татьяны с няней, где должно было учитываться национальное своеобразие, интонация, оттенки речи героев и приводит в пример такие строки:

- «Сүйдүң беле? Айт чынынды сен мага» - («Была ль ты влюблена! Скажи ты мне всю правду»); -«Кайдан, Таня! Билбегенбиз таптакыр! («Откуда, Таня! Мы не знали такого»); «Кантип анан нике кыйды, я, няня?» (Как же тебя венчали, няня?»); «Кудайымдын кылганы да («Так, видно, сделал бог»).

Критик отмечает, что переводчик «с большим умением воспроизводит замедленность темпа речи Татьяны и няни» [76, с.91]. По словам З.Мамытбекова, переводчику удалось передать интонацию речи, сохранить изобразительные средства языка – эпитеты, паузы, переносы, дробление на строки. А.Осмонов прибегнул к умолчаниям, которые дают возможность передать психологическое состояние героини.

Отмечая богатое содержание и эмоциональную насыщенность письма Татьяны к Онегину, З. Мамытбеков пишет, что требуется от переводчика бережное отношение к подлиннику и поэтическое мастерство. Сравнивая переводы письма Татьяны на кыргызском языке в переводе А.Осмонова, на узбекском языке в переводе Айбека (Муса Ташмухамедов), на казахском языке в переводе Ильяса Джансугурова критик делает вывод, что «все три переводчика глубоко проникли в суть изображаемого, верно поняли смысл и интонацию оригинала» [76, с.92]. Кыргызский, узбекский и казахский языки – родственные языки, поэтому понятны и доступны для понимания и восприятия, дает возможность сравнить и проанализировать переводы поэтического произведения.

Как отметил З.Мамытбеков, казахский поэт И. Джансугуров перевел онегинскую строфу семи-восьмисложным размером, которым не всегда удастся передать глубину и поэтическую прелесть подлинника, но все-таки переводчику удалось сохранить красоту поэмы. А киргизский и узбекский

переводчики перевели письмо Татьяны одиннадцатисложником, приблизительно сохранив порядок рифмовки и добившись звучности стиха.

Сам Заир Мамытбеков считает, что «одиннадцатосложник дает возможность полностью и точно передать смысл оригинала» [46, с.82]. Дуйшон Кулбатыров в своей статье «Евгений Онегиндин үч котормосу», где рассматривал переводы А.Осмонова, Э.Турсунова и К. Баялинова пишет, что не согласен с утверждением З.Мамытбекова. По мнению Д.Кулбатырова при переводе поэтических строк, написанных в традициях русского стихосложения кыргызским 11-12 сложником теряется оригинальная форма русских текстов. «Как не старается переводчик воспроизвести форму и содержание подлинника, это можно осуществить только в относительное мере, особенно если иметь дело с произведением, написанным в других исторических, социальных и географических условиях, если произведение отдалено от нас дистанцией времени и границами языка» [123.с.16] - пишет В Шаповалов в книге «Язык переводческой науки». Поэтому выбор А.Осмоновым 11-сложника является попыткой как можно более адекватно передать смысл пушкинских поэтических строк.

Далее в анализе З.Мамытбекова сравниваются первые две строки письма Татьяны:

«Я к вам пишу – чего же более?

Что я могу ещё сказать?» во всех трех переводах. Эти строки на казахском переводе: «Жаздым сизге – кайтемин? Тагы не сөз айтамын?» (Я вам пишу, что я могу сделать? Какие слова ещё скажу?).

В узбекском переводе: «Мен сизге азаман башками не йул бар? На дея биламан сизге мен яна? (Я вам пишу, ещё какой путь есть, ещё что я вам могу сказать?)»).

В кыргызском переводе: «Сизге жазам-мындан башка эмне дейм? Мындан башка мен эмнени айта алам» (Я вам пишу, что я ещё скажу, кроме этого, ещё что могу сказать?) Повторы А.Осмонова «мындан башка» («кромe этого») придало переводу напряженность и энергетику.

Фразу из письма Татьяны «Не оставьте меня» казахский поэт И. Жансугуров перевел «Гастамассыз, аларсыз» (не оставьте, женитесь), киргизский поэт перевел «Мен шордууну таштабайсыз деп билем» (Я знаю, вы не оставите меня, бедную), узбекский поэт Айбек перевел «Таштаб кетмагайсыз янчиб хасмин» (Вы не оставьте, погубив мою мечту). По мнению З.Мамытбекова переводы на узбекском и на киргизском языках смысл фразы «Не оставьте меня» верно передан.

Дальше Заир Мамытбеков продолжил анализ фразы «Все думать, думать об одном и день и ночь до новой встречи». У А.Осмонова эта фраза переведен (Бир гана ой жөнүндө ойлонсом) неточно, логический смысл не сохранен, тогда как его узбекский и казахский поэты перевели более точно: на узбекском «Янги учрашувуга кадар эрта-кеч уйлайин; уйлаймоин, унутмасдан хеч», а на казахском «Күн, түн сизди ойлауга крискенге тагы да».

Строка «Не знала б горького мученья» по мнению критика на узбекском и на киргизском языках переведена очень хорошо, а на казахском переводе выпало слово «горькое» и получилось такая строка: «Тусермедим азапка» (Разве я была погружена). Для достоверности приведены пушкинские строки:

Души неопытной волненья
Смиривь со временем (как знать)
По сердцу я нашла бы друга,
Была бы верная супруга
И добродетельная мать.

З. Мамытбеков пишет: «казахский поэт не уловил сомненья Татьяны о том, что со временем она, возможно смирила бы души волненья» [76, с.94]. Далее строки: «Я знаю, ты мне послан богом, до гроба ты хранитель мой...» переведен казахским переводчиком так: «Жасса тагдыр эздолде... косса тенгрим, мен сендик (Если предначертано судьбой, и если бог нас соединяет, я твоя), и такой перевод не соответствует смыслу на оригинале. Эти же строки на узбекском языке у поэта Айбека: «Биламанка сени юбармаши тангир, кабрмана мени химояынга ол» («Я знаю, ты послан богом, до гроба ты меня охраняй»).

Этот перевод более точно передает смысл вышеназванной поэтической строки. Алыкул Осмонов перевел «Билем сени кудай жазган ободон, өлгөнүмчө өбөгүм деп ишенем» («Я знаю, ты мне предназначена богом, до гроба ты опора моя»). Перевод киргизского поэта, по мнению Заира Мамытбекова, «великолепно передал смысл и музыкальность этих строк при помощи ассонанса «өлгөнүмчө өбөгүм» [76, с.94].

Переводы отличаются и не полностью совпадают с оригиналом, но З. Мамытбеков как бы предугадывая наши критические мысли, пишет, что это неотсебятина, а «настоящий творческий перевод, который передает дух оригинала и сохраняет интонацию подлинника» [76, с.93]. Критику удалось проанализировать все три перевода и отметить их положительную сторону: передачу глубокой правдивости чувств, искренность исповеди главной героини поэмы «Евгений Онегин» Татьяны, также автором анализа отмечены недостатки и неточности на примере некоторых строк из переводов на трех родственных языках. Сопоставление перевода Алыкула Осмонова с переводами Ильяса Джансугурова и Айбека (Муса Ташмухамедов) доказывает неустанный поиск исследования самого критика Заира Чакиевича Мамытбекова. На фоне других двух переводов ему удалось показать недочеты и успехи переводчика и акына Алыкула Осмонова. Он не просто сравнил переводы Алыкула Осмонова, Мусы Ташмухамедова (Айбек) и Ильяса Джансугурова, а высоко оценил их переводческий труд, назвав их образцами творческого подхода к переводу и воссоздания оригинала на другом языке.

Потом З. Мамытбеков дает анализ переводам пейзажных зарисовок романа в стихах «Евгений Онегин», при этом отмечает, что и сам А.Осмонов великолепно изображает картины природы в своих поэтических произведениях. Им приведены такие примеры: «Пчела за данью полевой летит из кельи восковой» - «Аары учат оокатына кам урат, кыштай жаткан түнт үйүнөн жан тажап», «Улыбкой ясною природа сквозь сон встречает утро года» – «Жадыраган көнүлү жарык табигат, жыл башына уйкусурап кол сунат», «Синея блещут небеса, ещё прозрачнее леса» - «Асман тунук көгүш тартып

магдырап, андан сонун, андан таза токой жак». Алыкулу Осмонову удалось передать через поэтические строки на кыргызском языке красоту весенней природы в романе «Евгений Онегин», которую любя и восхищаясь описывал гениальный поэт, яркий представитель «золотого века» А. С. Пушкин.

Перевод А.Осмонова критик подытоживает такими словами: «А. Осмонов прекрасно донес до кыргызского читателя национальное своеобразие подлинника в изображении характеров героев, обрисовке быта, нравов и жизни русского народа; сумел сохранить речевые особенности персонажей, передать красоту пушкинских пейзажей». З. Мамытбеков по праву дал положительную оценку переводу А.Осмонова, утверждая, что он «внес большой вклад в развитие кыргызской литературы, способствовал распространению русской литературы, взаимному сближению двух народов» [76, с.95].

Литературное наследие Михаила Юрьевича Лермонтова – поэта, прозаика, художника, полиглота, «одаренного удивительной музыкальностью» [144, с.12] молодого таланта были переведены на многие языки народов мира. В Лермонтовской энциклопедии дана подробная информация о переводах на разные языки его произведений, а в частности, о переводе стихотворений на кыргызский язык там написано, что «В 30-е годы переводам произведения Лермонтова обратился А.Осмонов, поэт-лирик философского склада, перевел стихотворения «Одиночество» (1937), «Сосна», «Узник», «Прощай немытая Россия», «Парус» (все 1939) [59, с.327]. Но стихотворение «Прощай немытая Россия» написана в 1841 году. Кроме этих стихотворений у З.Мамытбекова упоминается перевод и поэмы «Беглец».

Критик З.Мамытбеков приводит в пример первую строфу стихотворения «Узник» и сравнивает с переводом А. Осмонова.

Лермонтовская строфа:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сиянье дня,
Черноглазую девицу,
Черногривого коня!

В переводе А.Осмонова:

Каалганы ачкыла.
Күн жарыгын чачкыла.
Сулуу кыз, күлүк атымды,
Келтирсеңер астыма.

Я красавицу младую
Прежде сладко поцелую,
На коня потом вскачу.
В степь, как ветер, улечу.

Жаш сулууну эң мурда,
Таттуу өбөйүн кучактап.
Анан минип атыма
Сызайын соккон шамалдай.

3. Мамытбеков подчеркивает повторение звуков «а» и «ч» (вскачу, улечу) у Лермонтова, которые заменены в переводе на «к» и «т» (каалганы ачкыла, күн жарыгын чачкыла, сулуу кыз, күлүк атымды, келтирсеңер астыма). Далее критиком сравнена вторая строфа стихотворения с переводом и в качестве примера показаны следующие строки: «Черноокая далеко» - «Кара көзүм ыраакта», «Добрый конь в зеленом поле» - «Күлүгүм жашыл мейкинде», «без узды, один, на воле»- «Жүгөнсүз, ээрсиз эркинде», «Скачет весел и игрив, хвост по ветру распустил» - «Секирип ойнойт оргуштап, куйругун желге жошултат». Четвертую строку второй строфы «В пышном тереме своем» Алыкул Осмонов перевел как «Өзүнүн салкын багында» (В своем прохладном саду). Слово «терем» (В древней Руси: жилое помещение в верхней части дома или дом в виде башни) [124, с.783] не имеет эквивалента в кыргызском языке, поэтому переводчик выбрал слово «сад», что совсем не противоречит замыслу автора стихотворения. Далее критиком дан анализ переводу третьей строфы, где он подчеркнул, что «характерной особенностью перевода третьей части стихотворения является адекватная точность с сохранением формы и стилистических особенностей оригинала» [76, с.98].

По мнению З.Мамытбекова перевод Алыкула Осмонова не нарушил поэтическую структурную целостность, сохранил близкую к народному песню музыкальность. Действительно, переводчику удалось сохранить художественную ценность стихотворения «Узник», написанный на клочке оберточной бумаги тогда, когда М.Лермонтов находился под арестом за «Смерть поэта». Алыкулу Осмонову удалось передать на родном языке тяжесть в сердце и тоску поэта по свободе в стихотворении «Узник» М. Лермонтова.

Перед отъездом во вторую ссылку на Кавказ в апреле 1841 года в Петербурге Лермонтов написал стихотворение «Прощай, немытая Россия...» – одно из самых острых политических выступлений, которая выражает его социально-философские взгляды против деспотизма русского самодержавия.

З.Мамытбеков привел в пример первую строфу восьмистишия и его перевод на киргизском языке, а потом перевел с осмоновского варианта обратно на русский, доказав тем самым на расхождении в переводе с оригиналом. Далее он пишет о том, «перевод (хотя в нем и не сохранен стихотворный размер), очень близок к оригиналу» [76, с.99].

Первая строка «Прощай, немытая Россия» Осмонов перевел так: «Кош бол, кайран, ыйлуу мундуу, Россия», обострив и углубив тем самым смысл слова «немытая». Мамытбеков замечает о том, что можно было бы перевести это слово как «артта калган», т.е. «отсталый». Лермонтов использовал данное определение в значении «бедный», «страдающий». В Лермонтовской энциклопедии написана, что слова «немытая Россия» закрепились в сознании многих поколений русских людей как афористическое выражение бедственного состояния родины» [59, с.452].

Вольный перевод стихотворения немецкого критика и поэта Христиана Иоганна Генриха Гейне «Сосна стоит одиноко» из сборника «Книга песен» показал переводческий дар М.Лермонтова. Перевод стихотворения был сделан по просьбе П. П. Вяземского, сына поэта П. А. Вяземского в 1841 году перед поездкой на Кавказ. Есть два варианта перевода стихотворения Г. Гейне. В обоих вариантах изменен смысл оригинала, так как Лермонтов «не принял во внимание существенных для Гейне грамматических родовых различий: в немецком языке «сосна» - мужского рода, «пальма» - женского. Поэтому стихотворение Лермонтова написано не о разлуке влюбленных, а о трагедии одиночества, непреодолимой разобщенности людей» [144, с.691]. Тем не менее, стихотворение воспринимается как исконно лермонтовское сочинение и тоже переведено А.Осмоновым на киргизский язык. Для убедительности и для

аналитического сравнения приводим стихотворение на русском и на киргизском языках:

У Лермонтова:

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет, качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой она.
И снится ей все, что в пустыне далекой,
В том крае, где солнца восход.
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Перевод Осмонова:

Алыскы кар чүмкөнгөн түндүк жакта,
Жап-жалгыз өсүп турат жапайы арча.
Мончоктой кар оронуп бутактарын
Үргүлөп көз илинет анда - санда.
Түшүндө: көз көрбөгөн ээн жакта.
Ойготкон алтын күндү күн чыгышта.
Бир курма кең жайылып өсүп турат
Жап-жалгыз, алда убайым, алда капа.

З.Мамытбеков, анализируя перевод стихотворения, приводит в пример следующие строки: «На севере диком» у Осмонова получился как «На далеком снежном севере» (Алыскы кар чүмкөнгөн түндүк жакта), «В пустыне далекой» – «В далекой невидимой стране» (көз көрбөгөн ээн жакта), «Одета как ризой она» – «Ветви одеты жемчужными снегами» (Мончоктой кар оронуп бутактарын). Несоответствие перевода последнего примера Мамытбеков объясняет тем, что у кыргызов как мусульман нет понятия «ризы» (церковная одежда), и поэтому замена ее «жемчужными снегами» вполне оправдана. А.Осмонов сумел компенсировать языковые несоответствия смысла слов и понятий. Далее критик З. Мамытбеков оценивает перевод восмистишье

Лермонтова Осмоновым на кыргызский язык очень положительно, отметив, что он умело использовал художественно – изобразительные средства киргизского языка, «стремится достичь наибольшей выразительности в передаче красоты и содержания оригинала» [76, с.100].

Последняя из кавказских поэм Лермонтова «Беглец», которая отразила знакомство поэта с историей, фольклором и бытовым укладом народов горного края, написана после поездки на Кавказ в 1837 году. В основу поэмы положена горская легенда о черкесском юноше, который бежал с поля брани и вернулся к родному аулу, где его встретили как предателя и труса. А.Осмонов при переводе сохранил ритм, форму, напряженность речи героев «Беглеца». Некоторые слова заменены кыргызскими эквивалентами, которые более доходчивы и понятны для читателя. Например, Мамытбеков указывает, что строка «Бежал он в страхе с поле брани» у Осмонова заменены словами «Бежал боясь земли, где господствовала смерть» (Ажал жерден корккондой), «За честь и вольность там легли» - «Погибли за вольность и мечь» (Эрк, кек үчүн жан берген). Действительно, эти замены несколько не искажают художественные ценности поэмы, они по-другому открывают его для киргизского читателя. При переводе песни девушки Гаруна сохранена форма стиха, которая состоит из 4 и 5 слогов. Заиром Мамытбековым приведен следующий пример:

У Лермонтова:

Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет

У Осмонова:

Калкыйт ак ай
Акырын, жай
Жөнөйт жаш эр
Согушка шай.

При переводе А.Осмонов старался передать мелодичность, духовную силу слов песни девушки, поэтому некоторые расхождения находят оправдание именно в этом.

Заканчивая анализ перевода поэмы «Беглец» критик З.Ч.Мамытбеков делает вывод о том, что «Переводчик текстуально точно передает смысл, напряженный характер диалогов, добивается интонационного нарастания

стиха» [76, с.103]. Этот вывод убедительно требует полного согласия с мнением критика, так как киргизский вариант поэмы полон эмоционального и психологического напряжения, которого мастерски смог сохранить и передать Алыкул Осмонов. Поэзия Лермонтова способна беспрепятственно проникать в потаенные уголки человеческого сердца и разума, именно она искусно играет на тонких струнах человеческих чувств и эмоций, заставляя прислушиваться к самим себя, потому что именно «поэзия первоначально воспринимается сердцем и уже им передается голове» [14, с.95]. В переводах А.Осмонова лермонтовская поэзия действительно воспринимается сердцем читателей, декодируя мысли автора в их собственные мысли.

Всем поэтическим переводам лермонтовских творений А.Осмонова заслуженно дана высокая оценка критиком З.Мамытбековым, так как перевод поэтического произведения с одного языка на другой, тем более не с родственного языка рождает много трудностей, исканий и творческого подвига. Именно такой подвиг совершен А.Осмоновым.

Поэма Шота Руставели "Вепхисткаосани" - "Витязь в барсовой шкуре» (в русских переводах «Витязь в тигровой шкуре») – уникальный памятник грузинского художественного слова средневековья и шедевр мировой поэзии. "Вепхисткаосани" – история любви, дружбы и героических подвигов трех друзей. Прекрасными поэтическими струями льются строки о любви и верности Нурадин - Фридона, Автандила, Тариэля, Асмата, Тинатина, Нестан, Фатьмы. Их саможертвенность ради Родины, друга и возлюбленной поражает глубиной чувств, крепостью воли и неиссякаемой силой. Для их подвигов и любви нет границ, нет меры времени. Их не остановят ни жажда, ни бури, ни мечи и коварство недоброжелателей. Именно эти качества позволили дастану (поэме) пройти сквозь века до наших дней. В течении многих веков дастан был достоянием гордого грузинского народа – хозяина высоких прекрасных гор, шумных озорных рек, благозвучного и непонятного для европейца языка. Миру явилось «грандиозное археологическое открытие» [170, с.5] - поэтическое сокровище Шота Руставели.

Русский перевод эпической поэмы поэта Ш.Руставели впервые появилась в жанре трагедии в стихах под названием «Барсова кожа» в 1855 году. Перевел ее царевич Окропиром. На данный момент существует пять опубликованных полных переводов поэмы, выполненных К.Бальмонтом, П.Петренко, Г.Цагарели, Ш.Нубидзе и Н.Заболоцким. Крупнейший переводчик грузинской поэзии Н.Заболоцкий перевел поэму в 1957 году. Именно его перевод лежит в основе перевода на кыргызский язык А.Осмоновым.

Шота Руставели, по словам А.Брамидзе «всеобщее признание получил только в советское время, когда его прекрасные стихи зазвучали на многих языках цивилизованного мира» [16, с.3].

В 1937 году отмечали 750 – летие дастана (поэмы) «Витязь в тигровой шкуре» Шота Руставели. В честь этого большого праздника многие кыргызские писатели переводили отрывки из поэмы.

А. Осмонова заинтересовала поэма Шота Руставели и его биография. Он написал стихотворение «Шота», где воспел любовь и восхищался преданностью красавицы Тинатин. Стихотворение было опубликовано в 1937 году в газете «Кызыл Кыргызстан». Приступил к переводу поэмы в мае 1938 года. Работа была интересная и кропотливая. Он жил вместе с героями: удивлялся, восхищался, радовался и чувствовал себя счастливым. Работа над переводом закончена в апреле 1939 года в подмосковной даче писателей Малеевке.

Критик З. Мамытбеков пишет, что «прежде чем приступить к переводу, он познакомился с историей и культурой грузинского народа, изучал жизнь и творчество Руставели, переводы на русский язык К.Бальмонта, А.Петренко, Г. Цагарели и подстрочник с грузинского» [76, с.77]. Для киргизского поэта Грузия была незнакомой далекой страной. Ее культура, история, язык, традиции, литература стали открытием для А.Осмонова. Он чувствовал себя неотделимой частью дастана о любви. Поэт долго вынашивал идею перевода поэмы на киргизский язык. Первым человеком, с которым Алыкул поделился с этой новостью, была любимая девушка Айдай [34, с.30].

Начало работы над переводом затруднялось «отсутствием эквивалентных средств в киргизском языке для передачи особенностей грузинского языка» [76, с.78] – пишет З.Мамытбеков в анализе. Но, А.Осмонов переводил поэму с русского переводного текста, а не с грузинского. Стало быть, не должен стоять вопрос о различии киргизского и грузинского языков. Трудности были в различиях русского и киргизского языков в передаче идеи и содержания поэмы. Несмотря на трудности, А.Осмонову удалось приблизить лексическое богатство поэмы к языковым особенностям киргизского народа.

Переводчик пишет: «Между русским текстом и переводом на киргизском языке есть большие расхождения, но содержание сохранится без изменений. Я старался сохранить особенность поэмы, богатство афоризмами» [41, с.180]. Например, в поэме Руставели нашел яркую поэтичность – «Львята все равны друг другу, будь то самка или самец» [16, с.19]. Этим афоризмом он показал воцарение Ростеваном своей дочери Тинатин на царский трон.

С восхваления царицы Тамары начинается его поэма «Витязь в тигровой шкуре»:

Воспоем Тамар-царицу, почитаемую свято!

Дивно сложенные гимны посвящал я ей когда-то.

Мне пером была тростинка, тушью - озеро агата.

Кто внимал моим твореньям, был сражен клинком булата (перевод с грузинского Н.Заболоцкого)

Вольный перевод А.Осмонова:

Ырдайлы Тамар-шааны күч жеткенче,

Көл кылып көздүн жашын алда нече.

Сайрагам түрлөндүрүп ыр жолдорун

Жарашат мактаганды мактай берсе!

Перевод пейзажных описаний получился точным и красочным, они уводят читателя в те края, где находятся герои поэмы. Описаны то величественные горы, напоминающие наши киргизские горы, то многолюдный город, встречающий караваны, то даль морская «колыхаясь и сверкая» [170,

с.78]. Пейзаж в произведении сопровождает героев во время охоты, сражений, у костра во время отдыха.

Большое мастерство перевода у А.Осмонова ощущается при воссоздании образов героев поэмы. Ему удалось показать храбрость, преданность, чувственность понятными для кыргыза словами. Например, Он, что создал свод небесный, он, что властью чудесной Людям дух дал бестелесный, – этот мир нам дал в удел. Мы владеем беспредельным, многоразным, в разном цельным.

Каждый царь наш, в лике дельном, лик его средь царских дел [170,с.5].

Ааламды алдуу кылып жаратканым,

Баарына энчи бөлүп жашагандын,

Асмандан жердегиге кубат берип,

Дүйнөнүн жарыкчылык жыргалдарын

Бир гана адамзатка жазып койгон,

Бийлигин өкүм кылып падышанын [171,с.9].

Состоящая из 15-16 слогов четверехстрочная строфа Н.Заболоцкого переведена А.Осмоновым 11-12 слоговой шестью строками. Последние две строки «Бир гана адамзатка жазып койгон, Бийлигин өкүм кылып падышанын» [170, с.9], добавленные переводчиком дополняют оригинал логически – смысловой нагрузкой. Несмотря на различия в архитектонике осмоновский вариант максимально выдержан в семантической передаче оригинала.

В своем анализе перевода З.Мамытбеков не приводит строчных примеров-аргументов, но дает высокую оценку переводу А.Осмонова, применяя слова-наречия «великолепно», «удачно», «сильно» и т.д. Например, З.Мамытбеков пишет, что «А.Осмонов великолепно уловил руставелевское художественное противопоставление Автандиля Тариэлю» [76, с.79]. З.Мамытбеков отмечает, что их (Тариэля и Нестан) переписка «по своему содержанию и эмоциональному воздействию на читателя является одним из трогательных моментов в поэме» [76, с.80].

В руставелевском творении чувствуется глубокое уважение к женщине, которое присуще и киргизским и грузинским традициям. Руставелевская женщина в поэме играет большую роль в управлении государством и в создании семейных уз. А.Брамидзе пишет о том, что «Руставели решительно выступил на защиту идеи законности и разумности воцарении женщины» [10, с.19]. И это выступление вполне оправдано, ведь Грузия гордится царицей Тамар, которая правила в «золотой век» ее истории. А в поэме на арабийский трон взошла женщина – дочь Ростевана Тинатин. После замужества она остается законной правительницей и продолжателем рода, а муж является ее помощником и соправителем. Далее А.Брамидзе пишет «Торжество любви, описанное в «Витязе в тигровой шкуре», было бы невозможно без братской преданности и дружеской взаимопомощи героев поэмы» [16, с.20]. Их дружба перерастает в дружбу арабийского, индийского и мультгазанзрийского народов.

А.Брамидзе дает положительную оценку поэме Ш.Руствели и его художественному мастерству, он воспел его как золотого голоса «золотого века» грузинской истории. Панегирик А.Брамидзе перекликается с высокой оценкой перевода З.Мамытбековым. Он пишет: «при внимательном изучении текста приходим к выводу, что перевод отличается исключительной поэтической верностью, силой эмоционального воздействия на читателя» [104, с.78]. В сравнении ее одного отрывка из поэмы: «Я, певец села Рустави, Из Месхети, песню славе здесь сложил и записал [170, с.402]. - Белгисиз месх-Рустави деген жерден, Мен ырчы жогоркудай ыр чыгарган» [171, с.324] явно чувствуется смысловое и содержательное соответствие перевода русскому варианту.

Итак, поэма «Витязь в тигровой шкуре» - гимн любви и дружбы. Великолепное творение Руствели нашло свое достойное место в мировой литературе. Открывшись миру, она по-новому открыла миру и саму Грузию, потому что А.Осмонов «близок к подлиннику не отдельными чертами, а верной передачей духа оригинала, глубиной мысли, эмоциональностью и яркостью стиха» [76, с.78].

В переводе Алыкула Осмонова кыргызский читатель воспринял поэму как родную - кыргызскую. Перевод поэмы был опубликован латинскими буквами в 1940-м году. Она стала популярной книгой среди народа. «Поэму полюбили и млад, и стар, она распространилась в народе молнионосно» - вспоминает Турусбек теги Жекшенбек в книге «Алыкулга таазим» [111, с.18].

Поэма «Жолборс терисин жамынган баатыр» («Витязь в тигровой шкуре») принес всеобщее признание переводчику и поэту Алыкулу Осмонову. «Он стал знаменитым как настоящий поэт после перевода вышеназванную поэму знаменитого грузинского поэта Шота Руставели» вспоминает Шаршенбек Умоталиев [113, с.18]. А.Осмонов стал непревзойденным переводчиком поэзии.

Переводу поэмы на кыргызский язык К.Х.Джидеева тоже дала высокую оценку: «Так, Осмонов создал изумительное по своему художественному совершенству переложение «Витязя в тигровой шкуре» Ш.Руставели, и через это произведение открыл себя, свои поэтические возможности, нераскрытые стилистические богатства родного языка» [27, с.21]. Также она писала, что А.Осмонов сразу выделился среди поэтов-переводчиков «своим тонким чутьем к художественным деталям переводимых произведений, умением лаконично образно их воссоздать» [27, с.22]. Вольный перевод А.Осмонова осуществлен через умелое использование богатой лексики и стилистики родного языка, полного выразительно-экспрессивными языковыми средствами. «Автор «Витязя в тигровой шкуре» постепенно занимает по праву принадлежащее ему место в истории мировой литературы» [86, с.138] – писали Натадзе Н.Р. и Цаишвили С.С. в книге, посвященной великому сыну Грузии. Кыргызский вариант поэмы внес свою весомую лепту в мировом признании и популяризации «Витязя в тигровой шкуре» наряду с переводами Н.Заболоцкого, Мари Броссе, И.Меунаргия, К.Бальмонта, Ани Марсель-Паон, Марджори Скотт Уодроп, Артур Лейст, Гуго Гупперт и мн.др.

Популярность перевода А.Осмонова среди кыргызских читателей обусловлена максимально приближенным к русскому варианту идейным

содержанием с одной стороны, а с другой стороны она достигнута благодаря поэтическому таланту самого акына. З.Мамытбеков достойно и оправданно высоко оценил вольный перевод поэмы «Витязь в тигровой шкуре», в котором передана глубина содержания и стиль высокой простоты Шота Руставели.

«Пламенный поэт» З.Мамытбекова повествует о многогранном таланте поэта и переводчика Алыкула Осмонова, особо подчеркивая его новаторство. Критик З.Мамытбеков подверг научно-теоретическому анализу изрядное количество поэтических произведений из наследия поэта. Он «одним из первых ознакомил всесоюзное общество со славой Алыкула» [58, с.133]. Этому поспособствовала то, что З.Мамытбеков очень хорошо написал на русском языке монографию о творчестве А.Осмонова.

Заканчивая исследования творчество выдающегося киргизского поэта и переводчика, Заир Чакиевич приходит к мнению, что поэзия Алыкула Осмонова – это поэзия высокого накала страсти, неустанного поиска новых тем, конфликтов, героев, сюжетов. Прделана большая работа в изучении творческих исканий и находок А. Осмонова, дана высокая оценка его поэтическому наследию Заиром Чакиевичем Мамытбековым, что свидетельствует о его собственном неустанном литературно - аналитическом труде. О творчестве Алыкула Осмонове писали многие критики, поэты, современники, а исследование З.Мамытбекова занимает достойно почетное место в советском кыргызском литературоведении.

Заключение третьей главы

В ходе исследования поэтической и переводческой деятельности Алыкула Осмонова критиком Заиром Мамытбековым проведена большая аналитическая работа. Поэтическое наследие А.Осмонова рассмотрено исследователем поэтапно, а именно прослежены и разделены творческо - тематические периоды. В анализе творчества поэта в военные годы Заиром Мамытбековым рассмотрены стихотворения и поэмы, написанные

А.Осмоновым во время Великой отечественной войны, которые были полны боли, гнева и большой любви к Родине. В послевоенном творчестве А.Осмонова преобладает тема восхваления труда простых тружеников, тема созидания, тема гордости за строителей социализма.

Заиром Мамытбековым отдельно рассмотрены стихи А. Осмонова, посвященные теме Иссык-Куля. Цикл стихов, состоявший из 20 стихотворений поэта, по мнению критика, является результатом особого плодотворного периода в творчестве А.Осмонова. В анализе данного цикла литературовед подчеркнул простоту и естественность поэтического языка поэта А.Осмонова и тонкий лиризм, обусловленный глубокой любовью к родной земле и ее красотам.

Стихи акына А. Осмонова, наполненные рассуждениями о месте поэзии и поэта, о судьбе Родины и простых тружеников, о быстротечности времени и невозвратно уходящей молодости рассмотрены отдельно как философская лирика. З.Мамытбеков, проанализировав стихи «Есть такие следы...», «Тридцатилетие», «Комуз», «Поэзия», «Человек», «Тем, которые родятся после нас», «Эпоха» и «Дни», отметил интеллектуальное богатство и эмоциональная взволнованность философской лирики А. Осмонова. Также критиком проанализированы и оценены такие стихотворения «Я видел луну», «Учение беркута», «Тащи, козел, тащи», «Язык коровы», «Объездчик», «Дойка кобылиц», «Бекбекей» и «Моя перепелка и поэмы «Толубай», «Тополь Эшимкана» «Мырза уул», «Карагул», «Стодвадцатилетний Алмагул и стопятнадцатилетний Шевкай Гирей» А.Осмонова.

Из всего богатого поэтического наследия Алыкула Осмонова литературоведом З.Мамытбековым рассмотрены произведения – призывы, стихи, прославляющие новую жизнь и труд простого человека, стихи, воспевающие любовь и преданность Отечеству.

Переводческое наследие Алыкула Осмонова представлено критиком литературным анализом переводов «Евгений Онегин» А.С. Пушкина, басен И.А.Крылова, стихотворений М.Ю. Лермонтова и «Витязь в тигровой шкуре»

Шота Руставели. В итоге анализа Заир Мамытбеков приходит к выводу, что переводы А. Осмонова текстуально точно передают смысл и авторскую позицию оригинальных текстов, подчеркнув тем самым переводческий талант поэта. А.Осмонов рассмотрен как поэт – новатор, который поднял поэзию на более высокий качественный уровень и весь анализ его творчества пронизан глубоким признанием его величия как поэта и как личности.

Глава IV. ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ И ВОСТОЧНОЙ КЛАССИКИ

3. МАМЫТБЕКОВЫМ: ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ И АДЕКВАТНОСТЬ.

4.1 Поэтические произведения русской классики в переводе

3. Мамытбекова

В переводе художественного текста существуют проблемы адекватности и эквивалентности текста перевода оригиналу; выявление исторической роли перевода в развитии межъязыковой коммуникации различных языковых культур. Перевод с одного языка на другой предполагает полноправную замену оригинала, но нельзя забывать о недостижимости абсолютной тождественности. Эквивалентность или равноценное другому, вполне заменяющее его [92, с.84], обозначает общность содержания, смысловую близость оригинала и перевода. Эквивалентность является основным признаком и условием существования перевода любого текста. В практике и теории перевода эквивалентность и адекватность являются сходными понятиями. Адекватность перевода можно охарактеризовать как «вполне заменяющий» [92, с.18] переводом оригинального текста. По Раренко М.Б. «адекватность перевода – это соответствие переведенного текста цели перевода» [59, с.9].

Огнева Е.А. определяет следующие цели перевода: сохранение содержания оригинала, неизменность функций оригинального текста, передача ценностей оригинала, стилистические, коммуникативные и художественные ценности [90, с.9]. Перевод является трудоемким и сложным процессом, где переводчик ставит перед собой цели и задачи передать целостное и точное содержание текста языковыми средствами другого языка, при этом сохранив экспрессивные и стилистические особенности. Перевод – это не только перевод с одного языка на другой, а точка пересечения различных культур и традиций, понятий, мышления, эпох, литератур, исторического развития.

В переводах произведений русских классиков М.Ю.Лермонтова, П.П.Ершова, Л.Н.Толстого и Н.А.Некрасова на кыргызский язык критиком и переводчиком З.Ч. Мамытбековым столкнулись две эпохи – XIX (время

написания оригиналов) и XX (время переводов) века, два неродственных языка, две культуры и т.д.

Классическое детское произведение Петра Павловича Ершова - сказка из трех частей «**Конек-горбунок**» содержит едкую социальную сатиру, и из-за этого прошел строгую цензуру, даже после выхода третьей части был полностью запрещен. Несмотря на такие преграды, сказка стала любимым произведением не только детей, но и взрослых читателей. Сказка впервые опубликована в 1834 году, а в 1856 и 1861 годах переиздана после 13-летнего затишья и авторских поправок. Сказка «Конек-горбунок» переведена Заиром Мамытбековым на кыргызский язык и вышел в свет в 1959 году. Название «Конек-горбунок» переведен З. Мамытбековым как «Дулдул». Это слово в словаре К.К.Юдахина дано так: «Дулдул- ар.1. миф. Сказочный быстроногий и неутомимый конь. 2. перен. неутомимый скакун» [34, с.200]. В «Камус наама» Х.Карасаева слово «дулдул» растолковано так: «1. Чудесный, сказочный конь азирети Али. 2. Неутомимый, терпеливый конь [44, с.262]. Из данных определений следует, что слово «дулдул» З.Мамытбековым подобрано удачно: сказочный персонаж «Конек-горбунок» лексически и функционально эквивалентен «Дулдулу».

Сказка в стихах «Конек-горбунок» насыщена юмором, философией, метаморфозами, волшебными героями и устаревшими словами, которые передают особый колорит языку и содержанию текста. Здесь возникает вопрос: Соответствует ли перевод оригиналу и не утеряна ли во вторичном тексте оригинальность, притягательность сказки, сохранены ли ершовский юмор и глубокая философия?

Рассмотрим перевод первого четверостишья:

У Ершова:

За горами, за лесами,
За широкими морями,
Не на небе – на земле
Жил старик в одном селе.

У Мамытбекова:

Тоо-токойдун артында,
Деңиздин ары жагында
Көктө да эмес, жерде эмес,
Болуптур бир абышка.

Первые две строчки переведены точно, а в последующих двух строчках есть смысловые несоответствия: «на земле» - у Мамытбекова получился «жерде эмес» (не на земле), «жил старик» - «болуптур бир абышка» (был один старик).

В тексте переводе есть и другие лексические несоответствия: например, слово «лубок» (ярко раскрашенные картинки) у Мамытбекова дано как «оюнчук» (игрушка), слово «малахай» у Ершова дано в значении длинной, широкой одежды без пояса, в переводе Мамытбекова Иван вместо малахая надевает «тебетей» (головной убор), также строка «Уши в загребни берет» [132,с.24] (уши в горсть берет) - в переводе дана «Жалдан бекем кармады» [131,с.25] (крепко взял за гриву), слово «палаты» (дворцы, богатые дома) переведено «чоң үй» (большой дом).

Такие строки из второй части сказки:

У Ивана красных платьев,

Красных шапок, сапогов

Чуть не десять коробов» [132, с.39] переведены Мамытбековым так:

Ивандын көп кийими

Тебетей, суусар ичиги,

Канча бар анын өтүгү,

Кие турган ар түрдүү [131, с.45].

Слово «красный» в древнерусском языке означает «красивый», значит, по Ершову у Ивана красивые платья, шапки и сапоги. В переводном варианте Мамытбеков дает элементы кыргызской национальной одежды «тебетей» (мужской головной убор) и «суусар ичик» (шуба из выделенной шкуры куницы), тем самым адаптировал текст для восприятия читателя с помощью слов, обозначающих знакомые предметы, говоря другим словами заменена сама предметная ситуация. Эти несоответствия или лексико-семантическая замена вышеуказанных слов в исходном тексте можно оправдать целенаправленной передачей автором перевода знакомых для читателя вещей и понятий.

Сказочная жар-птица, олицетворяющая огонь, свет, солнце, является распространенным образом в русском фольклоре. Мамытбеков жар-птицу перевел «алтын куш». Еще один сказочный образ «рыба-кит» – представитель мать – природы переведен на кыргызский язык «укмуш кит». Эти переведенные аналоги по смыслу подходят образной интерпретации по оригиналу. Эпизод в сказке, где Иван меняет лошадей на серебро, переведен более точно: «Дал в прибавок пять рублей. Царь-то был великодушный!» - «Кошумча беш сом пул берди, Март эле хан элдеги». Перевод следующего стиха в сказке отличается от оригинала заменой числительного «десять» в первичном тексте на «шесть» во вторичном тексте. Например: Повели коней в конюшни десять конюхов седых, все в нашивках золотых, все с цветными кушаками с сафьянными бичами. - Киймине алтын чаптырган, гүлдүү белбоо тагынган. Сактыян камчы колго алган, Ак чаччан алты ат баккан. Выбор другого числительного переводчиком оправдывается, наверное, ритмикой стиха.

Приведем еще один пример из перевода: «Стало третий раз смеркаться, надо младшему собираться; он и усом не ведет. На печи в углу поет изо всей дурацкой мочи: «Распрекрасные вы очи!» З.Мамытбековым переведен так: «Үчүнчү күнү күн батты, Кичүү уулу күзөт кылмакчы. Кабагым-кашым дебестен, Бурчунда мештин суналып: «Кара көз сулуу суйсалып», Дөп акмагын үнүлдөйт,..». Название песни «Распрекрасные вы очи!» в переводе изменилось на «Кокетливую черноглазую красавицу».

На первый взгляд непонятен перевод строфы:

Царь царицу тут берет,	Жетелеп хан ханшаны,
В церковь божию ведет,	Чиркөөгө аны алпарды.
С невестою молодою	Колтуктап кызды хан алып
Он обходит вокруг налою	Аналойго алып барып,
	Никеледи дубалап.

Откуда появилось непонятное слово «аналойго». Если исходить из переводного текста, то «Аналой»- это название какой-то местности или название какого-то здания. Такого названия в «Коньке-горбунке» нет. Может быть, Мамытбеков

перевел слово «налою» как «аналой»? Но он перевел правильно: лермонтовское слово «налою» есть и аналой. Автор, видимо, сократил это слово ради рифмы строки. В церквях иконы и священные книги кладут на высокий столик с покатым верхом. Этот столик называется аналоем [179]. Поэтому данный перевод является эквивалентным по отношению к оригиналу.

Примером удачного перевода послужат следующие строки: «Наконец она устала, «Ну, Иван, -ему сказала, - Коль умел ты усидеть, Так тебе мной и владеть» [131, с.79]. - Акыры боз бээ чарчады: «Иван, - деп сөзду баштады,- Отурдуң чыдап үстүмдө, Ээ болгун эми өзүмө» [132,с.94].

Как еще одно доказательство точного и удачного перевода рассмотрим следующие ершовские строки: Все бока его изрыты, Частоколы в ребра вбиты, На хвосте сыр-бор шумит, На спине село стоит послужит. У мамытбекова: Бүт капталы оюлган, Капшытка казык кагылган. Шуулдайт токой куйрукта, Орношкон кыштак сооруга.

Распространенная концовка русских народных сказок, примененная Ершовым в «Коньке-горбунке»:

Я там был,	Мен болдум ошол чоң тойдо,
Мед, вино и пиво пил;	Ичтим пиво, бал вино,
По усам хоть и бежало,	Мурутуман вино акты,
В рот ни капли не попало.	Оозума таебай бир тамчы.

В переводе смысловая информация оригинала дана более точно. Строки у Ершова написаны четырёхстопным хореем с парной рифмовкой (так и сяк - дурак). В переводе у Мамытбекова, например, первая строка получился трехстопным дактилем, вторая строка анапестом. Но это различие в переводе не приносит существенных отступлений от оригинала, так как автор перевода преследовал цель наиболее близкой передачи смысла произведения. И эти поставленные цели достигнуты – переложенный на кыргызский язык вариант сказки читается легко и воспринимается душевно и с интересом.

В 1953 году вышел в свет на кыргызском языке сборник стихотворений и поэм Н.А.Некрасова. Авторами переводов являлись З.Мамытбеков, Р.

Рыскулов, Ш.Сматов. З.Мамытбеков включил в него шесть своих переводов: стихи «Шевченкунун эстелигине» (На смерть Шевченко), «Темир жол» (Железная дорога), «Өмүрдүн сонун кезин» (Праздник жизни – молодости годы...»), «Жылдан жылга», «Эне» (Мать), поэма «Саша».

Стихотворение «На смерть Шевченко» состоит из 24 строк, написано 11-12-сложником. З.Мамытбеков перевел 26 строками, состоящими из 11-12 слогов. Внешне в архитектонике нет особых различий. Рассмотрим лексическое соответствие перевода оригиналу.

У Некрасова:

Не передавайтесь особой унылости:

Случай предвиденный, чуть нежелательный.

Так погибает по божьей милости

Русской земли человек замечательный

С давнего времени: молодость трудная,

Полная страсти, надежд, увлечения,

Смелые речи, борьба безрассудная,

Вслед затем долгие дни заточения [152, с.82].

У Мамытбекова:

Көп эле муңайбастан көңүл чөгүп

Көрүнгөн каалабаган мезгил жетти.

Орустун жакшы адамы эрте өлүп

Кеткени бизге маалим көптөн бери.

Жашында эркисиз азап тартып,

Берилип, үмүт кылып ишке далай,

Күрөшүп боштондук деп ураан айтып.

Ал үчүн туткун болуп жатты көп ай... [153, с.35]

З.Мамытбеков две строки из стихотворения «Не передавайтесь особой унылости: Случай предвиденный, чуть нежелательный» [152, с.82] перевел такими строчками: «Көп эле муңайбастан көңүл чөгүп, Көрүнгөн каалабаган мезгил жетти» [154, с.35]. Вторая строчка переведана неточно, т.е.

«предвиденный» (алдын-ала белгилүү) стал «Көрүнгөн» (видный). Наверное, здесь переводчик учитывал ритмику строки, и поэтому выбрал такое сочетание слов.

Стихотворение «**Праздник жизни – молодости годы...**» написанное в 1855 году, З.Мамытбековым в переводе датирован 1864 годом. Об этой неточности отмечает и К.Джидеева.

На примере анализа перевода первых четырех строк стихотворения К.Джидеева пишет: «Нежелание или неспособность проникнуть в истинный идейно-художественный смысл произведения, он сплошь и рядом допускает поизвол, искажает контекст» [27, с.38]. В анализе данной строфы она подробно разъясняет неправильный перевод выражения «баловнем свободы». Некрасов в это слово положил глубокий смысл, т.е. «баловни судьбы» это поэты, которые имели возможность свободно заниматься только творчеством, не обременяя себя трудными житейскими заботами. «В переводе же совсем другое; получается, что Некрасов был, чуть ли не безвольным и несчастным»- возмущается К. Джидеева.

Далее она находит антонимический перевод в третьей строфе:

Все же они не хуже плоской прозы
И волнуют мягкие сердца,
Как внезапно хлынувшие слезы
С огорченного лица.

«Мягкие сердца» переданы Мамытбековым «жаш жүрөктү» (молодое сердце), а огорченное лицо – «нурдуу бет» (озаренное лучами молодое лицо). Перевод данного стихотворения К.Джидеева подитожила следующим заключением: «Выражения, проникнутые стержневой авторской мыслью в переводе или вовсе выпадают, или видоизменяются до неузнаваемости» [27, с.92].

На основе каких соображений или целей Мамытбеков видоизменил некрасовские выражения, нам не понятно. Мы полагаем, что он

руководствовался ритмикой и рифмой, но и это не оправдывает радикальные изменения оригинального текста.

Пятая строфа: Нет в тебе творящего искусства...

Но кипит в тебе живая кровь,

Торжествует мстительное чувство,

Догоряя, теплится любовь [153, с.47]. переведена Мамытбековым таким образом: Өзүндө өркүндөгөн өнөр да жок, Ысык кан кээде кана толкуйт, кайнайт. Эл үчүн өч алууну жүрөк ойлоп, Бүлбүлдөп сүйүү шамы араң жанат [154, с.38]. Во второй строке автором перевода добавлено выражение «кээде кана толкуйт» (только иногда волнуется). «Живая кровь» трансформирована в «ысык кан», т.е. в горячую кровь. В четвертую строку добавлено слово «шам» - свеча. Указанные видоизменения и добавления Мамытбековым использованы, скорее всего, для полноты строки, для ритмики. А по передаче смысла стихотворения Мамытбеков приблизился к оригиналу насколько это возможно, учитывая некоторые расхождения с оригиналом.

Проанализируем 13-строчное стихотворение «Мать»:

Она была исполнена печали,	Апасын тегеректеп үч баласы
И между тем как, шумны и резвы,	Шаңкылдап, жыргап ойноп турса дагы,
Три отрока вокруг нее играли,	Энеси кайгыланып азап тартты,
Её уста задумчиво шептали:	Акырын ойлонууда, сөзүн айтты:

В переводе Мамытбекова в первом четверостишии местами заменены первая и третья строки, а слово «шептали» заменено словом «айтты» (сказала). Далее печальные слова матери, данные Некрасовым тремя строками, у Мамытбекова даны в четверостишии, авторское обращение даны в пяти строках против некрасовских шести строк. Также «терновый венок» в оригинале заменен во вторичном тексте словом «ак жоолук» (белый платок). Образ «тернового венка» встречается и в стихотворении «Праздник жизни – молодости годы» в последней строфе:

«И венком терновым наделяет

Беззащитного певца» - «Коргоочу жок элин сүйгөн чын акынга, Арбайган тикенектен таажы тагат». Здесь Мамытбеков перевел «терновый венок» как «тикенек таажы», тем самым нашел удачный эквивалент на кыргызском языке.

В итоге структура стихотворения сохранена, но из анализа видно наличие значительных изменений в подборе аналогов в переводном тексте. По оценке К.Х.Джидеевой Мамытбеков «допустил при переводе стихотворения «Мать» разительные искажения подлинника и заполнил перевод отсебятиной, тем самым иссушив высокую мысль и высокую боль русского поэта» [27, с.93]. Можно ли назвать «ак жоолук» отсебятиной? Понятие «терновый венок» отсутствует в кыргызском языке, и, наверное, он заменил его на «ак жоолук» (белый платок) из благих намерений: не захотел передать образ матери в терновом венке, смягчив тем самым, восприятие кыргызского читателя, которому чуждо понятие «тернового венка».

Поэма «Саша» состоит из 4-х частей, написана двухстрочными строфами с двойной рифмой и состоит из 234-х двустиший. Эта структурная особенность сохранена в переводе З.Мамытбекова, но двустиший в переводе стало больше – 265. Автор перевода сильно растянул вторичный текст, и рифмовка не во всех строфах соблюдена. Приведем пример:

Пахарь ли песню вдали запоет - Алыс жакта чыкса муңдуу кошчу үнү,
Долгая песня за сердце берет; Созолонгон ошон мыкчыйт жүрөктү.

Последние слова в строках во вторичном тексте не укладываются в рифму: үнү- жүрөктү (букв. его голос- сердце). Как видно из примера, смысл перевода адекватен оригиналу, полностью передает смысл сказанного в некрасовских строках. Даже больше, песня пахаря стала в переводе печальной, тоскливой, подчеркивая душевное состояние труженика.

Рассмотрим еще один пример из перевода поэмы:

У Некрасова:

Добрые люди, спокойно вы жили,
Милую дочь свою нежно любили.

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной [152, с.63].

У Мамытбекова:

Тынчтык менен силер жашап жүрдүңөр,
Жалгыз кызды өтө назик сүйдүңөр.

Гүлгө окшоп жапайы өскөн талаада,

Кара тору Саша өстү кыштакта [153, с.50] - (Вы жили с миром, единственную дочь нежно любили. Как цветок, растущая в степи, Смуглая Саша росла в деревне.). При переводе рифма первых двух строк сохранена, а в последующих строках рифма отсутствует. Конечно, смысл перевода немножко различается от оригинала, но особых вольностей и грубых изменений в мамытбековском варианте не чувствуется.

Последующие десять строк во второй части поэмы переведены со смысловой точки зрения хаотично, а именно, строки «Всем окружив ее тихое детство, Что позволяли убогие детства» [152, с.63] перевода у Мамытбекова не имеют. Далее строки «Только развить воспитанием, увы! Эту голову не думали вы», обращенные обоим родителям, у Мамытбекова переведены так: «Тарбияны бергени жок атасы, Кыз билимди үйдөн ала албады» [154, с.50] (Отец не дал воспитание, дочь не смогла получить знания дома). В некрасовском варианте родители не думали дать знания дочери, а мамытбековском варианте получилось, что отец не воспитывал дочь.

Книги ребенку – напрасная мука,	Жаш кызга билим алуу азап болду,
Ум деревенский пугает наука;	Илимден кыштактык кыз абдан коркту.
Но сохраняется дольше в глуши	Бирок да алыстагы жерлерде,
Первоначальная ясность души,	Көп болот акылдуулар ар түрдүүчө.
Рдеет румянец и ярче и краше...	Бетиндеги кызыл нуру тамылжып,
Мило и молодо дитятко ваше.	Сиздин жаш кыз ойноп күлөт каткырып.

Буквально у Мамытбекова получился такой перевод: «Молодой девушке мучительно получит образование, деревенская девушка боялась науки. Но в далеких местах много умных разных. Рдеет румянец на лице, Ваша молодая

дочь резвится, хохочет», тогда, как Некрасов пишет о том, что для деревенской девушки чтение книг является напрасным усилием, и что в деревенской глуши душа сохраняет первоначальную ясность. Указанные примеры показывают, что в переводе З. Мамытбекова не соблюдена адекватность вторичного текста по отношению к оригинальному тексту.

В мамытбековском переложении есть удачные переводы. Например, следующие строки:

У Некрасова: «Да и чего побоится она?.. Все так спокойно; кругом тишина,» - у Мамытбекова: «Чын айтканда коркот жаш кыз эмнеден, Айлана тынч, бейпилдикте термелген». И рифма хорошо передана (эмнеден - термелген), и смысл эквивалентен.

Еще одним примером адекватного перевода является данное четверостишие:

Эти ли полные жизни ланиты

Грустно поблекнут, слезами покрыты?

Эту ли резвую волю во власть

Гордо возмет всегубящая страсть?

В переводе:

Мына бул өмүрү толук аппак бетти

Жаш каптап, эрте солуп кетмекчиби!

Шок болуп өскөн кыздын эркиндигин

Кумарлык туткундайбы эми чиркин?

В данном переводе Мамытбекова некрасовские строки обогатились сугубо кыргызским колоритом стиха: «эми чиркин?», который выражает глубокое сожаление и разочарование.

В переводе следующих строк: «Только у мельницы злится река:

Нет ей простора...неволя горька!» Мамытбеков немного приглушил экспрессию некрасовских строк: «Тегирмендин суусу ачуулу чамынып, Эркиндик жок, туткундук жана карыптык.» (у мельницы злится река, нет свободы, неволя и обездоленность), но авторская позиция сохранена.

Рассмотрим перевод из третьей части поэмы:

Саша смеялась, смеялся он сам...
Начал он часто похаживать к нам,
Начал гулять, разговаривать с Сашей
Да над природой подтрунивать нашей-
Есть-де на свете такая страна,
Где никогда непроходит весна.
Там и зимой открыты балконы,
Там на солнце поспевают лимоны,
И начинал, в потолок посмотрев,
Грустное что-то читать нараспев.

Перевод Мамытбекова:

Күлүүчү анда Саша, ал да күлчү,
Ар дайым биздикине келип жүрчү.
Сейилдеп Саша менен бирге жүрдү,
Шылдындап биздин жерди далай күлдү.
Дайыма жаз болгон жер бар дүйнөдө,
Күн чайыттай тийип турат анда күндө.
Үйлөрдүн балкону ачык кышында да,
Лимондор бышат күнгө дайыма анда.
Ошентип айтып келип өйдө карап,
Күңкүлдөп ырдап калчу, санаа санап.

В переводе данных десяти строк З.Мамытбеков использовал парную рифму глаголов, существительных, местоимения и связки, 11-12 слоговые строки передают неторопливый ритм и созвучность. Строчки «Есть-де на свете такая страна» и «Где никогда непроходит весна» в переводе соединены в строчке «Дайыма жаз болгон жер бар дүйнөдө» (Есть на свете место, где всегда весна), и добавлена строка - смысловое продолжение «Күн чайыттай тийип турат анда күндө» (Там всегда ярко светит солнце.). В итоге такой «вольности» перевод не

утратил адекватность и эквивалентность по отношению к подлиннику. Словосочетание «под грозой» в строках: «Всякая буря душе молодой - Зреет и крепнет душа под грозой» Мамытбековым заменено на «мөндүр төксө» (букв. если град льет) – Ар кандай бороон жагат жаш жүрөккө, Такшалат, бышат жүрөк мөндүр төксө [154, с.66].

Хотя такая замена не ухудшила семантическую окраску, но все-таки слово «чагылган» (молния) более близко отразил бы авторскую задумку, тем самым усиливая адекватность и эквивалентность перевода.

Теперь рассмотрим последние четыре строки поэмы в переводе на кыргызский язык:

У Некрасова:

Чем неутешнее дитячко ваше,
Тем встрепенется светлее и краше:
В добрую почву упало зерно-
Пышным плодом отродится оно!

Первод Мамытбекова:

Канчалык капа болсо жаш балаңар,
Чыйралып ошончолук ал шаттанаар.
Пайдалуу үрөн түштү жакшы жерге,
Жемишти сонун берет келечекте!

Перевод этого четверостишья доказывает удачную и точную передачу переводчиком смысла и содержания концовки некрасовской поэмы, которая заканчивается на оптимистической ноте, предвещавшее расцвет и развитие.

К переводу поэмы «Саша» З.Мамытбеков возвращается в 60-х годах. Во втором варианте он пересмотрел свой первый перевод, корректировал многие строфы и строки, искал рифму и ритмику. Второй вариант перевода поэмы был издан в 1971 году в сборнике «Н.А.Некрасов. Ырлар жана поэмалар», куда вошли переводы С.Жусуева, С.Жигитова и З.Мамытбекова. Некрасовские 234 двустистишья перевел 249-ю двустистишьями. В сравнении с первым вариантом (265) второй вариант короче на 16 двустистишья, деление на части поэмы в данном варианте отсутствует. Мамытбековский вторичный перевод тоже растянут по форме. Два двустистишья – 100-я и 170-я переведены тремя строчками. Такой растянутый перевод оправдывается попыткой адекватной передачи смысла оригинального текста.

Теперь рассмотрим смысловую аналогичность и качество рифмовки.

У Некрасова:

Любо мне видеть знакомую ниву-

Дам же я волю благому порыву.

На родимую землю мою

Все накопившие слезы пролью! [152, с.143]

I перевод Мамытбекова:

Сүйөм тааныш бышып турган эгинди,

Тим коеюн алга умтулган эркинди.

Тууган жерге жандай көрүп мен сүйгөн,

Жаш төгөйүн, байкуш жүрөк күйгөндөн [153, с.48].

II перевод Мамытбекова:

Жакшы көрөм бышып турган эгинди.

Тим коёюн кыял эми элирди.

Тууган жерге жандан артык мен сүйгөн,

Бүт төгөйүн жашты жүрөк күйгүзгөн! [155, с.70]

В первом варианте перевода рифма дана, как и у Некрасова аабб, первые две строки переведены очень удачно, в третью строку добавлено слово «мен сүйгөн» (любима мною), в четвертой строке встечается слово «байкуш жүрөк» (бедное сердце).

Во втором варианте перевода слово «сүйөм» (люблю) заменен словом «жакшы көрөм» (нравится, любо), во второй строке слово «эркинди» (волю) заменило слово «кыял» (мечта, чаяние). Третья и четвертая строки по смыслу соответствуют оригиналу. Здесь второй вариант более лаконичен, ритмичен, чем первый вариант.

Последние четыре строки поэмы:

Чем неутешнее дитятко ваше,

Тем встрепенется светлее и краше:

В добрую почву упало зерно-

Пышным плодом отродится он [152, с.160]! в первом варианте

Мамытбекова:

Канчалык капа болсо жаш балаңар.
Чыйралып ошончолук ал шаттанар.
Пайдалуу үрөн түштү жакшы жерге,
Жемишти сонун берет келечекте!

Второй вариант:

Кызыңар канча катуу кайгы тартса,
Шончолук бышык болот алды жакта.
Анткени, жакшы үрөн түштү жерге,
Жемишти сонун берет келе!

Во втором варианте кардинальным изменениям подверглись первые две строки: «жаш балаңар» [154, с.66] (ваше дитя) заменено словом «кызыңар» (ваша дочь), слово «чыйралып» заменен синонимом «бышык» (крепкий). В третьей строке первого варианта слово «пайдалуу» (полезный) во втором варианте дано словом «жакшы» (хороший), хотя оба эпитетного варианта отсутствуют в оригинале. Из этих двух вариантов переводов предпочтительнее для адекватного подхода к первичному тексту скорректированный последний перевод, который еще на один шаг приблизился в самой поэме «Саша». Качество перевода второго варианта максимально близко к некрасовским строкам.

Поэма Н.А.Некрасова «Саша» созвучала на кыргызском языке почти после 100 лет со дня написания благодаря переводческой деятельности Заира Мамытбекова. Он смог не только ознакомить читателей еще с одним произведением поэта Н.Некрасова, но раскрыл его по-новому, как требовала читательская аудитория и богатство, выразительность другого языка-неродственного с русским языком. Исходя из этого, можно объяснить некоторые несоответствия в переводе, в выборе переводчиком аналогичных слов и понятий в родном языке. Тем не менее, перевод можно оценивать положительно. По определению В. С. Виноградова «перевод сводится к анализу содержательных компонентов исходного текста, и синтезу смысла в материале языка перевода» [24, с.24]. В процессе перевода З.Мамытбекову

удалось синтезировать смысловую нагрузку речевой единицы в материале своего родного языка, тем самым ему удалось адекватно передать идею и содержание поэмы «Саша».

З.Ч.Мамытбеков на рубеже 60-70 годов вновь возвращается к переводам некрасовских стихотворений, впервые осущетвленных в 1953 году. Он кропотливо пересмотрел свои переводы и внес значительные поправки к переводам стихотворений. В частности, перевод «Железной дороги» подвергся конкретным изменениям. Второй вариант стихотворения был издан в 1971 году в маленькой книжечке с черной обложкой. В этот маленький сборник вошли ыпереводы поэтических произведений Н.А.Некрасова кыргызскими переводчиками М.Сейталиевым, Т.Байзаковым, А.Ашыровым, У. Абдукаимовым, З.Мамытбековым. Стихотворение «Железная дорога» в переводе З.Мамытбекова значительно отличается от первого варианта по подбору рифм, внутренней ритмики по передаче авторской интерпретации. К.Х.Джидеева в книге «Поэтический перевод и историко-литературный процесс» сравнивает два варианта перевода: ранний (1953 года) и повторный. Первый перевод 16-й строфы из стихотворения:

Стыдно робеть, закрываться перчаткою,

Ты уж не маленький!.. Волосом рус,

Видишь, стоит, изможден лихородкою,

Высокорослый больной белорус: [152, с.102] К.Х.Джидеева считает описательной, с расплывчатой интонацией и с растянутыми поэтическими фразами. Особенно четвертая строка перевода: «Көрдүңбү безгек болуп калтыраганын» не рифмуется с первой и второй строками, также тяжела для чтения и «огрубляет» всю строфу. Второй вариант перевода данной строфы:

Уялып баспа бетти мээлей менен,

Жигитсиң эчак эле акыл кирген.

Бою узун чачы саргыч белорустун,

Калчылдап турганын көр шум безгектен [154, с.32] более гармоничен, естественен, «общие слова заменены конкретными образами, сильнее обозначаны ритмические такты» [27, с.126].

3. Мамытбеков не отступил от архитектоники стихотворения. Он в обоих вариантах сохранил эпиграф стихотворения, некрасовские 37 строф в первом и во втором вариантах переведены 37-ю строфами.

Во втором варианте Мамытбеков по-другому рассмотрел некоторые слова и строки. Например, в переводе 5-й и 6-й строф он изменил последние строки, также заменил слово «шаа» на слово «паша» (правитель).

Рассмотрим другой пример:

У Некрасова:

Впряг народ лошадей- и купчину
С криком «ура!» по дороге помчал...
Кажется, трудно отрадной картину
Нарисовать, генерал? [151, с.104]

У Мамытбекова в первом варианте:

Калын эл арабада атты чечти,
«Ура!» деп көпөстү жөө сүйрөп кетти...
Кыйын го, генералым элестетүү
Ушундай кубанычтуу сонун кезди? [154, с.34]

Во втором варианте:

Турган калк арабада атты чечти,
«Ура!» деп көпөстү жөө сүйрөп кетти...
Кыйын го, генералым элестетүү
Ушундай кубанычтуу сонун кезди? [153, с.45]

При сравнении двух вариантов мы находим незначительные различия. Автор перевода заменил только одно слово, а именно, «калың эл» (много народу) словом «турган калк» (стоящий народ), в остальном первичный вариант остался неизменным. Здесь оба варианта очень близко передают смысл оригинальной строфы. Переводом выполнена эстетическая функция

посредством конструктивных элементов во вторичном тексте. З.Мамытбеков к концу 60-х годов накопил большой опыт в переводческой стезе, и уже по-другому подошел к своим первичным текстам.

Поэма «**Мороз, Красный нос**» переведена З.Мамытбековым в середине 50-х годов и вышла отдельным изданием в 1955 году. Название поэмы переводчик перевел с сохранением внутренней ритмики: «Кызыл тумшук, карт аяз». Количество некрасовских строф (I часть «Смерть крестьянина»-15 строф, II часть «Мороз, Красный нос»- 21 строф) в поэме тоже сохранено. 8-9-сложные строки поэмы переданы З.Мамытбековым в основном 11-и сложником. Например:

Старуха в больших рукавицах (9 слогов)

Савраску пошла понукать. (8 слогов)

Сосульки у неё на ресницах, (9 слогов)

С мороза –должно полагать. (8 слогов)

Кыргызский вариант:

Чанадан кемпир түшүп мээлей кийген, (11 муун)

Чабдарды айдайт жандап колу менен. (11 муун)

Бубактар самсаалашкан кирпичинен, (11 муун)

Сууктан келгенинен кабар берген. (11 муун)

Смежная рифма данной строфы З.Мамытбековым передана парной рифмой. Слово «сосульки» [151, с.19] (салаңдап тоңгон музчалар) переводчик заменил словом «бубактар» [156, с.5] (иней). Кроме этой «вольности» в переводе нет грубых и несоответствующих оригинальному тексту лексических отступлений – перевод строфы лексически аналогичен некрасовской повествовательно-описательной строфе. XXXII стих из второй части поэмы, состоящая из семи строф, в кыргызском варианте удлинен до восьми строф, но у З.Мамытбекова 4-я строфа состоит только из 3-х строк. В строках «Улыбка у горькой вдовицы Играет на бледных губах» - «Жесир байкуш бетине Азаптуу күлкү туулду» слово «играет» (ойнойт) заменено словом «туулду» (родился). В итоге получилось, что на бледных губах вдовицы не играет улыбка, а на лице родился

смех. Следующие строки «Пушисты и белы, и ресницы, Морозные иглы в бровях...» переведены удачно: «Апаппак бубак кирпичке, Кашына жумшак кар турду».

Еще один пример удачного перевода:

Слеза за слезою упадет	Сабагы бышкан эгин сыяктанып,
На быстрые руки твои.	Дабышсыз ыргалганда данын кагып,
Так колос беззвучно роняет	Колуна иштегенде ийне сайып,
Созревшие зерна свои...	Мончок жаш лыпылдады кездөн агып.

Несмотря на некоторые расхождения в переводном тексте З.Мамытбеков передал художественные и идейные составляющие Некрасовской поэмы – ему удалось раскрыть мифологический образ Мороза и реалистический образ Дарьи, сочетание которых являются художественным стержнем данного произведения.

В анализе переводов Н.Некрасова видно, что переводчик З.Мамытбеков пытался по возможности максимально передать авторскую позицию, внутреннюю экспрессию героев на своем родном языке.

В 50-е годы литературовед З.Мамытбеков активно занимался переводом поэтических произведений классика русской литературы XIX века Михаила Лермонтова. Из литературного наследия М.Ю.Лермонтова были переведены З.Мамытбековым 26 стихотворений и 5 поэм, и они вышли в свет в отдельном издании «М.Лермонтов. Ырлар жана поэмалар» в 1954 году. Это было значительным событием в литературной жизни Советской Киргизии. Появление отдельного сборника переведенных произведений русского классика было воспринято литературной и читательской общественностью очень положительно. К.Рысалиев оценил это как «хорошую попытку показать себя не только как переводчик, но и как литературовед, проанализировавший со всех сторон литературное наследие Лермонтова» [103, с.88].

«Выход книги возбудил оживленное обсуждение ее на страницах печати. Тот факт, что один переводчик подготовил целый сборник произведений,

вызвал одобрение» [27, с.86] - пишет К.Х.Джидеева в своей монографии, посвященной проблемам кыргызского поэтического перевода.

Опубликование сборника переводов З.Мамытбекова стало большим событием в кыргызской литературе как значимый переводческий труд, а сами переводы были восприняты неоднозначно. К.Рысалиев, С.Шимеев и К.Джидеева высказали очень резкую критику по поводу качества переводов произведений М.Ю.Лермонтова переводчиком З.Ч.Мамытбековым.

Стихотворение М. Лермонтова «Родина» было воспринято неоднозначно – оно вызвало и восторг, и негодование. По словам Н.А.Добролюбова, в этом стихотворение «М.Ю.Лермонтов становится решительно выше всех предрассудков патриотизма и понимает любовь к отечеству истинно, свято и разумно» [29, с.326]. Перевод стихотворения был осуществлен З.Мамытбековым в начале 50-х годов.

Критическому анализу стихотворения «Родина» обращался С.Шимеев. В статье «О переводе поэзии на кыргызский язык», опубликованной в журнале «Советтик Кыргызстан» в 1955 году С.Шимеев дает подробный анализ перевода лермонтовского стихотворения. На сравнительном анализе перевода и оригинала первых шести строк пишет, что переводчик не смог выдержать во вторичном тексте внутренний ритм оригинала, и именно это по Шимееву «является ошибкой Мамытбекова» [123, с.80]. Перевод лермонтовской строки «Люблю отчизну я, но странною любовью» на кыргызском «Сүйөмүн мекенимди, таң калгандай» (Люблю отчизну я, удивленно) вызывает «смех» у С.Шимеева, он считает, что было бы лучше, если З.Мамытбеков перевел слово «странный» как «особенно» (бөтөнчө, өзгөчө). Приводя ещё несколько примеров из перевода, С. Шимеев пишет, что «В итоге этого ухудшился художественность перевода» [123, с.80].

К переводу данного стихотворения критик К.Х. Джидеева тоже дала отрицательную оценку. На примере первой строфы стихотворения «Родина» она пишет: «В переводе получилось, что Лермонтов, не жалея сил купил себе славу (У Мамытбекова: Даңкым да сатып алган жан аябай), но она не дала ему

твердой уверенности, видимо в жизни» [27, с.87]. Далее она поясняет: «В оригинале же поэт имел в виду военную мощь России, объятай кровью и насилием, историческое прошлое своей страны [27, с.88].

Возьмем для сравнения небольшой фрагмент из перевода данного стихотворения:

В оригинале:

Люблю дымок спаленной жнивы,
В степи кочующий обоз
И на холме средь желтой нивы
Чету белеющих берез.

В переводе:

Өрттөлүп түтүн болгон аңыздарды,
Түнөргөн арабаны талаадагы,
Саргарган эгиндерди адырдагы,
Сүйөмүн жубай өскөн кайыңдарды.

Как видно из примера в переводе некоторые слова во вторичном тексте получили другой смысл: «кочующий обоз» [139, с.371] дан как «түнөргөн арабаны» [145, с.17] (темный, печальный обоз), «белеющие березы» утратили цвет и стали «өскөн кайыңдарды» (выросших или растущих берез). На первый взгляд, кажется, что различия незначительны, но художественные особенности стихотворения все-таки в переводе частично утрачены. Но это не значит, что переводчик З.Мамытбеков «испортил» стихотворение «Родина», он искал пути передачи смысла и авторской позиции, искал аналогичные выражения, образы, эквивалентные слова. Ведь перевод или «процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка» [24, с.4] требует большой мыслительной деятельности поиска и нахождения «нужных» слов и понятий, а тем более, если это поэтическое произведение, то переводчику вдвойне труднее создать аналогичное произведение на другом языке. И поэтому стихотворение «Родина» на кыргызском языке, вышедшее из-под пера З.Мамытбекова, достойно не столь возмущенных и негодующих оценок.

В критическом анализе стихотворения «Выхожу один я на дорогу» К.Х.Джидеева пишет: «В переводе Мамытбекова с первых же строк веет формальной прозой» [27, с.123]. Она приводит в пример перевод первой строфы стихотворения и выводит отрицательную оценку: «Ни одна строка, хотя бы отдаленно, не несет в себе поэзию оригинала» [27, с.123]. Сравним перевод данной строфы:

Выхожу один я на дорогу;

Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,

И звезда с звездою говорит [137, с.222].

Чыгамын мен жалгыз жолго, (Выхожу я один на дорогу)

Тумандуу жол кырчылдайт. (Туманная дорога скрипит)

Түн магдырап, бир кудайга, (Ночь тиха, лишь богу)

Жылдызга жылдыз жымындайт [145, с.35]. (Звезда звезде мерцает). Первая

строка имеет аналогичный перевод, во второй строке заменен глагол, третья не имеет целостности значения, а четвертая строка переведена с заменой глагола.

В целом семантика четверостишья изменена. Данный перевод остается поэзией или напоминает прозу? Лермонтовская рифма *абаб* дана Мамытбековым рифмой только во втором и в четвертом строках. Первая и третья строки никак не рифмуются, и поэтому частично напоминает прозу. Рассмотрим перевод следующей строки: В небесах торжественно и чудно! Спит земля в сиянье голубом...Что же мне так больно и так трудно? Жду ль чего? жалею ль о чем [137, с.222]? - Асман сонун салтанаттуу, Көгөрүп жер уктаган. Эмнеликтен мен кайгылуу, Кимди аяп муңканам [147, с.35]. Этот перевод отнюдь не проза, но полностью не эквивалентен оригиналу, так как поэтические риторические вопросы в третьей и четвертой строках не передают полностью внутреннюю экспрессию поэтического героя.

Еще одно творение М.Ю.Лермонтова, опубликованное в сборнике переводов З.Мамытбекова – это «**Кинжал**». Перевод данного стихотворения был воспринят критиком К.Рысалиевым очень отрицательно. В частности, он

пишет: «Мамытбеков ограничился дословным переводом оригинала как буквоед. В итоге была утеряна стальная крепость лермонтовского стихотворения...» [103, с.89].

Четырехстрочное стихотворение М. Лермонтова «**Кинжал**» начинается такой строфой:

Люблю тебя, булатный мой кинжал,
Товарищ светлый и холодный.
Задумчивый грузин на мечь тебя ковал,
На грозный бой точил черкес свободный [139, с.346].

Эта строфа переведена на кыргызский язык Мамытбековым так:

Канжарым, болот сени сүйөм абдан,
Жолдошум муздак жана жылтылдаган.
Кек алууга ойчул грузин таптаган,
Эркин черкес чоң урушка кайраган [140, с.21].

Мамытбеков перевод начинается с обращения «Канжарым», при этом вывел эпитет булатный (т.е. стальной) за обращение, в итоге получилась такая не до конца понятная строка: «Канжарым, болот сени сүйөм абдан,» (Кинжал мой, сталь тебя люблю очень), говоря иными словами, З.Мамытбеков данную строку перевел буквально, в итоге получилась калька первой строки. Критик К.Рысалиев на примере второй строки «Товарищ светлый и холодный» - «Жолдошум муздак жана жылтылдаган» (Товарищ холодный и сверкающий) пишет, что это строка переведена дословно, слово в слово. И далее такой дословный перевод он оценил, как «далекую тень» пламенной поэзии и как «бездушный макет» перевода. Во второй строфе Мамытбековым последняя строка «Светлая слеза-жемчужина страданья» переведена «Мончок жаш тамчылаган жүрөктү эзген» (Бусинка слезы капает, мучая сердце), т.е. жемчужина заменена бусинкой. Чем вызвана такая замена, тоже непонятно, можно было бы передать вместо «мончок жаш» бермет жаш (жемчужная слеза.) В последней строфе первая строка «Ты дан мне в спутники, любви залог немой» переведен так: «Сүйүүнүн белгисисиң сен жолдошум» (Знак любви ты мой

друг). Здесь залог (кепилдик) заменен на «белги» (знак), и такая лексическая замена не дает полностью раскрыть художественную идею стихотворения. Далее лермонтовские строки «Да, я не изменюсь и буду тверд душой, как ты, как, ты, мой друг железный» у Мамытбекова даны так: «Сен окшош жалтылдаган темир досум, Өзгөрбөй мен дагы курч болмокчумун». Мамытбековым к железному другу добавлен эпитет «жылтылдаган» (сверкающий), но строки переведены по смыслу очень близко к оригиналу.

Не будем отрицать, что Мамытбеков допустил в переводном тексте лексические замены, добавления. Они использованы автором перевода с целью максимально точной передачи внутренней идеи и смысла данного стихотворения во вторичном тексте. Например, «И черные глаза, остановясь на мне, исполнены таинственной печали» - «Жылтылдап кара көзү мени карап, Терең сыр, кайгы муңга чексиз батып». При сравнении строк из оригинала и переводных строк видно, что переводчик старался адекватно передать глубокое значение и эстетическое влияние лермонтовских поэтических слов путем смыслового усиления словосочетания «таинственной печали» такими словами как «глубокой тайной, печально». В итоге, мы не можем утверждать, что перевод данного стихотворения вовсе не соответствует оригинальному тексту. Он кое-где имеет лексическое расхождение с первичным текстом, но есть и очень удачные аналоги в мамытбековском переводном варианте.

В переводе стихотворения **«Предсказание» (У Мамытбекова «Алдын-ала айтуу»)** тоже встречаются лексические замены и искажения, например, строки: И будет все ужасно, мрачно в нем, Как плащ его с возвышенным челом [137, с.50]. - Түнөргөн чапанындай жазы мандай, Капалуу болот баары таң калгандай [145, с.25].

Здесь от переводчика добавлены слова «таң калгандай» (удивленно), которых нет в оригинале. В переводе чернь не только печалится, а удивлена этой печалью.

А вот строки из последней строфы:

И горе для тебя! - твой плач, твой стон

Ему тогда покажется смешон;
переведены З.Мамытбековым очень удачно:

Сен үчүн мүшкүл! Онтоп, ыйлаганың,
Күлдүрөт аны сенин сыздаганың.

В переводе данной строки он смог передать и глубокий смысл, и внутреннюю экспрессию, выраженную автором стихотворения. Несмотря на некоторые замены и искажения переводчику удалось сохранить во вторичном тексте романтическое мироощущение автора, его бунтарское настроение.

Драматическая поэма М.Ю.Лермонтова «Аул Бастунджи» - это яркое, красочное и подробное описание природы кавказских гор, быта и нравов гордых жителей. Поэма написана ритмически однородной октавой т.е. каждая строфа (80 строк) состоит из 8-ми строк. Перевод поэмы у З.Мамытбекова тоже состоит из 80-и строк, но не все строфы переведены октавой. Например, 9-я строфа из первой главы состоит из 11 строк, 13 строфа из 9 строк, 20-я строфа из 10 строк, 24-я из 9 строк, 25-я и 35-я из 11 строк, из второй главы 3-я, 4-я строфы состоят из 10 строк и т.д. Пятистопный ямб (10 слогов) Лермонтова дан Мамытбековым 11-12 сложником. Мужская и женская рифма оригинала в переводном варианте дана только мужской рифмой, так как ударение в кыргызском языке падает только на последний слог слова. Это описание эквивалентности формы переводного текста к оригиналу. Теперь рассмотрим лексическую и эстетическую эквивалентности первичного и вторичного текста. Небольшая поэма «Аул Бастунджи» начинается с посвящения:

Тебе, Кавказ - суровый царь земли,-

Я снова посвящаю стих небрежный:

Как сына ты его благослови

И осени вершиной белоснежной [138, с.397]!

Это четверостишие переведено так:

Сурданган жер падышасы -Кавказ саган,

Кайрадан бул ырымда өзүңө арнайм.

Чокунан тумандашып ак кар баскан,

Уулундай бата бергин өзүң маган [145, с.116]! Данный перевод четверостишья из поэмы не вызывает никаких нареканий или негодований, здесь Мамытбекову удалось адекватно передать авторские мысли, т.е. ему удалось передать образно-семантическую информацию оригинала.

К.Рысалиев в критическом анализе перевода поэмы пишет: «Он не смог избавиться от капкана формализма, превратил в немую фотографию волнительную думу Лермонтова» [103, с.94] - пишет К.Рысалиев в анализе перевода поэмы «Аул Бастунжи». И в качестве доказательства приводит данный пример из 4-й строфы из посвящения поэмы:

Моей души не понял мир - ему
Души не надо. В мрак ее глубокой
Как вечности таинственную тьму
Ничье живое не проникнет око [138, с.398].

Жанымды түшүнгөн жок ушул дүйнө
Толкуган аган жандын кереги жок.
Түбөлүк караңгынын түпкүрүнө,
Көз салып чечкени жок сырын ойлоп [145, с.117].

К.Рысалиев задает вопрос: «Думал ли переводчик об опасности неузнаваемого изменения цвета картины гениального художника от чужой краски?» Далее он пишет, что переводчик должен был стремиться, точнее, передать краску каждого слова. В переводе этого нет» [103, с.94]. Он также пишет, что Мамытбеков скинул со второй строки «Во мрак ее глубокой» и поэтому главная мысль поэта осталась на стороне. В мамытбековском варианте действительно нет указанной фразы, он вместе этого вставил «толкуган» [145, с.117] - «бурлящая или волнующаяся» [103, с.39]. Может быть, это мамытбековское видение беспокойного внутреннего мира лирического героя, или это формальная вставка для ритмики?

Рассмотрим еще один пример из перевода:

Между Машуком и Бешту, назад
Тому лет тридцать, был аул, горами

Закрыт от бурь и вольностью богат [137, с.398].

Эти строки даны Мамытбековым четырьмя строками:

Беш-Тоо менен Машуктун арасында,

Отуз жыл мындан мурун айыл болгон.

Шамалсыз аска тоонун паанасында,

Эркиндик доорун сүрүп дөөлөт толгон [145, с.117]. Мамытбеков очень удачно перевел: четверостишие (как и вся строфа) имеет хорошую рифму и ритмику, также смысловый эквивалент тоже достигнут.

Сгорел аул – и слух о нем исчез.

Его сыны рассыпаны в чужбине...

Лишь перед огнем, в туманный день, черкес

Порой об нем рассказывает ныне

При малых детях [144, с.399].

Өрттөлүп айыл, анын өчтү даңкы

Тарады жат элдерге анын калкы.

Отуруп от башында черкес кары

Балдарга аңгемелеп айтат аны [145, с.118]. В переводе Мамытбековым убран «в туманный день» (тумандуу күндө). Если это определение присутствовало во вторичном тексте, эквивалентность была бы полноценной. Здесь, не смотря на убранный «в туманный день» перед читателем встает картина, как старый черкес сидит у огня и рассказывает детям о былом ауле Бастунжи.

Приведем еще один пример адекватного примера, который заслуживает положительной оценки.

Однажды...Акбулата ждал Селим

С охоты. Было поздно. На долину

Туман ложился, как прозрачный дым [138, с.401; переведены Мамытбековым так:

Бир күнү... аңга кеткен Акбулатты,

Зарыгып күттү Селим...күн да батып,

Талааны түтүн сындуу туман басып,

Өрөөндүн өрдөшүнө кулач жайды [145, с.129]. Здесь переводчик усилил ожидания Селима словом «зарыгып» (утомительно), который отсутствует в оригинале. Может быть, он добавил для полноты строки или действительно хотел глубже передать эмоциональное состояние Селима, но, этим добавлением Мамытбеков несколько не испортил лермонтовские строки. На основе таких примеров мы можем уверенно утверждать, что перевод поэмы описывает перед читателем динамичные, драматичные события, раскрывает беспокойные, страдающие души героев, пишет прекрасные картины дикой природы на уровне самого Лермонтова.

Поэма на основе исторических событий «Измаил-бей», переведен З.Мамытбековым и вошел в сборник переводов «М.Лермонтов. Ырлар жана поэмалар» (1954г.). Также перевод этой поэмы вошел в сборник «М.Ю.Лермонтов. Демон. Измаил-бей. Маскарад», вышедший в издательстве «Мектеп» в 1972 году. Поэма «Измаил-бей» состоит из трех глав. Каждая глава начинается с эпиграфа из поэм британских классиков. М. Лермонтов в первой главе своей поэмы использовал как эпиграф отрывок из поэмы «Гяур» Джона Байрона, во второй главе из «Мармиона» Вальтера Скотта, в третьей главе из «Лары» Джона Байрона. В переводе З.Мамытбекова они отсутствуют. Об этом пишет и К.Рысалиев «Надо было относиться к работе серьезно и сохранить их на том языке, в каком они были даны, а не махнуть рукой «по – хозяйски» эпиграфам автора» [103, с.92]. По какой причине переводчик не добавил во вторичный текст лермонтовские эпиграфы нам не понятно. Здесь мы согласны с К.Рысалиевым в том, что надо было сохранить эпиграфы автора, тем самым усилив эквивалентность переводного текста и сохранив насколько возможно художественную ценность и оригинальность поэмы «Измаил-бей». Далее в анализе данной поэмы К.Рысалиев утверждает, что «не сохранена рифмическая система оригинала на должном уровне» [103, с.92], точнее говоря, лермонтовское рифмическое разнообразие, а именно смежная (аабб), перекрестная (абаб), сплетенная (абвабв) рифма даны Мамытбековым только смежной рифмой.

При сопоставительном анализе оригинала и перевода можно найти достаточно много примеров – доказательств утверждению критика К.Рысалиева, но вариант Мамытбекова не лишен и точно сохраненной рифмической композиции, например,

У Лермонтова:

Темны преданья их. Старик чеченец, (а)

Хребтов Казбека бедный уроженец, (а)

Когда меня через горы проважал. (б)

Про старину мне повесть рассказал [139, с.324]. (б)

У Мамытбекова:

Айтышкан жомогунун сыры терең, (а)

Кавказдын кедей уулу карган чечен, (а)

Ашырып тоодон мени баратканда (б)

Өткөндү аңгемелеп берди мага [140, с.48]. (б) В данном сопоставлении видно, что лермонтовская смежная рифма сохранена в переводном тексте Мамытбекова.

Приведем еще один пример для показа различий рифмы в первичном и во вторичном текстах:

Со скал гранитных над путем (а)

Склонился дикий виноградник, (б)

Его серебряным дождем (а)

Осыпан часто конь и всадник (б) [144, с.328].

Жабышып жол үстүндө бийик жарга (а)

Жапайы жүзүм башын ийет төмөн. (б)

Шорголоп жалбырактан агып тамчы (в)

Суу кылды жигитти да, минген атты [140, с.53]. (в) В этом примере у Мамытбекова первые две строки не рифмуются, а 3-я и 4-я строки составляют парную рифму. Из сопоставления видно, что переводчик старался максимально передать рифмическую характеристику оригинала, хотя не везде это получалось, так как он руководствовался адекватной передачей смысла

контекста. При анализе мы не должны забывать о трудностях перевода поэтического текста на другой неродственный язык.

К.Рысалиев в своей статье, приводя в примеры рифм из переводного текста, доказывает, что Мамытбеков очень много использует глагольную рифму. О рифмической системе мамытбековского варианта пишет так: «Он находит немислимые новые рифмы, которые противоречат исконному значению контекста» [103, с.92]. На примере двухстишья:

«Еще небесное светило

Росистый луг не обсушило». – «Күн нуру тоодон чыккан жаңы гана,

Бубакты кургата элек али чөптөн» К.Рысалиев подводит итог, что Мамытбеков ради рифмы неправильно передал значение авторских строк. Лермонтовская «роса» (шүүдүрүм) Мамытбековым дан как «бубак» (иней), который бывает только в холодное время года. Здесь К.Рысалиев правильно заметил неадекватную замену слово «роса» словом «иней», которая искажает изначальное значение поэтических строк. Мы здесь осмелимся предлагать свою версию перевода, не сильно меняя мамытбековский вариант, а именно, меняем вторую строку: «Күн нуру тоодон чыккан жаңы гана, Шүүдүрүм кургай элек али чөптөн» (Только что из-за гор вышел солнечный луч, Роса еще не высохла с трав).

«Целью Мамытбекова является слово, а не смысл, мнение стиха. Ему привычно приступать к переводу первой фразы, до конца не прочитывая стихотворение, и не интересуясь, о чем говорится в нем» [103, с.91] - возмущенно пишет далее К.Рысалиев. Он на примере перевода первых двух строк из 6- строфы поэмы:

Давным-давно у чистых вод,

Где по кремням Подкумок мчится, - Секирип таштан –ташка ташып кээде, Өткөндө Подкумок суу акчу эле» пишет, что он (Мамытбеков) перевел так, как будто река Подкумок в наши дни совсем высох. Он сравнивает его с путешественником, который сам видел высохшее русло реки Подкумок, и доказывает этим неточный, неправильный перевод на кыргызский язык. В

оригинале река описана в настоящем времени, в мамытбековском варианте Подкумок существовал в прошедшем времени. Такое лексико-грамматическое несоответствие К.Рысалиев объясняет тем, что Мамытбеков нетерпеливо отнесся к переводу, не дочитывая следующие строки, где наречие «давным-давно» относится не к реке, а к аулу черкесов, которые «...мирные цвели, гордились дружбою взаимной» [137, с.325]. С данным объяснением критика мы не можем не согласиться. Действительно, такой неточный перевод меняет представление данной строфы читателем. Начальная строка первой строфа первой части поэмы: Приветствую, тебя, Кавказ седой [144, с.322]! переведена неточно и не логично: Айтамын Кавказ, ак чач сага салам [143, с.143], (Скажу, Кавказ, седой тебе привет) Можно было передать так: «Салам айтам сага, ак чач Кавказ!» (Приветствую тебя, седой Кавказ!)

Кроме указанной критической статьи в «Советском Кыргызстане» (1956), К.Рысалиев публикует еще одну короткую статью под названием «Бул жөнүндө сөз кылуу керек» в 1962 году в этой же газете. В данной статье К.Рысалиев пишет, что З.Мамытбеков перевел произведения М.Лермонтова с казахского перевода и указывает источник (М.Ю.Лермонтов. «Поэмалар мен элендердин жыйнагы» Алма-Ата. 1930 - жыл). Подытоживая статью, К.Рысалиев пишет, что «товарищ Мамытбеков не может передать эмоциональную силу наследия великого поэта» [69, с.36]. К.Рысалиев берет слово «котормочу» в кавычку, показывая и подчеркивая этим некомпетентность З.Мамытбекова в переводе поэзии М.Лермонтова. И дальше пишет, что он (З.М.) «пока не готов к такой ответственной и серьезной работе» [103, с.36]. Такое отрицательное мнение К.Рысалиева показывает, что он не сумел увидеть положительный показатель в переводческих трудах З.Мамытбекова. Все его критические анализы носят обличительный и бичующий характер, наполнены резкой отрицательной оценкой.

Во вторичном тексте поэмы «Измаил-бей» Мамытбекову удалось дать более адекватные переводы.

Следующие две строки из этой же 6-й строфы:

Где за Машуком день встает,

А за крутым Бешту садится,.. [137, с.325] переведены так:

Машуктан күн да чыгыш таң эртеде,

Беш-Тоого жамынып нур батчу эле [140, с.146]. Здесь кавказское название «Бешту» дано кыргызским эквивалентом «Беш-Тоо» (пять гор), что служит элементом усиления адаптации первичного текста к переводному тексту.

Сравним перевод еще одного фрагмента из лермонтовской поэмы.

И вдруг очнулся он, вздрогнул,

К луке припал, коня толкнул.

Одно мгновенье на кургане

Он черной птицею мелькнул,

И скоро скрылся весь в тумане [144, с.330].

У Мамытбекова:

Селт этип, ошол замат көзүн ачты,

Ээрге өбөктөдү атын чапты.

Аралап коргондордон андан ашты,

Куш сындуу көздөн кайым канат какты,

Заматта боз туманга аралашты [145, с.152].

В данных строках у Лермонтова рифмуются глаголы и существительные (аабаб), а Мамытбеков для рифмы использовал только глаголы (ааааа). Но это не является грубейшим нарушением, так как первоначальной целью переводчика является передача смысла поэмы и авторскую позицию. Со смысловой точки зрения перевод данных строк достиг своей цели. Хотя сравнение с «черной птицей» в переводе дано как «куш сындуу» (как птица), Мамытбеков дает точное описание действий лермонтовского героя.

Архитектоника переводного текста не сильно отличается от оригинального текста поэмы «Измаил - бей»: у Лермонтова 108 строф, у Мамытбекова 111 строф. Количества строк в переводном тексте тоже соответствуют первичному варианту. Несмотря на некоторые лексические несоответствия во вторичном варианте сохранен лермонтовский романтизм,

переданы внутренние переживания и психологическое описание героев. Сохранен и особый кавказский колорит лермонтовских строк.

З.Мамытбеков в 1951 году публикует литературный перевод романтической поэмы «Демон» (Демон – в христианской религии «падший ангел») М.Ю. Лермонтова, в основу которой легла библейская легенда о духе зла. Сама поэма состоит из двух частей, которые разделены каждая на 16 стихов. Это разделение во вторичном тексте сохранено. Эквивалентен ли общее значение, авторская позиция, психологическое состояние героя, накал эмоций в переводе исходному тексту? Ищем ответ на основе сопоставления следующих строк:

У Лермонтова:

Давно отверженный блуждал

В пустыне мира без приюта [137, с.7]:

В переводе Мамытбекова:

Эчагы куулгалуу азап чекти,

Дүйнөдө баш маанайсыз түйдү кекти [140, с.6].

Строка «В пустыне мира без приюта» (Дүйнөнүн ээндигинде баш маанексиз) переведен Мамытбековым «Дүйнөдө баш маанайсыз түйдү кекти» (В мире без головы настроения копил мечь). Словосочетание или понятие «баш маанайсыз» в кыргызском языке не существует, поэтому смысл при переводе сильно искажен и не понятен. «Маанай» означает настроение, и с этим словом по смыслу не сочетается слово «баш» (голова). А вот словосочетание «баш маанексиз» или «баш паанексиз», что означает «без приюта» был бы более подходящим по смыслу аналогичному понятию в переводе. Также при переводе добавлено слово «кекти» - «мечь, мести», которое вовсе отсутствует в лермонтовском тексте.

Лермонтовские строки «О! кто ты, речь твоя опасна! Тебя послал ад иль рай? Чего ты хочешь?..» [137, с.7] Мамытбековым переведены так:

«Сен кимсин? Айткан сөзүң жүрөк жарган! Бейиштенби, дозоктонбу, келдиң кайдан? Каалайсың, эминени тезден айтсаң?..» [140, с.6]. Во вторичном

тексте экспрессия первичного текста полностью сохранена, даже усилена в последней строке – добавлена некая торопливость, требующая быстрого ответа. А слова Демона «Ты прекрасна!» у Мамытбекова дальше распространена: «Сулуусуң сен, жаңыдан гүлүн ачкан», т.е. добавлено сравнение с только что распустившимся цветком. Видимо, Мамытбеков добавил это сравнение для полноты строки и для рифмы, или для более глубокой передачи смысла и экспрессии.

Рассмотрим еще один пример перевода из второй части:

В пространстве синего эфира
Один из ангелов святых
Летел на крыльях золотых.
И душу грешную от мира
Он нес в объятиях своих [137, с.56].

В переводе Мамытбеков сократил на одну строку:

Зыпылдап көк асманда ава жарып,
Периште учту алтын канат кагып.
Күнөөлүү Тамаранын жалгыз жанын,
Кучактап колтугуна кысып алып [140, с.45].

Первые три строки из первичного текста переводчиком даны в двух строках с максимально приближенной передачей смысла, вложенного поэтом Лермонтовым. В переводе последних двух строк Мамытбеков добавил имя Тамары, которое отсутствует в оригинале, а добавил он явно для передачи ритма.

Далее, последние строки поэмы «Скала угрюмого Казбека добычу жадно сторожит. И вечный ропот человека их вечный мир не возмутит» переведены Мамытбековым так: «Үн да жок Казбектин аска жары, Кызганып күзөтүшөт дайым аны. Түбөлүк тынчтыкты буза алышпайт. Үн созуп адамзаттын кыйкырганы». Последние две строки при переводе заменены местами, но смысл полностью сохранен, поэтому эта замена не считается бесполезной

вольностью, так как оправдывается достижением цели перевода – адекватной передачи содержания и идеи иноязычного поэтического произведения.

В анализе перевода поэмы С.Шимеев отмечает бедность рифмы в варианте Мамытбекова и приводит в качестве доказательства глаголы из первой части XIV главы: «жаткан, баткан, аккан, баскан, тарткан» [124, с.82]. Далее он пишет, что он (Мамытбеков) в основном использовал только глаголы, а в оригинале Лермонтов мало рифмует глаголы, у него больше встречается рифма существительных, прилагательных, местоимений. Не спорим, в переводе Мамытбеков рифмовал в основном глаголы, но на примере следующих строк:

Көгүлтүр грузиндин белестери, (сущ.)

Көнүлдөн эч бир кетпес элестери, (сущ.)

Кечки иңир көк булутка оронгондо

Асмандап мундуу Демон учуп келди. (глагол.)

Бузууга ыйык жердин тынчтыгын,

Таба албай, көпкө чейин кылды тыным. (сущ.)

Кээ кезде ойго түштү болду учур,

Бардыгын таштап кетүү – өтө кыйын [140, с.28]. (прил.) можем доказать, что в рифме использовал и другие части речи.

Слова-лакуны или экзотизмы, которые глубже и тоньше показывают различия языковых культур, встречаются достаточно много в поэме «Демон». Лермонтов обогатил язык поэмы словами-лакунами, взятыми из грузинского языка. Эти экзотизмы придают в свою очередь особенный колорит данному поэтическому произведению. Например, чадра, зурна, чуха, чингур, папах и т.д. В переводе З.Мамытбекова слово чадра – үлпөк, зурна – жибек чепкен, папах – папак, чингур – чыңгар, пери – периште, чертоги – сарай... Автор перевода адаптировал данные слова кыргызскому языку: нашел лексические и фонетические эквиваленты.

Поэма «Демон» М. Лермонтова состоит из 8-9 сложных строк, написана двухсложным ямбом, с чередующимися мужской и женской рифмами.

Мамытбеков перевел одиннадцати и двенадцатисложными строками с рифмой на первом, втором и четвертом строках. «Было бы правильным перевести семи - или восьмисложником, чтобы сохранить поэтический ритм и передать художественность «Демона» [124, с.81] - считает С.Шимеев. Такого же мнения придерживается и К.Рысалиев: «Было бы правильным перевести «Демон» восьми или девятисложником, этот размер был бы более созвучен ритмике оригинала, чем одиннадцатисложник» [103, с.95]. По поводу размера переведенного текста дал С. Шимеев отрицательную оценку: «Главный недостаток перевода Мамытбекова состоит в том, что он нарушил размер и не смог передать художественность. Мы не чувствуем в переводе музыкальность, созвучность самой поэмы в оригинале» [124, с.81].

Сравним размер строф на примере оригинала и перевода:

И входит он, любить готовый, (9 слогов)

С душой открытой для добра, (8 слогов)

И мыслит он, что жизни новой (9 слогов)

Пришла желанная пора [137, с.35] (8 слогов)

В переводе:

Сүйүүгө даярданып кирип барды, (11 слогов)

Жоодурап жакшы тилек арнап жанды. (11 слогов)

Ойлоду жаңы турмуш курамын деп, (11 слогов)

Күткөн кез, мына эми келип калды [140, с.27]. (11 слогов)

У Мамытбекова строки растянуты на 2-3 слога, наверное, не зря он выбрал именно этот размер. Если он во вторичном тексте использовал бы тоже 8-9 слогов, то, несомненно, перевод по размеру соответствовал бы оригиналу, был бы более лаконичным. С точки зрения герменевтической модели перевода «переводчик обязан взять на себя ответственность за локализацию переведенного им автора, т.е. ввести его в свою культуру на подобающее место» [94, с.27], и вряд ли автор перевода Мамытбеков только с помощью сохраненного количества слогов достиг бы идеальной локализации в неродственной культуре.

Поэма «Мцыри» М.Ю. Лермонтова была переведена З.Мамытбековым в начале 50-х годов, и вошел в сборник переводов произведений поэта на кыргызский язык «Ырлар жана поэмалар», куда вошли 5 поэтических произведений.

Романтическая поэма «Мцыри», написана четырехстопным ямбом с мужской рифмой, состоит из 26 глав. Архитектоника поэмы переводчиком частично сохранена, а именно, количество глав соответствует первичному тексту, но переведенные З.Мамытбековым строки состоят из одиннадцати слогов против лермонтовских восьми. Это, естественно, вносит изменения в ритмико-интонационную, синтаксическую и смысловую характеристику оригинала.

У Лермонтова:

Старик! Я слышал много раз
Что ты меня от смерти спас-
Зачем?.. Угрюм и одинок,
Грозой оторванный листок,
Я вырос в сумрачных стенах
Душой дитя, судьбой монах. [137, с.320]

В переводе Мамытбекова:

«Карыя, элден уктум кулак түрүп.
Ажалдан кутказыпсың багып жүрүп.
Неге сен мындай кылдын көнүл буруп.
Кетсемчи мен ошондо көздү жумуп!
Теректен ажыраган жаш жалбырак,
Аргасыз бороон айдап шамал сабап,
Ошондой жалгыздыкта санаа санап.
Көнүлүм бала кыял, шартым монах [141, с.62].

Лермонтовские шесть строк растянуты и распространены в переводе до восьми строк, также появились отсутствующие в оригинале определения и детали. Например, строка «Кетсемчи мен ошондо көздү жумуп!» [141, с.62]

(пожелание себе смерти) добавлена от автора перевода, «Грозой оторванный листок» превратился в гонимый ветром и бурей молодой тополиный лист, словосочетание «душой дитя» [139, с.320] переведено «Көнүлүм бала кыял» (детское настроение), слово «судьба» (тагдыр) изменено в «шарт» (условие). В итоге подобных добавлений и лексических замен четвертая глава поэмы, состоящая из 26 строк, в переводе стал 35-строчной композиционной единицей.

Приведем еще один пример: 24 глава поэмы из 11 строк в переводе Мамытбекова стала 18-строчной главой. Первые четыре строки главы переведены точно, без лишних добавлений. Рассмотрим следующие строки из этой же главы:

Меня печалит лишь одно:	Не призовет меж стен глухих
Мой труп холодный и немой	Вниманье скорбное ничье
Не будет тлеть в земле родной,	На имя темное мое. [139, с.335]

Эти семь строк в переводе Мамытбекова увеличились вдвое за счет таких добавлений как «Сөөгүмдү тууган элим эч бир көрбөйт, Алпарып тууган жерге бирөө көмбөйт» (Мой труп родной народ не увидит, не похоронит в родной земле), «Мүрзөмдө жакын адам көнүл чөгүп, Зар ыйлап мончоктотпойт жашын төгүп» [147, с.81] (У могилы близкий человек не проронит слезу) и т.д.

Первые пять строк из последней 26 главы поэмы в переводе дополнены «густой травой» (чөп калың), «цветком с прекрасным ароматом» (гүлү сонун жыпар башка), но, по смыслу соответствует оригиналу. Переводчику удалось проникнуть в душевные пожелания умирающего героя.

Лермонтов:

Когда я стану умирать,
И, верь, тебе не долго ждать,
Ты перенеси меня вели
В наш сад, в то место, где цвели
Акаций белых два куста... [339, с.336]

Мамытбеков:

«Үзүлүп көздү жумуп өлөрүмдө,-

-Ишенгин- сен күтпөйсүң узак көпкө.

Эки түп акация өскөн жакка,

Чөп калың, гүлү сонун жыпар башка

Алпаргын мени калың биздин бакка [145, с.82]!

Хотя количество строк сохранено в этом отрезке, переводчик не смог отказаться от лишних добавлений, которые несут с собой элемент деформации исходного текста.

К.Рысалиев отрицательно оценивает такие добавления в мамытбековских переводах и пишет, что он «с большой щедростью» [103, с.90] увеличивал произведения Лермонтова различными «находками», добавлениями и излишними изображениями. С.Шимеев тоже придерживается такого же мнения, в частности он утверждает, что переводчик увеличил объем вторичного текста, «добавил от себя много слов» [124, с.83]. Приводя пример из перевода Мамытбекова поэмы «Мцыри» Смар Шимеев приходит к выводу, что он «полностью изменил образ Мцыри, превратил прогрессивную идею в реакционную идею». Далее он пишет, что Мамытбеков не оценил гениальную поэму и задает негодующий вопрос «о принадлежности к поэзии куплетов, добавленных переводчиком» [124, с.83].

К.Х.Джидеева, проанализировав перевод поэмы, пишет: «В переводе Мамытбекова поэмы Лермонтова «Мцыри» - нечто невообразимое. Видимо, Мамытбеков в облике Мцыри видел «манасчи»; иначе откуда бы возникли такие «дымящиеся неистовства»? Переводчик, поглощенный ассоциативным воображением личностного порядка, не придерживается текста» [27, с.90]. З.Мамытбеков перевел 11-12 сложником поэму «Мцыри», написанный Лермонтовым 4-х стопным ямбом. К. Джидеева сравнила варианты переводов данной поэмы З.Мамытбековым и К.Ырсалиевым, и пришла к выводу, что вариант К.Ырсалиева написанный 8-9сложником, более близок к первичному тексту и «ритмической организации оригинала» [27, с.114].

К.Х.Джидеева считает переводы произведений М.Ю. Лермонтова переводчиком З.Мамытбековым аморфными, по ее мнению, они переведены

небрежно. Подводя итог анализа переводов З.Мамытбекова произведений М.Ю.Лермонтова, она пишет: «переводчик, поглощенный ассоциативным воображением личностного порядка, не придерживается текста, объективно наличествующих в произведении образов; в результате этого мы становимся свидетелями искажения творческого лица переводимого автора» [27, с.90]. В результате таких отрицательных оценок перевода выясняется, что перевод Мамытбековым поэмы «Мцыри» не смог выполнить конвенциональную норму перевода, а именно, не отвечает общепринятым в данный период (50-80 гг.) взглядам на роль и задачи переводческой деятельности. Общеизвестно, что на определенном этапе исторического развития роль и задачи перевода могут перерассматриваться. На современном этапе развития общества конвенциональную норму перевода можно рассматривать как требование максимальной близости перевода к оригиналу, перевод должен не только отражать содержание оригинала, но и по возможности максимально точно передавать его языковые особенности. Большое значение придается передаче в переводе лексики, содержащей фоновую информацию, индивидуально-авторского словотворчества, имен собственных, особенно если они несут смысловую нагрузку, фразеологических единиц игры слов (каламбуров) [95, с.62]. Такие добавления и распространения, которые подверглись резкой критике и негодованиям прослеживаются не во всех главах, например, следующая 25 глава, состоящая из 16 строк, переведена 15 строками, и по передаче смысла, внутреннего состояния героя она более адекватна и эквивалентна.

У Лермонтова:

Прощай, отец...дай руку мне:

Ты чувствуешь, моя в огне... [139, с.335]

У Мамытбекова:

«Кош ата, акыркы жол колунду бер,

Байкачы, денем күйөт чыпылдап тер... [145, с.81]

Слова Мцыри и на кыргызском варианте передают остроту чувств и переживаний трагического героя.

Следующие строки из поэмы:

И вспомнил я отцовский дом,
Ущелье наше, и кругом
В тени рассыпанный аул:
Мне слышался вечерний гул
Домой бегущих табунов
И дальний лай знакомых псов [142, с.240].

в переводе звучат так:

Куттуу үйүн эне-атамдын мен эстедим;
Курчаган кең капчыгай тегерегин.
Ээлеген көлөкөлүү суунун жээгин
Эстедим көп айылын тууган элдин.
Угулуп кулагыма келип турду.
Ажылдап, ызылдашып ит үргөнү,
Элестеп көз алдымда көңүл бурду [145, с.64].

Мамытбеков перевел семью строками шесть строк Лермонтова. Добавил от себя «көлөкөлүү суунун жээгин», т.е. лирический герой вспомнил не только отцовский дом, ущелье, рассыпанный аул, но «тенистый берег реки», которого нет в оригинале. Также слово табуны трансформирован в «мал» (скот). Несмотря на такие различия Мамытбеков красочно передал воспоминания Мцыри на родном кыргызской языке.

Рассмотрим отрывок из 14 строфы поэмы:

Трудами ночи изнурён,
Я лег в тени. Отрадный сон
Сомкнул глаза невольно мне...
И снова видел я во сне
Грузинки образ молодой [143, с.102].

Этот отрывок переведен так:

«Түндөгү түйшүктөргө мен кыйналып
Суналдым көлөкөгө араң барып.

Таттуу уйку бүт денемди туткунга алып,

Эрксизден мемиретти, көзүм талыш...

Кайрадан грузиндин кызын көрдүм,

Таң калдым, элесине көңүл бөлдүм [145, с.72]. Здесь тоже автором перевода добавлена третья строка «Таттуу уйку бүт денемди туткунга алып,» [145, с.72]. (сладкий сон пленил все тело). Это добавление распространяет строку «Сомкнул глаза невольно мне...» [143, с.102], тем самым подробно описывая состояние героя. Добавления строк от автора перевода во вторичном тексте встречается почти во всех строфах поэмы. Например, 15 строфа, состоящая из 23-х строк, у Мамытбекова состоит из 32 строк, 11-и строчная 24 строфа переведена 18-ю строками. Такое «своеволие» переводчика ни - чуть не испортил смысл оригинальных строк, наоборот, усилил колорит поэмы, адекватно передал содержание поэмы. Изменения и добавления были направлены для полноты смысла исповеди Мцыри, для реализации видения автора перевода. Это его решение проблемы переложения поэмы на родном языке. Перевод где-то удачен, где-то нет, но в целом это законченный труд интерпретации оригинала на другом языке.

Переводы лермонтовской лирики З.Мамытбековым получили положительную оценку литературоведа О.Ибраимова. В книге «История кыргызской литературы XX века» О.Ибраимов написал: «Обращает внимание большая идейно-стилевая близость переводов к оригиналу, точность передачи особого романтического духа поэта, его знаменитый «другой», русский, байронизм, точно угаданный З. Мамытбековым» [36, с.348]. Он считает их примечательными и удачными. По мнению О.Ибраимова, сборник переводов З.Мамытбекова пока остается непревзойденным, так как свежих переводов М.Ю.Лермонтова еще не появилось. Положительная оценка переводов О.Ибраимова и отрицательные оценки С.Шимеева, К.Рысалиева, К.Джидеевой свидетельствуют о неоднозначном отношении к переводам русской классики З.Мамытбекова.

4.2. Эквивалентность и адекватность перевода драмы «Маскарад» М. Ю. Лермонтова

Являясь синтетическим видом искусства, драма требует от переводчика совсем иного подхода, чем к переводу поэзии и прозы. Драма состоит из диалогов, поступательно раскрывающий характер героев и ситуацию, в которой оказались эти герои, а также из ремарок автора. При переводе драматического произведения, носящего двойной эстетический код, переводчик должен учитывать эту особенность и рассматривать его непосредственно в смысле представления, живой игры на сцене. Поэтому эквивалентность и адекватность перевода драматического произведения оригиналу тоже требует иной оценки, обусловленные в различии восприятия читателя и зрителя. Полной идентичности перевода с оригиналом невозможно достичь, тем не менее, переводчику надо предварительно изучить характеры, сценические образы и речь действующих лиц. Не лишним будет анализ стиля, семантики и культурно-исторический колорит первичного текста драмы. Это поможет переводчику максимально близко воссоздать тождественность оригинала и перевода, адекватно воссоздать в переводном тексте национальный компонент оригинального текста драматического произведения.

Как мы знаем, «при адекватном переводе сохраняется симметрия (соответствие) между планами единиц оригинала и текста перевода, тогда как при эквивалентном переводе проявляется асимметрия (несовпадение) языковых единиц на уровне планов содержания и выражения» [89, с.5]. Достижение эквивалентности и адекватности перевода зависит от мастерства и от опытности переводчика. Но, кроме этого процесс и результат перевода зависит от языковых и культурных различий. В таких случаях переводчик должен найти наиболее близкие точки соприкосновения двух неродственных языков и культур. З.Мамытбекову было бы намного легче адекватно передать идею и содержание драмы, если переводил бы с родственного языка с кыргызским языком. Тем не менее, он попытался представить прекрасную лермонтовскую драму перед кыргызским читателем на его родном языке.

Мы на примере перевода драмы «Маскарад» на кыргызский язык Заира Мамытбекова рассмотрим адекватное и эквивалентное соответствие вторичного текста к подлиннику. Удалось ли З.Мамытбекову адекватно передать кыргызскому читателю содержание драмы, раскрыть внутренние переживания и авторскую позицию? Удалось ли ему передать эмоционально-психологическую напряженность, динамику драмы и мятежный дух Арбенина?

Четырехдейственная драма «Маскарад» М.Ю. Лермонтова переведен З.Мамытбековым в 60-х годах и опубликован в 1972 году в сборнике его переводов «Демон. Измаил-бей. Маскарад». До этого у З.Мамытбекова был опыт перевода прозы и поэзии, а из драматических произведений им переведен только «Маскарад».

Сама драма «Маскарад» написана М.Лермонтовым вольным стихом или разностопным ямбом, богата острыми и легкими светскими диалогами, и каламбурами, патетичными монологами главного героя. Драматическая форма совмещает в себе высокую трагедию, комедию и мелодраму. Стихотворные строки драмы насыщены парными, перекрестными рифмами. Не будучи сам поэтом, переводчик З.Мамытбеков переводил достаточно много стихотворений и поэм из русской поэзии, поэтому переводить стихотворные строки драмы не было для него новой задачей.

Сравним перевод диалога Арбенина и Казарина:

Арбенин

Нет...утих!

Но здесь есть новые, кто этот франтик?

Казарин

Шприх!

Адам Петрович! ...Я вас познакомлю разом.

Шприх подходит и кланяется.

Вот здесь приятель мой, рекомендую вам,

Арбенин. [138, с.405] переведен З.Мамытбековым так:

Арбенин

Жок...аны таштадым!
Бирок мында жаңы жаштар бар экен,
Ким тиги сылаңкороз немең?
Казарин
Адам Петрович Шприх,
Тааныштырайын аты-жөнүн билдирип,
(Шприх жакындап таазим кылат).
Эски досум менин,
Таанышыңыз – Арбенин [140, с.141].

В сравнении двух примеров видно, что З.Мамытбеков старался сохранить ритм и рифму в переводе, особенно в словах Казарина рифма дана попарно: аа и бб. В лексике перевода есть удачные аналоги, например, слово «франтик» переведен как «сылаңкороз» (любящий наряжаться). В слова Арбенина переводчиком добавлено слово «жаштар» (молодежь), но по значению это слово не противоречит смыслу фразы, сказанной главным героем. В этом отрывке перевода и оригинала нет резких отличий, Мамытбеков эквивалентно переложил на кыргызский язык.

Слова Арбенина о Шприхе:

Он мне не нравится...Видал я много рож,
А этакой не выдумать нарочно:
Улыбка злобная, глаза...стеклярус точно,

Взглянуть - не человек, -а с чертом не похож [138, с.406]. В переводе данных слов Арбенина его четыре строки Мамытбековым переведен семью строками:

Жакпады мага жанагың,
Көргөмүн шумдардын далайын,
Мындайды ойлоп да жасай албайсың.
Күлгөнү кытмыр,
Көзү айнектей мөлтүлдөйт анын.
Деги абайлап карасаң,

Адам эмес, шайтанга да окшобойт жакын [140, с.142]. Мамытбековым слово «стеклярус» в описание глаз Шприха переведен как «мөлтүлдөйт» (прозрачен как стекло). Количество строк увеличено (семь против четырех), но внутреннее содержание слов Арбенина переданы адекватно, исходный текст адаптирован восприятию кыргызского читателя.

Рассмотрим другой пример - диалог из 2- сцены выход 3-й:

Арбенин

Не верю! Что-то слишком вы меня боитесь,
Сердиться стыдно мне. Вы трус- подите прочь.

Маска

Прощайте же, но берегитесь.
Несчастье с вами будет в эту ночь.
(Исчезает в толпе.)

Арбенин

Ишенбейм! Эмнегедир менден коркосуз.
Ачуум келгенге уялам. Сиз коркокосуз. Мындан жоголуруз.

Маска

Кош болуңуз! Сак болуңуз, бүгүнкү түнү
Башыңа түшөт кайгы-капа, каран-түн.
(Тополоңго аралашып кетет.)

У Лермонтова рифма диалогических строк – абаб, у Мамытбекова аабб. Вторая строка слов Арбенина, состоящая из двух фраз, переведена на кыргызский язык тремя самостоятельными фразами. В словах Маски вторая строка в переводе распространена синонимами «кайгы капа» и «каран түн» (горе, печаль). Но это распространение или усиление предупреждения о несчастье Арбенина не разрушает и не портит семантику слов действующих лиц, а удачно передают эмоции, психологическое состояния в героев. Из этого анализа можно заключить, что переводной диалог эквивалентен подлиннику диалога.

Монолог Шприха из 8-ого выхода 2 сцены:

Шприх (один)

Не беспокойтесь: я понял ваш намек

И не дождуся повторенья!

Какая быстрота ума, соображенья!

Тут есть интрига...да, вмешаюсь в эту связь-

Мне благодарен будет князь.

Я попаду к нему в агенты...

Потом сюда с рапортом прилечу,

И уж авось тогда хоть получу

Я пятилетние проценты [138, с.459]. Этот монолог переведен так:

Шприх (жалгыз)

Кам жебеңиз! Кыйыр сөзүнүздү түшүндүм,

Чыдамсыз күтөм тез тарашын ушул сөздүн.

Кандай тез ойлогон аял-акылы ашкан,

Ушул сөздө бир сыр бар. Буга кийлигишем өзүм.

Князь ыраазы болуп маган

Тынчы кылып алат, башкалардын сөзүн

Князга ташып, көңүлүңө жагам...

Анан мында келип бүт болгонду айтам.

Балким ошондо-беш жылдан бери күткөн

Акчамды ашыгы менен алам [140, с.201].

В переводе Мамытбекова вторая строка оригинала «И не дождуся повторенья!» [138, с.450]. не переведена и опущена, но «вольно» добавлена строка «Чыдамсыз күтөм тез тарашын ушул сөздүн» [140, с.201]. - Жду с нетерпением распространения этого слуха. 8-я строка «Потом сюда с рапортом прилечу» передана смысловой единицей, выраженной почти тремя строками: «башкалардын сөзүн Князга ташып, көңүлүңө жагам...Анан мында келип бүт болгонду айтам» - Слова других передам князю, понравлюсь ему, потом приду сюда скажу все, что было. Слово «проценты» (пайыздар) переведен просто как «акча» -деньги. Первая часть фразы четвертой строки монолога «Тут есть

интрига...» в переводе звучит по-другому: Ушул сөздө бир сыр бар – В этих словах есть тайна. Монолог Шприха на кыргызском варианте, не смотря на некоторые различия, полностью раскрывает суть слов расчетливого и хитрого персонажа драмы. Здесь З.Мамытбеков работал в сочетании «вольности» и «буквализм», стараясь передать глубокий смысл слов Шприха.

Недосказанная фраза Нины: «О, если бы вину свою сама я знала, - то...» [138, с.342], передающая горечь, глубокое сожаление, Мамытбековым передан законченной фразой: «Эгер өзүм кылган күнөөмдү мурун билсем!» [139, с.259]. В словах Нины в кыргызском варианте чувствуется решительность, сочетаемая с сожалением. Ответ Арбенина словам Нины: «Молчи, иль я сойду с ума! Когда же эти муки перестанут!» [138, с.342] на кыргызском звучит так: «Бас жаагынды! Жинди болуп баратам...Ишенбеймин! Бул азабым менин кыйнаган качан бутуп, жаным жыргап жай алам!» [140, с.259]. З.Мамытбеков слово «молчи» (унчукпа) передал выражением «Бас жаагынды!» (Закрой рот!), который звучит грубо против лермонтовской молящей просьбы. В этих двух примерах переводчик допустил легкую вольность по отношению выражения чувств героев.

Итак, в переводе драмы «Маскарад» Заир Мамытбеков в осуществлении цели адекватной и эквивалентной передачи подлинника на кыргызском языке использовал и буквализм, и вольность. Разбирая перевод В.Брюсова «Энеида» Вергилия и отмечая его буквализм, М.Гаспаров писал: «Тенденция к буквализму – не болезненное явление, а закономерный элемент в структуре переводной литературы. Нет золотых середин и нет канонических переводов «для всех» [97, с.61]. Удачным приемом в процессе перевода для З.Мамытбекова послужило сочетание буквализма и вольности, направленные для удачного, хорошего перевода данной драмы. Он не злоупотреблял буквализмом, которым «перебарщивать» не стоит» [96, с.61], иначе переводная книга останется пылиться на полках», а хотелось бы, чтобы читатель находил что-то новое для себя.

Анализируя драму «Маскарад» Пеньковский А.Б писал: «Трагедия Арбенина в том, что, считая себя чужим маскарадному миру и этот мир – чужим себе, смеясь и презирая, все же вступил в него, принял его законы, его «устав», его понятия, его образ мыслей, его предрассудки, его язык» [95, с.55]. Эта противоречивость в образе Арбенина, его отчаянный трагизм полностью раскрыт в кыргызской версии З.Мамытбекова. Арбенин по-прежнему остался мятежным, несогласным мстителем, жертвой и преступником, обрек себя на бесконечное страдание и одиночество. З.Мамытбеков своим переводческим трудом не создал нечто «новое», а «воспроизвел «старое» [1, с.10].

Русский и кыргызский языки неродственные языки и не имеют достаточную общую основу, поэтому З.Мамытбекову в процессе перевода драмы «Маскарад» пришлось выйти за пределы культурно-языковых нормативов, осложненных межкультурным различием. Он не нарушил конгломерат типических и индивидуальных черт, существующих в характере драматических персонажей «Маскарада». И мятежный Арбенин, и невинная Нина, и расчетливый Шприх, и другие персонажи трагической драмы начали говорить на кыргызском языке о своих чувствах, тревогах, мыслях. Наверняка, и сам З.Мамытбеков в процессе работы над переводом пережил те же чувства, что и герои «Маскарада» и пытливо искал пути адаптации речи и характеров действующих лиц к своему родному языку. З.Мамытбекову удалось адекватно передать кыргызскому читателю содержание драмы, раскрыть внутренние переживания и авторскую позицию, эмоционально-психологическую напряженность, динамику драмы. Итогом такого творческого поиска стал перевод драмы, ставшим еще одним культурным элементом русской литературы для кыргызского читателя.

4.3. Перевод повести «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого

Перевод прозаического текста с одного языка на другой облегчает задачу переводчика, так как не требуется рифмовка, ритм. Но перевод прозы требует сохранность формы, содержания, осторожного обращения с идиомами,

исключает приукрашивание исходного текста. Перевод прозы является еще одной вехой в переводческой деятельности Заира Мамытбекова. Он перевел в начале 70-х годов повесть «Хаджи Мурат» Л.Н.Толстого, который опубликован в 1973 году в издательстве «Кыргызстан».

Повесть «Хаджи Мурат» написана на основе исторических событий и описывает жизнь и смерть храброго аварского вождя и военачальника Хаджи Мурата Хунзахского, опального наиба (заместителя) Шамиля - предводителя восточных кавказских горцев. В повести охвачены исторические события середины XIX века – Кавказская война, длившаяся более 45 лет. Повесть Л.Толстого является еще одним ярким произведением, посвященным кавказской теме в русской литературе. К этой теме он обращался в течении всей жизни, и написал рассказы «Набег», «Рубка леса», повесть «Казачи». «Хаджи Мурат» - последнее произведение великого писателя, над которым работал в течение восьми лет.

К переводу «Хаджи Мурата» Заиром Мамытбековым обращались С.Жумагулов и С.Чечейбаев в статье «Хаджи – Мураттын» эски жана жаны котормосу жөнүндө бир – эки ооз сөз», опубликованной в газете «Кызыл Кыргызстан» в 1954 году. Они сравнивают перевод «Хаджи Мурата» М.Элебаевым в 1938 году и перевод З.Мамытбекова в 1953 году. Авторы критической статьи пишут, что «второй перевод «Хаджи Мурата» Заиром Мамытбековым совершен на основе перевода Мукая Элебаева и никаких новшеств не внес. Более того, в некоторых местах Заир Мамытбеков испортил значения предложений» [46, с.247]. В качестве аргументов даны несколько сравнительных примеров из оригинала, из перевода М.Элебаева и З.Мамытбекова. Например, строки Л.Толстого «- Да, получишь ты радость в жизни» у М.Элебаева «ооба, шаттыкка жана турмушка ээ болоорсуз», а у З.Мамытбекова «-бакыт – таалайга жеткин, турмуш онолсун» [46, с.247]. С.Жумагулов и С.Чечейбаев оценили перевод Мамытбекова данной фразы как пожелание (бата), испортив тем самым значение толстовского варианта. Далее указаны такие несоответствия в переводе: слово «лазутчик» переведен как

«чалгынчы» (разведчик), слово «партнёр» - «жолдош» (приятель), «почти убил» - «олтургон» (убил) [46, с.248] и т.д. В итоге авторы статьи пишут, что «...товарищ Мамытбеков в большинстве случаев приукрасил предложения мукаевского перевода и не внес никаких новшеств в перевод» [46, с.248]. Действительно, указанные примеры показывают семантическое несоответствие перевода оригинальным словам и предложениям.

Само произведение богато лирическим описанием природы и душевного состояния героя, литературными тропами, экзотизмами, наполнено кавказскими красками и живой речью горцев. Например, Толстой пишет разговор горцев между собой и дает перевод на русском языке: - Не хабар? – «Что нового?», Хабар иок – «нет нового», бар – «есть», пешкеш – «подарок», саубул – «будь здоров», и т.д. Исконно кавказские слова «сакля», «кунак», присутствовавшие в повести и придающие оригинальный колорит ему, заменены переводчиком на эквиваленты «уй» и «конок», но слово сакля в некоторых местах дано как в оригинале, например, на крыше сакли – саклянын төбөсүндө. А слово арабской этимологии «мюрид» оставлен в кыргызском варианте без аналога, так как имеет общемусульманское значение: букв. обладатель воли, ученик.

В переводе предложения первой части повести «В холодный ноябрьский вечер Хаджи-Мурат въезжал в курившийся душистым кизячным дымом чеченский немирный аул Махкет» слово «немирный» переведен «али тынчы кеткен» (ещё ушедший мир). Дальше в предложении «Хозяин сакли, Садо, был человек лет сорока, с маленькой бородкой, длинным носом и такими черными, хотя не столь блестящими глазами...» словосочетание «длинный нос» (узун мурун) в переводе дан как «кырдач мурун», т.е. «прямой нос», и это несоответствующая замена изменяет описание внешности толстовского героя Садо. В переводе слово «крепость» (например, Воздвижинская крепость) оставлен как в оригинале, хотя в кыргызском языке есть слово «чеп», которое является аналогом крепости. Может быть, автор перевода хотел оставить в какой-то мере колорит повести, но слово «чеп» был бы более близок читателю.

В некоторых местах перевода сложные или осложненные предложения из повести разделены на простые предложения. Например: предложение «Теперь в двенадцать часов ночи, в большой гостиной, с ковром на всю комнату, с опущенными тяжелыми портьерами, за ломберным столом, освещенным четырьмя свечами, сидели хозяева с гостями и играли в карты» [174, с.165] разделено на четыре самостоятельных предложения: «Түнкү саат он эки кези. Чоң мейман үйүнүн эшиктен төрүнө чейин кооз килем жыйылган. Терезеге чубалжыган узун парда тартылган. Белмөдөгү карта ойноочу столдун үстүндө төрт шам жагылган, столду тегеректей отуруп үй ээлери меймандар менен карта ойноп жатышты» [173, с.16]. Приведем еще один пример такого раздробленного перевода: «Он ожидал мрачного, сухого, чуждого человека, а перед ним был самый простой человек, улыбавшийся такой доброй улыбкой, что он казался не чужим, а давно знакомым приятелем» [174, с.175]. – «Ал аны түнөргөн, караңгы, мүнөзү жат адам деп ойлогон. Азыр анын алдында жөнөкөй, мээримдүү жылмайган, көптөн бери таанышы турган адамдай сезди» [173, с.28]. Мамытбеков разделил предложение на два самостоятельных предложения, и слово «ожидал» переведен «ойлогон», т.е. «думал». В итоге смысл немного изменен посредством лексических замены глаголов. Вторая часть второго предложения: «көптөн бери таанышы турган адамдай сезди» можно было перевести более лаконично, а именно «көптөн бери тааныш адамдай сезди»- «почувствовал, как давно знакомого». Следующее толстовское предложение тоже может послужить примером разделения целого на два самостоятельных синтаксических компонента текста. У Толстого: «Когда в приемную вошел бодрым шагом, прихрамывая, Хаджи Мурат, все глаза обратились на него, и он слышал в разных концах шепотом произносимое его имя» [173, с.193]. У Мамытбекова: «Кайкайып сылтып басып Хаджи Мурат кабыл алуучу үйгө киргенде отургандардын баары аган назарын салды. Ал туш-туш тараптан шыбырап анын атын айтып жаткан үндөрдү да укту» [174, с.49]. Раздробление предложений в оригинале при переводе на кыргызский язык на несколько синтаксических сегментов в принципе не изменяет

лексическое значение, но изменяет стилистическую картину первичного текста. Но если учесть, что при переводе на первом месте стоит передача смысла произведения, то такое раздробление несколько не умоляет художественную ценность повести «Хаджи Мурат».

И, наоборот, в переводном тексте встречаются соединенные предложения. «В комнате стоял тот особенный, кислый, кожаный запах, который бывает у горцев. На полу на бурке, у окна, сидел кривой рыжий Гамзало, в оборванном, засаленном бешмете, и вязал уздечку» [174, с.201] переведен Мамытбековым как одно предложение: «Бөлмөнүн ичи тоолуктар менен ар дайым бирге боло турган ышталуу тондун кычкыл жытына толгон эле, жыртык майлуу бешмант кийген кыйшык көздүү эжигей сары Гамзало жерге салынган бурканын үстүндө бирдеме түйүп отурду» [173, с.58].

Песня Ханефи – последняя песня, услышанная Хаджи Муратом: «Вы, перелетные птицы, летите в наши дома и скажите вы нашим сестрам, матерям и белым девушкам, что умерли мы все за хазават. Скажите им, что не будут наши тела лежать в могилах, а растаскают и оглодают наши кости жадные волки и выклюют глаза нам черные вороны» [174, с.253] переведена на кыргызский язык Заиром Мамытбековым так: «О, келгин куштар, биздин үйгө учуп барып, биздин эже-карындаш, энелерге, ак селкилерге бизди газават үчүн өлдү деп айтып койгула. Биздин өлүгүбүз көргө көмүлбөй, карышкырлар сүйрөп, сөөгүбүздү кемирип, карга-кузгун көзүбүздү чукумак болду» [173, с.118]. Во вторичном тексте нет буквального перевода, а чувствуется идеографический смысловой оттенок: обращение к вольным перелетным птицам «Вы, перелетные птицы» (Силер, келгин куштар) в переводе начинается с возгласа «О», придающий повышенную эмоциональность. Также слово «хазават» переведен газават, хотя можно было перевести как «казат» - это слово более характерен для кыргызского языка.

Наиб Шамяля услышав песню мюрида, вспомнил песню своей матери, которую она пела своему любимому сыну: «Булатный кинжал твой прорвал мою белую грудь, а я приложила к ней мое солнышко, моего мальчика, омыла

его своей горячей кровью, и рана зажила без трав и кореньев, не боялась я смерти, не будет бояться и мальчик-джигит» [174, с.254]. У Мамытбекова: «Сенин болот канжарың ак денемди тилди, бирок, мен ал жаратка тийген күнүм – баламды кысып аны жылуу каным менен жуудум. Ошентип жаратым чөп-чар тартпастан эле айыгып, сүйүүнүн күчү менен айыкты. Мен ажалдан коркподум, андан менин жигит уулум да коркпойт» [173, с.118]. Сочетание слов «без трав и кореньев» объединены в слове «чөп-чар», которое немного снижает стилистически, так как у Толстого вложено понятие лекарственных трав, а у Мамытбекова получился в значение «зелени».

В предложении «Хаджи Мурат ссыпал золотые в рукав черкески, поднялся и совершенно неожиданно хлопнул статского советника по плечи и пошел из комнаты» [174, с.250] Мамытбеков без перевода оставил название чина статского советника. Слово «советник» вполне обоснованно можно перевести как «кеңешчи», тогда на кыргызском варианте повести можно было дать название чина «стат кеңешчиси».

При переводе повести некоторые предложения сокращены Мамытбековым – он опускает подробности из оригинала. Приведем пример: «Разувшись и совершив омовение, Хаджи-Мурат стал босыми ногами на бурку, потом сел на икры и, сначала заткнув пальцами уши и закрыв глаза, произнес, обращаясь на восток, обычные молитвы» [174, с.171]. Это предложение переводчиком дано так: «Чечинип даарат алып, бурканы жая салып, жыңайлак намаз окуду» [173, с.23]. Описание самого процесса чтения молитвы в переводе отсутствует. Какую цель преследовал переводчик, сокращая первичный текст неизвестно. Может быть, З.Мамытбеков не перевел молитву из идеологических соображений, так как он жил и занимался исследовательской деятельностью в советское время, когда были сильны атеистические взгляды.

Во вторичном тексте встречаются неточные переводы, например, слово «бубенцы» (колокольчик, погремушка) дано словом «жагоо», которое означает галстук, здесь подошло бы слово «конгуроочо» или «шылдырак». Слово «камердинер» (комнатный слуга) дано словом «жигит» (парень), а слово

«засада» не переведено, а заменено словом «дозор» тоже без аналога на кыргызском языке. Без перевода оставлен и слово «мешок» (кап).

В переводе есть очень удачные эквивалентные находки, например, башлык (наголовник, суконный остроконечный капюшон) – чүмбөт, мягкими, поспешными шагами – лепилдеп жумшак басып, щетинистый генерал – тик мурут генерал, рыжий – эжигей сары, переметная сума – куржун и т.д.

В переводе слов Хаджи Мурата князю Воронцову: «...Обещаюсь верно, до последней капли крови служить белому царю и надеюсь быть полезным в войне с Шамилем, врагом моим и вашим» Мамытбеков «надеюсь» (кырг. үмүттөнөм) заменил на «ойлоймун» (русс. думаю). Аналог слова «надеюсь» на кыргызском языке «үмүттөнөм» улучшил бы качество переводного текста, поднимая уровень эквивалентности.

В перевод предложения «Пока Лорис-Меликов был в комнате нукеров, вошел и четвертый мюрид Хаджи Мурата, аварец Ханефи, с волосатым лицом и шеей и мохнатой, точно мехом обросшей, выпуклой грудью» почему-то Мамытбеков добавил «четвертую комнату», которая отсутствует у Толстого, в итоге получился такой перевод с излишком: «Лорис-Меликов нөкөрлөрдүн төртүнчү бөлмөсүндө отурганда мойну-башын, дүкүйгөн көкүрөгүн чөп каптагандай жүн баскан, Хаджи Мураттын төртүнчү мюриди аварлык Ханефи кирди». Да и «мехом обросший» заменен на «чөп баскандай» (травой обросший).

Показателем удачного и точного перевода можно выделить данный пример. «Когда Лорис- Меликов вошел в гостиную, Хаджи Мурат с веселым лицом встретил его» [174, с.204] - «Лорис-Меликов конок үйүнө киргенде Хаджи Мурат кубанган түр менен аны каршы алды» [173, с.62]. Еще один пример: «Семья Хаджи Мурата вскоре после того, как он вышел к русским, была привезена в аул Ведено и содержалась там под стражею, ожидая решения Шамиля» [174, с.223]. – «Хаджи Мураттын үй-бүлөсү, өзү орустарга өтүп кеткенден кийин көп кечикпестен эле, Ведено айлына алынып келинип жана ал жерде күзөт астында Шамилдин чечимин күтүп кармоодо жатты» [173, с.95].

Здесь в переводе нет ни лишних слов, ни неправильных замен, ни не нужных эпитетов. Перевод адекватен и эквивалентен по отношению к оригиналу, не снизил художественный уровень толстовских строк из повести.

Перевод описания внешности Шамиля тоже оставляет хорошее впечатление: «Бледное, окаймленное подстриженной рыжей бородой лицо с его постоянно сощуренными маленькими глазами было, как каменное, совершенно неподвижно» – «Жаактарына чейин коюлган кызгылтым кырка сакал, дайыма кыбындап турган кичинекей көздүү купкуу бети катып калган таш сыяктуу кыймылсыз эле».

Любимая песня Хаджи Мурата в выразительном исполнении Ханефи, содержание которой была пересказана Бутлеру, дана в повести Л.Толстым прозаическими строками. Она переведена Заиром Мамытбековым на языке поэзии, что свидетельствует о его стремлении четче и проникновенно передать смысл песни на своем родном языке, также свидетельствует о творческом мастерстве и о попытке гармонично соответствовать переводимому тексту.

Строки: «Высохнет земля на могиле моей – и забудешь ты меня, моя родная мать!» переданы переводчиком такими поэтическими строками:

Бейитимдин үстүнө койгон гүлдөр солгондо.

Унутарсың энекем, Жыл маалы кайра толгондо. (Когда завянут цветы на могиле моей, забудешь через год, моя родная мать). Конечно, перевод отличается от оригинала некоторыми деталями, но сама подача поэтическими строками вызывает удивление и уважение, так как в переводном варианте песня звучит еще более выразительно, напоминая кыргызские песни-кошоки. Заир Мамытбеков выбрал положительные свойства адаптированного перевода, так как старался облегчить читателю переводного текста понимание смыслов оригинальных произведений русской классики.

4.4 Переводы рассказов Премчанда и стихов японских поэтов

Переводческая копилка критика пополнился рассказами Премчанда и стихами

японских поэтов. Они были переведены с русских переводных текстов, поэтому в нашем анализе мы будем опираться на эти тексты как оригиналам.

Основной темой прозы основоположника критического реализма в литературах урду и хинди индийского писателя, публициста Дханпатрая Шривастава (Мунши Премчанд) стала жизнь индийского народа. Все стороны суровой индийской действительности: чудовищный гнет феодальной и капиталистической эксплуатации, произвол полиции, продажность суда, моральная деградация господствующих классов, средневековые пережитки в сознании и быту людей «подвергались решительному осуждению Премчанда» [134, с.10].

Советского читателя проза Премчанда привлекла реалистичностью, колоритностью и революционными идеями. Жажда свободы, слабость перед средневековыми суровыми законами общины и капиталистического режима простого человека - «вот что составляет содержание произведений писателя» [167, с.719]. Рассказы и романы Премчанда были переведены на русский язык в середине XX века Ю.Лавриненко, В.Балдиным, Н.Аникеевой и М.Антоновым с урду и с хинди.

С русского варианта переводов З.Мамытбеков перевел на кыргызский язык 9 рассказов Премчанда: «Честь поэта», «Учитель», «Тюрьма», «Несчастливая мать», «Белая кровь». «Поминки», «Вторая жена», «Девушка знатного рода», «Отступник», относящиеся к разным творческим периодам индийского автора. Переводы рассказов были опубликованы в книге «Индиялык жазуучулардын аңгемелери» (1956), где были помещены также переводы Д.Абдылдаева, З.Бектенова и Ш.Саматова произведений индийских писателей.

Рассказ «**Вторая жена**» («Токол») в переводе М.Антонова повествует о трагической судьбе бездетной Годавари, которая решила осчастливить мужа женитьбой на молодой девушке. Сравним текст М. Антонова и З.Мамытбекова в данном небольшом отрывке:

«Таким образом, и это препятствие было преодолено. Однако, дав согласие, пандит пальцем о палец не ударил, чтобы найти вторую жену. Обо всем позаботилась Годавари и горячо взялась за устройство свадьбы мужа» [163, с.145]. - «Ошентип бул тоскоолдук да жеңилди. Молдо макул болгону менен токол алуу үчүн эч кандай аракет кылбады. Иштин баарын Годвари өзү бүтүрүп, күйөөсүнүн тоюн өткөрүүгө камдана баштады» [133, с.153]. У Мамытбекова слово «пандит», означающий, почетный титул, который присваивается ученым, прошедшим школу индийской классической науки [165, с.171] заменено словом «молдо» (мусульманский священнослужитель). Эта замена меняет восприятие образа мужа Годавари – он становится священнослужителем или учителем. В остальном перевод выполнен адекватно по отношению к русскому тексту. В следующем отрывке – во фрагменте письма Годавари к мужу обращение «Муж мой! Никого в мире не любила, кроме тебя» переведен так: «Курдашым! Бул жалганда сенден башка эч кимди сүйгөн эмесмин» [133, с.163]. Здесь «Муж мой!» (букв. Күйөөм или өмүрлүк жарым) заменен на «Курдашым» (друг). Чем оправдывается такая замена? Может переводчик хотел подчеркнуть и усилить прощальные душевные переживания женщины через обращение к мужу как к другу, которого оставляет его ради его же счастья.

Рассказ «**Несчастливая мать**» (перевод с урду Н.Аникеева) – «Бакытсыз эне» повествует о несчастной жизни и гибели многодетной матери Пхульмати, оказавшейся лишней и не нужной для своих сыновей после смерти ее мужа пандита Аджодхия Натха. Рассмотрим пример из данного перевода: Промотав драгоценности матери, братья начали заискивать перед ней, добиваться ее расположения и строго-настрого приказали своим женам не огорчать Пхульмати и не вступать с ней в пререкания [166, с.165]. - Энесинин баалуу жасалгаларын алган агалуу-инилуу, анын алдында бөйпөңдөп, көңүлүн уламыш болуп, өзүнүн аялдарына Пхульматиге каяша айтпагыла деген буйрукту беришти [133, с.172]. Слово «братья» (ага-ини) передана как «агалуу-инилуу» (букв. имеющий старшего - младшего брата), других различий по

контексту не имеются. У Мамытбекова перевод и синтаксически и семантически соответствует варианту Н.Аникеевой.

Переведенный с урду Ю. Лавриненко рассказ «Честь поэта» – «Акындын сыймыгы» в кыргызском варианте читается легко, ладно. Описание внешности поэта Кумара переведено очень хорошо: Вечером Кумар вышел из дому, одетый в старомодный ачкан, ветхие башмаки и поношенную шапочку. Его можно было принять за жулика [165, с.42]. – Кечинде Кумар эски үлгү менен тигилген чапан, жыртылган кепич жана көөнөргөн калпак кийип үйүнөн чыкты. Аны майда-чүйдө уурулардын бирөө деп ойлоого болор эле [133, с.93]. Слова гордого поэта Кумара, считавший себя не хуже Байрона и Шелли: «Ведь я – светильник, созданный для того, чтобы светить. Я забыл это, но бог не дал мне сойти с правильного пути. Это скромное жилище – рай для меня. Сегодня я понял, что служение литературе- священный долг» [165, с.47] переведен так: «Мен –жарык кылып туруу үчүн жаратылган шам эмесминби. Мен муну унутуп коюпмун, бирок, кудай оң жолдон тайдырбай алып калды. Бул жупуну үй-мен үчүн бейиш. Адабиятка кызмат кылуу-ыйык милдет экенин бүгүн түшүндүм» [133, с.99]. В кыргызском варианте сохранено количество синтаксических компонентов отрывка, также переданы осознание значимости поэта им самим и громкое заявление долга служения литературе.

Уставший и измученный постоянной нехваткой денег, неуважительным отношением из-за его бедности окружающих главный герой рассказа «Учитель» (пер с хинди М.Антонова) – «Мугалим» пандит Чандрадхар после встречи со своим учеником Крипашанкармом во время паломнической поездки тоже осознал свою значимость и величие профессии учителя. «Когда он вспоминал ссору в поезде и грабеж в больнице, то сердечность и искренность Крипашанкара казались ему необычнее. В этот день пандит впервые испытал гордость за свою профессию учителя. Сегодня он понял все величие своего звания!» [165, с.37] - Бул саякат мезгилинде болгон окуялардын баарын көз алдына элестетти. Ал поездеги жаңжалды, ооруканада тоноп алганды эстегенде, Крипашанкардын чын жүрөктөн берилип кылган мамилеси

мурдагыдан да таң калардык болуп көрүндү. Ошол күнү пандит өзүнүн мугалимдик адистигине биринчи жолу сыймыктанды. Бүгүн бул наамдын улуулугун түшүндү!» [133, с.88]. В переводе сохранено глагольное речеведение и эмоциональная насыщенность, динамика.

В сборнике «Семь лотосов» в 1917 году опубликован рассказ Премчанда «**Девушка знатного рода**» (перевод с хинди М.Антонова, 1910) «Жакшы жердин кызы». Рассказ состоит из 4-х частей. «Рассказ преследует чисто дидактические цели. Но его неоспоримыми достоинствами являются простота стиля. Одухотворенность облика героини и достоверность жизненных ситуаций» [12, с.47] – так написал об этом рассказе В.Балин.

Герои рассказа Ананди, ее муж Шрикантх и его брат Лалбихари прошли испытание, созданное прозаичной жизненной ситуацией. Ананди выходит замуж за Шрикантх. В отсутствие Шрикантх она поссорилась с младшим братом мужа Лалбихари из-за приготовленного без масла гороха. Лалбихари кидает невестке свою сандалию. «Ананди защитила лицо рукой, но сандалия ударила ее по пальцу. Дрожа от гнева, как листок от порыва ветра, она ушла в свою комнату» [166, с.189]. – Ананди колу менен бетин коргой бергенде, кепич манчаларына тийди. Ачуусу келгендиктен, шамал болгондо жалбырак дирилдегендей калчылдап, ал өз бөлмөсүнө кетип калды [133, с.183]. Она пожаловалась мужу, и Шрикантх разгневан поступком младшего брата. Назревает скандал, семья оказывается на грани распада. Но, «Ананди уже раскаялась, что пожаловалась мужу на деверя. Она была добросердечной и совсем не ожидала, что дело примет такой оборот» [165, с.193]. -Кайнимдин кылыгын айтып күйөөмө бекер даттанган экенмин деп Ананди өз ичинен бушайман болду [133, с.188]. Героиня рассказа Ананди, дочь знатного феодала, выданная замуж за сына, обедневшего заминдара, своим тактом и благородством предотвращает семейный конфликт и распад большой патриархальной семьи. Как видно из приведенных примеров, русский текст удачно переложен З.Мамытбековым на его родной язык.

В 1931 году Премчанд пишет рассказ «Тюрьма» (1931) на языке урду, переведенный на русский язык Н.Аникеевой и Ю.Лавриненко. Премчанд полагал, что «искоренение общественного зла – долг передовых представителей привилегированных классов индийского общества, в первую очередь интеллигенции [118, с.8]. Эти идеи нашли отражение в рассказе «Тюрьма», главная героиня, которого не согласна со своим товарищем по университету, утверждавшим, что «ученые и богачи всегда управляли миром, и будут господствовать в нем» [165, с.91].

Слова участника свараджа - борьбы за независимость Индии от Великобритании Вишва Мубахара к Руп Мати: «Подумай только, что ждет меня после окончания университета - жалкая служба, за которую я буду получать в лучшем случае каких-нибудь сто рупий. Может быть, к старости дослужусь до трех-четырёх сотен рупий. А знаешь ли ты, что я выбрал взамен этого? Победу свараджа во всей стране!» [165, с.53] на кыргызском звучит так: «Университетти бүтүргөндөн кийин, мени эмне күтүп турганын сен ойлоп көрчү- болбогон бир кызмат, ал үчүн менин аларым жүз рупия. Балким карыган кезимде үч жүз-төрт жүз рупия алууга жетишермин. Анын ордуна мен эмнени тандап алгандыгымды сен билесинби? Бүткүл өлкөдө свараджанын жеңиши [133, с.105]! В переводе нет ни смысловых, ни синтаксических различий, сохранены слова-лакуны – свараджа и рупия. Название рассказа оставлено как в русском варианте, также без перевода переданы слова «деревня», «Родина». В итоге перевод З.Мамытбекова получился колоритным, так как в тексте имеются исконно индийские и русские слова.

В рассказе «Поминки» (перевод с урду Ю.Лавриненко) – «Аш» Премчанд пишет: «У богатых людей деньги, у бедных людей сердце» [118, с.15], поэтому бедные сочувствуют другим, облегчая их страдания. Предсмертные слова Сетх Рам Натха своей жене Сушиле: «Я был очень несчастлив, Сушила, а вместе со мной и ты мыкала горе. Когда в доме нет денег, страх за семью, за детей преждевременно сводит человека в могилу» [117, с.77] в кыргызском тексте звучит так: «Мен абдан бактысыз экенмин Сушила, мени

менен бирге сен да азапты көп тарттың. Колунда акчан жок болгондон кийин, уй-бүлөң, бала –бакыраңдын көргөн күнү эмне болоор экен деген ой, адамдын шайын кетирип салат экен» [131, с.131]. Предсмертные слова главы семьи переданы адекватно. В словах героя чувствуется разочарование, отчаяние, безвыходное смирение перед неизбежностью. Рассмотрим еще один пример из рассказа: «Ночью Ревти не могла заснуть, без конца ворочалась на постели и плакала. Снова и снова она обнимала сонного брата и, плача, думала о том, как же он будет жить без нее» [163, с.97]. – «Түнкүсүн Ревти уктай албай, ооналактап, ыйлап чыкты. Уктап жаткан инисин кайра-кайра кучактап, менсиз кантип күн көрөр экен деген ойго батты» [131, с.151]. В этом отрывке переводный эквивалент соответствует русскому варианту новеллы. Переводческая интерпретация исходного текста, в данном случае русского переложения, реализована полностью.

Премчанд с большой теплотой изображал «многотрудную, нередко просто невыносимую жизнь рядовых тружеников и пробуждал искреннее сочувствие к их судьбам» [164, с.7]. Сочувствию и сопереживанию достойны герои рассказа «**Белая кровь**» (пер. с хинди Ю.Лавриненко) – «Ак кан». О жестоких законах общины и их жестоких приверженцах, не позволивших воссоединится семье из-за религиозных взглядов, рассказывается в новелле «Белая кровь». К законам общины не смогли противостоять родительская и сыновья любовь, прошедшие испытания через годы страдания и разлуки, голод и отчаяния. В рассказе сильно выражена авторская позиция, его суждения об эгоизме переданы такими фразами: «Доброта, верность, любовь - все эти свойства приобретены самим человеком, природа же дала ему одно чувства - эгоизм. И как ненастоящие друзья, добрые чувства легко покидают нас, а эгоизм, данный нам природой, - всегда с нами [164, с.197]. - Мээрбандык, берилгендик, сүйүү өңдөнгөн касиеттердин бардыгын адам өзү тапкан, ал эми табият болсо ага бир гана сезимди - эгоизмди, өзүнүн гана керт башын ойлоочулукту берген. Жалган дос өңдөнүп, мээримдүүлүк сезимибизден оңой эле алыстап, табияттын берген эгоизми дайыма биз менен жүрөт» [133, с.192].

Переводный эквивалент, предложенный З.Мамытбековым, не девальвирует вторичный русский вариант, а удачно воспроизводит на третьем языке.

Другой пример из рассказа: «Деваки рыдала, а Джодарайа с щемящей болью в сердце смотрел сыну вслед и думал: «Садхо, мой умный мальчик, моя надежда, ты покидаешь нас только потому, что кровь наша побелела» [165, с.204]. Сколько родительской боли и отчаяния в этих строках? Это боль за будущее сына, принять которого обратно в семью запрещали жестокие законы общины и боль за свою слабость перед этими жестокими неписаными законами. От жестокости у людей побелела кровь. Эти строки, полные боли на кыргызском звучат так: «Деваки озондоп ыйлай баштады. Джодарайа болсо жүрөгү сыздап, уулунун артынан карады да калды. «Садхо, акыл-эстүү уулум, менин үмүтүм, каныбыз ак болгондуктан гана бизди таштап кетип баратасың» деп ойлоп турду Джодарайа» [133, с.201]. З.Мамытбеков искусно передал душевное состояние героев, в определенной степени он «выступил как лингвострановед» [86, с.151], так как, являясь носителем кыргызской языковой культуры, в равной мере выступил как знаток индийской лингвокультуры.

Тяжелая судьба участника освободительного движения – свараджа Адитья и его семьи описана в рассказе «Отступник» (пер. с хинди М.Антонова) – «Качкын». Муж Каруны Адитья возвращается из трехлетнего заключения из тюрьмы за участия в освободительном движении. Радостные ожидания Каруны были омрачены жалостным и бедственным состоянием исхудавшего и больного мужа. «Войдя в дом, Адитья с улыбкой взглянула на Каруну. И в этой улыбке отразился океан страданий [165, с.62]. - «Үйгө кире келгенде, Адитья күлүмсүрөп, Карунаны карады. Анын бул күлүмсүрүшүндө деңиздей терең кайгынын изи бар эле» [133, с.113]. Здесь слово «океан» заменено словом «деңиз» (море). Но несколько не искажает вторичный текст, семантическое содержание третьего текста равнозначно русскому аналогу.

В переведенных рассказах З.Мамытбеков попытался сохранить экзотизмы, присущие языкам урду и хинди, такие как тхакур (землевладелец), ачкан (длинное мужское полупальто или пиджак с боковым вырезом), бетель

(листья для жевания), рупия (индийские деньги), пандит (ученый, высокообразованный человек в области классической индийской литературы) и т.д. Они придают переводу оригинальный колорит, приближающий представления кыргызского читателя к реальной действительности индийской жизни. Все переведенные З.Мамытбековым рассказы Премчанда являются примером удачного вторичного переложения художественных компонентов иноязычной культуры. Стиль Премчанда, выдержанный в суровых и скорбных тонах не утрачен в переводах З.Мамытбекова. Это является некой «данью сентиментальным вкусам читающей публики» [166, с.10] Индии и Кыргызстана и свободолюбивому творчеству Дханпатрая Шривастава.

Древняя и многожанровая японская поэзия представлена в русскоязычной аудитории переводами переводчиков – японистов Н.И.Конрада, А.А.Долина, И.А.Борониной, А.В.Глускиной, В.С.Сановича, Т.В.Соколовой, Н.В.Марковой. Безусловно, русские переложения стихотворений японских авторов обогатили переводную литературу не только России, но всего постсоветского пространства, но с другой стороны вышеуказанные переводы стали отправной точкой для последующих переводов на другие языки, взяв в основу русские трансляции. В частности, именно из русских переводных текстов были переведены на кыргызский язык стихи японских поэтов. В 1959 году во Фрунзе вышел в свет сборник стихотворений «Япон акындары», куда вошли переводы З.Мамытбекова, Т.Жаманкулова, С.Омурбаева и Ж.Алыбаева. Кыргызские вторичные тексты взяты из раздела «Современная демократическая поэзия» сборника «Японская поэзия» А.Е.Глускиной и В.Н.Марковой.

Переводчиком З.Мамытбековым переведены стихи японских поэтов Окаси Горо (Ал кайрылып келбейт), Акаги Сегэо (Сүрөт), Ватанабэ Ёсико (Токуучу станок артында), Екомура Садамицу (Тынчтык эмгек үчүн -), Ёнэде Эйсаку (Хиросима ырынан), Икэда Тароноскэ (Аэродром), Имаи Такаси (Бир гана нерсе жөнүндө), Иноуэ Тосио (Биз эми кул болгон солдат эмеспиз), Исии Ясуко (Сүйгөнүмө).

Японская поэзия имеет древние традиции, она завораживает и привлекает своей необычностью, удивительной простотой, причастностью к тайне бытия. Ценитель и знаток японской поэзии В.Бутромеев описал ее так: «Она подобна робкому прикосновению девушки с лепестками подаренного ей цветка, в гармонии которых она неосознанно, но чутко угадывает гармонию своей души и своего тела и видит в нем узор своей судьбы» [129, с.7]. Японская поэзия представлена стихотворениями поэтов XX века. Один из них – автор стихотворения «**Мы больше не рабы-солдаты**» Иноуэ Тосио. Его стихотворение относится к послевоенной демократической поэзии, в которой выражен гнев японского народа против тех, «кто предаёт свободу и независимость своего отечества, в ней с исключительной яркостью отражена преданность делу мира» [176, с.13]. Стихотворение Иноуэ Тосио «Мы больше не рабы-солдаты» - протест войне, призыв к совести и мирной жизни. Оно переведено на русский язык 10-11сложником, с русского на кыргызский 11-12 сложником:

О, как ни перекрашивай умело
Мундир, который запятнала кровь,
Но в ком настолько совесть омертвела,
Чтоб захотеть в него рядиться вновь?
Как сапоги ни начищай до глянца,
В которых попирал чужой предел,
Но кто хотел бы снова в новобранцы,
Чтоб каблуком ступить на грудь тел [176, с.332]?
Канчалык көрктүү кылып тиксе дагы,
Мундирди бүт боёлгон кызыл канга,
Нысапсыз кайсы киши жок намысы,
Жаңыдан эми кийсин аны кайра
Бирөөнүн эркин жерин тепсеп жүргөн
Канчалык жалтыратсаң да кандуу өтүктү,
Ким кийип, аскер болсун чын көңүлдөн,

Басканы таман менен көп өлүктү [175, с.33]. Перевод на кыргызском языке соответствует русскому варианту стихотворения. Он менее динамичен, чем первый вариант, но богат на рифмы (парная, перекрестная).

Автор стихотворения Екомура Садамицу «За мирным трудом» (в пер. В.Н.Марковой) – «Тынчтык эмгек үчүн» выражает желание заниматься мирным трудом: сеять пшеницу, рис, растить детей, построить дом.

За мирным трудом

На войну! Нет, увольте нас!

Повсюду в поле ростки пшеницы

Восходят, радуя глаз [176, с.343].

Согушуудан! Кутулткула бошотуп!

Бардык жерде буудай чыгат көгөрүп,

Жайкалганда көргөн көздү тойдуруп

Тынч жашайлы, буудай күрүч өстүрүп [175, с.20].

Из примеров наглядно видно, что в архитектонике переводов есть различия, но по семантике они очень близки. Как утверждал Е.Эткинд в переводе стихов «преобразования — потери, добавления, изменения — неизбежны» [126, с.75].

Сопоставим для еще одного примера 5-ти строчный отрывок из стихотворения **«Фотографический снимок»** Акаги Сегэо в переводе З.Мамытбекова под названием «Сүрөт». Лирический герой стихотворения - фотограф рассказывает о фотографии, где изображены солдаты-янки, расстреливающие семерых корейских солдат. Стихотворение выражает ненависть к насилию, бахвальству американских солдат, спокойно убивающих и солдат, и мирных жителей.

Я молча бросил на снимок взгляд.

Семеро янки в позе героической

Штыки направили прямо в сердце

Семерым солдатам корейского войска,

Что безоружным ждут конца. [176, с.210].

Унчукпастан ал сүрөткө карадым:

Баатырсынып жети янки манчыркап.

Куралы жок, өлүм күткөн тайманбай

Жети корей аскерине таамайлап

Сунган найза учу күнгө жаркырайт [175, с.36]. Здесь в обоих вариантах нет гармонично сложенной рифмы, стихотворение является вольным переводом, нацеленное для передачи смысла и авторской позиции.

З.Мамытбеков поставил перед собой задачу адекватной передачи смысла, идеи стихотворения, поэтому на основе сопоставления мы уверенно можем сказать, что задача переводчика выполнена. Перекодирование культурных элементов японской поэзии для З.Мамытбекова является «серьезным шагом в освоении иноязычной поэзии» [126, с.9].

Рассказы индийского писателя Премчанда и стихи японских поэтов являются вторичным переложением, так как они переведены с русских переводных текстов. В итоге переводческой работы на кыргызский язык рассказы Премчанда и стихи японских поэтов подверглись двойному переводу. В результате сопоставительного анализа вторичного русского перевода и кыргызских вариантов выявлена адекватность и эквивалентность переводов Заира Мамытбекова. В переводах Мамытбекова присутствуют много окказиональных слов, которые «воспринимаются как иностранные слова и благодаря этому выполняют не только номинативную функцию, называя реалии, но и художественную, помогая воссоздавать национальный колорит подлинника» [24, с.114].

Сохранить в переводе национальный колорит является очень сложной задачей, которая требует от переводчика творческого воссоздания всего идейно-художественного содержания произведения, передачу мироощущения автора. Заир Мамытбеков в своих переводах русской и восточной классики старался выполнить эту сложную задачу, и это ему удалось.

Заключение четвертой главы

Переводческая деятельность Заира Мамытбекова оставила после себя внушительный багаж переводных произведений, состоявший из переводов русской и восточной классики. Заир Мамытбеков перевел на кыргызский язык сказку «Конек – горбунок» П.П.Ершова, стихотворения и поэмы «Мороз, Красный нос» «Саша» Н.А.Некрасова, стихотворения и поэмы («Аул Бастунджи», «Измаил-бей», «Демон», «Мцыри»), драму «Маскарад» М.Ю.Лермонтова, повесть «Хаджи-Мурат» Л.Н.Толстого, также рассказы индийского писателя Премчанда и стихи японских поэтов.

Его переводы были восприняты неоднозначно. У одних они вызывали восторг, у других возмущенное негодование качеством перевода. Во второй половине XX века переводы Н.А.Некрасова и М.Ю.Лермонтова подверглись резкой критике К.Х.Джидеевой, К.Рысалиева и С.Шимеева, которые его обвиняли в искажении контекста, в буквоедстве, в обилии «отсебятины». Переводам лермонтовских поэтических произведений О.Ибраимов дал положительную оценку. Других аналитических источников, посвященных его переводам мы не нашли, стало быть к его переводам после К.Х.Джидеевой, К. Рысалиева, С.Шимеева и О.Ибраимова пока никто не обращался.

Мы не отрицаем то факт, что в переводах З.Ч.Мамытбекова встречаются несоответствия, излишние добавления, распространения поэтических строк подлинника эпитетами, использование однотипных рифм. Сопоставление подлинников русской классики и переводов З. Мамытбекова показало, что он прошел нелегкий путь эволюции как переводчик, как миссионер межкультурного общения через художественное слово. Несмотря на резкие критические мнения по поводу его поэтических переводов, он продолжал переводить. В результате сопоставительного анализа оригинального и переводного текстов, выяснено, что переводчик преследовал цель передачи смысла произведения с адаптацией на кыргызского читателя. Достижение данной цели было трудным и тернистым, потому что создать композиционное

и смысловое соответствие переводного текста оригиналу требует особого подхода.

В переводах З.Мамытбекова есть и удачные переложения оригинального текста. Очень точно и удачно переведены рассказы Премчанда, «Хаджи Мурат» Л.Толстого, также «Конек - горбунок» П.Ершова.

Все удачи и неточности в переводах З.Мамытбекова являются общей картиной эволюционного процесса становления переводчика. В начале переводческой пути действительно были порой даже разительные отличия по архитектонике, по композиции, по смыслу. Но от перевода к переводу мастерство переводчика крепло и качество переводы становилось более близким к оригиналу. Все поэтические и прозаические переводы З.Мамытбекова являются частью переводной кыргызской советской литературы.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования литературного наследия Заира Мамытбекова, которое состоит из исследовательских трудов об эпосе «Манас», поэтического и переводческого творчества А.Осмонова, а также из переводов русской и восточной классики приходим к следующим выводам:

1) Литературное наследие Заира Мамытбекова, состоящее из научных исследований и переводной литературы, является достоянием кыргызской литературной критики и переводной литературы второй половины XX века.

2) З. Мамытбеков выводит итог о традиционности и устойчивости сюжетно-композиционной линии, об историко-познавательной ценности эпоса как художественное произведение, вобравшее в себя различные стороны жизни, быта и миропонимания кыргызского народа в эпохе, отображенной в поэтических строках эпоса «Манас».

3) Дана положительная оценка умению А.Осмонова адаптировать сюжеты и языковой материал народных произведений на современного читателя и современным идейным требованиям, даны научно-теоретический

анализ и адекватная оценка творчеству талантливому поэту и переводчику, отмечено его новаторство в кыргызской советской литературе.

4) Переводы русской классики XIX века с оригинальных текстов и переводы восточной классики XX века с русских переложений показали переводческое мастерство З.Мамытбекова, отточенного критическими оценками современников и общим переводческим процессом, характерным для кыргызской литературы во второй половине XX века.

5) С точки зрения герменевтического перевода в кыргызских переводах Мамытбекова соблюдена стилистическая и историческая интерпретация. В его переводах найдены и использованы эквиваленты в переводном языке, исходный художественный материал переведен адекватно, т.е. выбраны адекватные речевые единицы в родном кыргызском языке.

Материал настоящего исследования подтвердил, что З.Мамытбеков внес большой вклад в переводную литературу и литературоведение. Его литературное наследие достойно для изучения и популяризации.

Литература:

Научная литература:

1. **Абуашвили, А.Б.** За строкой лирики: Антидиалог [Текст] /А.Абуашвили. -М.: Советский писатель, 1989. - 208 с.
2. **Акматалиев, А.А.** Тандалган чыгармаларынын жыйнагы: 2-том. Адабий таануу [Текст] /А.Акматалиев –Б.: Шам, 1998. - 424 б.
3. **Айтматов, Ч.** В соавторстве с землей и водою... Очерки, статьи, беседы, интервью. [Текст] / Ч. Айтматов. Ф., «Кыргызстан», 1978 – 408с.
4. **Акмолдоева, Ш.Б.** Древнекыргызская модель мира (на материалах эпоса «Манас»). [Текст] / Ш.Акмолдоева. Бишкек: Илим, 1996. - 220 с.
5. **Асанканов А., Бекмухамедова, Н.** Акындар жана манасчылар – кыргыз элинин руханий маданиятын түзүүчүлөр жана сактоочулар. [Текст] / А.Асанканов. Б.: Мурас, 1999. – 200 б.
6. **Артыкбаев, К.** Кыргыз совет адабиятынын тарыхы. [Текст] / К.Артыкбаев. - Ф.: «Мектеп», 1982. – 526 с.
7. **Артыкбаев, К.** XX кылымдагы кыргыз адабиятынын тарыхы: Жогорку окуу жайларында «филология» адистиги боюнча окуп жаткан студенттер учун окуу китеби. [Текст] / К.Артыкбаев. – Б.: «Сурот – Басма – Салону», 2004, 656 б.
8. Архив КНУ им. Ж. Баласагына. Фонд 869.оп №3.
9. **Байгазиев, С.** “Манас” эпосунун руханий, адептик – философиялык, патриоттук улуу дөөлөттөрү жана педагогикалык асыл нарктары. [Текст] / С.Байгазиев. – Б.: 2014, – 602 б.
10. **Бакчиев, Т.А.** Введение в манасоведение: Краткий курс лекций / КГТУ им. И.Раззакова; [Текст] / Т.А.Бакчиев. - Б.: ИЦ «Текник», 2008. – 104 с.
11. **Бакчиев, Т.А.** Манас жана саясат. [Текст] / Т.А.Бакчиев. – Б.: “Текник, 2013. – 298 б.
12. **Балин, В.И.** Премчанд-новеллист [Текст] / В.Балин. Издательство Ленинградского университета 1973. -163 с.

13. **Бегалиев, С.** О поэтике эпоса «Манас». [Текст] / С.Бегалиев. Фрунзе, Илим, 1968. – 54с.
14. **Белинский, В.Г.** Статьи о классиках. [Текст] / В.Белинский. Москва. «Художественная литература». 1970. – 608 с.
15. **Белинский, В.Г.** Собр. соч. в 9-ти т. Статьи, рецензии, замечания [Текст] / В. Белинский. М., «Худ. лит.», 1978. -641с.
16. **Брамидзе, А.Г.** Шота Руставели. [Текст] / А.Брамидзе. «Знание», Москва, 1966 – 50с.
17. **Бутанаев, Н.Я., Бутанаева, И.И.** Хакасский исторический фольклор [Текст] / Н.Бутанаев, И.Бутанаева. -Абакан: Изд-о ХГУ им. Н.Ф. Катанова, 2001. –148 с.
18. **Бутанаев, В.Я., Худяков Ю.С.** История енисейских кыргызов [Текст] / В.Бутанаев, Ю.Худяков. - Абакан: Изд-о ХГУ им.Н.Ф.Катанова,2000. – 272 с.
19. **Биялиев, К. А.** Переводческое мастерство поэта С. Эралиева: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.01.03. / К.А.Биялиев. - Бишкек, 1996. - 20 с.
20. **Валиханов, Ч.Ч.** Собр. Соч. в 5 т. Том IV [Текст] / Ч.Валиханов. А.: «ГЫЛЫМ» 1968. –782 с.
21. **Валиханов, Ч.Ч.** Собр.соч. в 5 т. Том V. Графическое наследие. [Текст] / Ч.Валиханов. А.: «Наука», 1972. –144с.
22. **Валиханов, Ч.Ч.** Собр.соч. в пяти томах. Том 1 [Текст] / Ч.Валиханов. - Алма-Ата: Гл.ред. Казахской советской энциклопедии, 1984. – 432 с.
23. **Валиханов, Ч.Ч.** Собр.соч. в пяти томах. Том 3. [Текст] / Ч.Валиханов. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. – 416 с.
24. **Виноградов, В. С.** Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) [Текст] / В.Виноград. — М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224с.

25. **Далгат, У.Б.** Литература и фольклор. [Текст] / У. Далгат – М.: Наука, 1981. — 304 с.
26. **Десницкий, А.В.** Иван Андреевич Крылов [Текст] / А. В. Десницкий. – Москва: Просвещение, 1983. – 140 с.
27. **Джидеева, К.Х.** Поэтический перевод и историко-литературный процесс: Из истории поэтического перевода русской классики в Киргизии [Текст] / К.Джидеева. - Ф.: Кыргызстан, 1980. – 192 с.
28. **Джолдошева, Ч.Т.** Ей удалось выстоять. [Текст] Вечерний Бишкек. 4 мая 2012 г. 20 – стр.
29. **Добролюбов, Н.А.** Избранное. [Текст] / Н.А.Добролюбов. Гос.изд. дет. лит. Мин.прос. РСФСР. Москва, – 1961. – 388 с.
30. **Жаныбаева Майрамкул.** «Кеңешбек Асаналиев - адабият теоретиги жана сынчысы» [Текст]: дис.канд. филол. наук: 10.01.01. / М. Жаныбаева. -Б, 2012 –151 с.
31. **Жигитов Салижан.** Акындын эки өмүрү: (Алыкул Осмоновдун таржымалы жана чыгармачылыгы). – Б.: Кыргызстан, 1998. – 180 б.
32. **Жигитов Салижан.** Көркөм сөз маселелери. Адабий сын макалалар жыйнагы. [Текст] / С. Жигитов. – Ф.: Кыргызстан, 1982. – 256 бет.
33. **Жирмунский, В.М.** Введение в изучение «Манаса». [Текст] / В.М. Жирмунский. Фрунзе — 1948г. -110 с.
34. **Жусупов Кенеш.** Сапар китеп: Повесттер / Сүрөтчүсү Б.Каракеев. [Текст] / К.Жусупов. Бишкек. «Адабият» 1991. –512 б.
35. **Жусуп Мамай (1918-2014):** Дастанда калган өмүр: Кытайлык залкар кыргыз манасчысы Жусуп Мамайдын чыгармачыл мурасы тууралуу илимий баяндамалардын ж-а макалалардын топтому [Текст] / Редколлегия: Т.К..Чоротегин (төрага), А.Эркебаев, ж.б.; «Мурас» фонду. -Бишкек: «Махprint» басмасы, 2015. –232+iv б., сүрөт. – [«Тарых жана мурас» түрмөгү].
36. **Ибраимов Осмонакун.** История кыргызской литературы XX века: учебник. 2-е изд., доп. [Текст] / О.Ибраимов. Бишкек, 2014. – 544 с.

37. **Исмаилова, Г. К.** Тазабек Саманчин – адабиятчы жана сынчы: дис.канд. филол. наук: 10.01.01. / Г.К. Исмаилова. – Б, 2010. – 181с.
38. **Исмаилова, Б.Т.** К.Бобуловдун адабий сынчылык жана илимий изилдөөчүлүк ишмердүүлүгү: дис.канд. филол. наук: 10.01.01. / Б. Т.Исмаилова; -Б, 2016. –151 б.
39. **История киргизской советской литературы.** [Текст] Изд. «Наука». Главная редакция восточной литературы. Москва -1970. – 542 с.
40. **История русской советской литературы (1917 –1940).** Учебник для студентов пед. ин-ов по спец.№ 2101 «Рус.яз. и лит.» [Текст] /А.И.Метченко, В.В.Гура и др.; 2-е изд.-М.: Просвещение, 1983. – 511с.
41. **Казыбаев Памирбек.** Мезгил жана Алыкул. [Текст] / П.Казыбаев. «Бийиктик», Бишкек. 2006. – 206 б.
42. **Карасаев Хусаин.** Камус наама: Араб, иран, кытай, монгол, орус тилдеринен оошуп келген сөздөр жана көөнөргөн сөздөр [Текст] /Х.Карасаев. -Б.: Шам, 1996. – 856 б.
43. **Карымшаков Санарбек.** Качкынбай Артыкбаевдин илимий – сынчылык ишмердиги: дис.канд. филол. наук: 10.01.01. / С.Карасаев; – Б, 2002. – 166 с.
44. **Киргизско-русский словарь.** [Текст] / Сост. К.К.Юдахин. изд. «Сов.энциклопедия». Москва – 1965. – 972 с.
45. **Киргизский героический эпос «Манас»** [Текст] – Москва: Изд-во АН СССР, 1961. – 378 с.
46. **Классикалык изилдөөлөр:** Адабият таануу, 4-китеп. [Текст] / Түз.А.Акматалиев, А.Кадырманбетова, Н.Ыйсаева. – Б.: «Принт – экспресс», 2017. – 532 б.
47. **Классикалык изилдөөлөр:** Адабият таануу, 5-китеп. [Текст] / Түз.А.Акматалиев, А.Кадырманбетова, Н.Ыйсаева. – Бишкек: «Принт – экспресс», 2017. – 664 б.
48. **Кыдырбаева, Р.З.** Лирика Алыкула Осмонова [Текст] / Р.Кыдырбаева. – Фрунзе, 1957. – 113 с.

49. **Кыдырбаева Р.З.** К проблеме традиционного и индивидуального в эпосе [Текст] / Р.Кыдырбаева. «Манас». Ф., «Илим», 1967. – 112 с.
50. **Кыдырбаева, Р.** Осмонов // Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. — М.: Сов. энцикл., 1962—1978. Т. 5: Мурари — Припев. — 1968. — Стб. 483—484.
51. **Кыдырбаева, Р.З.** Генезис эпоса «Манас». Фрунзе: Илим, 1980. — 141 с.
52. **Крылов, И.А.** А.С.Грибоедов. Н.А.Некрасов. [Текст] / И. А. Крылов., — М.: Детская литература, 1984. — 431с.
53. **Кырбашев, Кенеш.** Стиль эпоса "Манас": (По вариантам С. Орозбакова, С. Каралаева) [Текст] / К. Кырбашев. - Фрунзе: Илим, 1983. - 174 с
54. **Кырбашев, Кенеш** “Манас” – баатырдык эпостун классикалык улгусу. [Текст] / К.Кырбашев. – Б.: Шам, 1997. – 76 б.
55. **Кырбашев, К.** “Манас” илим дүйнөсүндө”. [Текст] / К.Кырбашев. – Бишкек. – 2001. 136 бет.
56. **Кыргыз адабиятынын тарыхы.** Фольклор таануу, А.Акматалиевдин жалпы редакциясы астында. [Текст] – Бишкек: 2017. VIII том. – 624 б.
57. **Кыргызы: Источники, история, этнография** [Текст] / Сост. О.Караев, К.Жусупов. – Б.: 1996. – 524 с.
58. **Кыргыз адабияты энциклопедиялык окуу куралы** / башкы редактор Ү. Асанов. [Текст] Мамлекеттик тил жана энциклопедия борбору, Бишкек – 2004. – 254 б.
59. **Лермонтовская энциклопедия.** [Текст] Москва, «Советская энциклопедия» 1981. – 680 с.
60. **Литературный энциклопедический словарь.** [Текст] / Под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева– М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752с.
61. **Манас-героический эпос киргизского народа.** [Текст] – Фрунзе, «Илим». 1968. – 231с.

62. **Манастаануу: кесиптик окуу жайлар үчүн** / Түз. Ч.Алапаева, Н.Токонова – Б.: Турар: 2016. – 200 б.
63. **Мамытбеков, З.** Кыргыз совет адабиятынын алгачкы саамалыктары // Ала-Тоо. – 1970. – № 5 142-155 б.
64. **Мамытбеков, З.** Кыргыздын байыркы жазуулары менен тарыхы жана Манас» // Ала-Тоо 1967. №6 -146-151 бб.
65. **Мамытбеков, З.** Маяковский жана кыргыз поэзиясы (В.В.Маяковскийдин өлгөндүгүнө 25 жыл) Журнал «Советтик Кыргызстан» // З. Мамытбеков. Ф.: Кырг., 1955. – №4, 75-81 –б.
66. **Мамытбеков, З.** «Две поэмы А.Осмонова» в сборнике «Сын макалалары» // З.Мамытбеков. Киргизиздат 1958. – 120-126 с.
67. **Мамытбеков, З.** Проблемы новаторства» Алма -Ата, 1959. - 65-70 с.
68. **Мамытбеков, З.** «Ленинская дружба народов, рожденная Октябрем» // сб. Великий Октябрь и ленинская дружба народов СССР, Ташкент, 1959. – 182-187 с.
69. **Мамытбеков, З.** «А.Осмоновдун балдарга арналган чыгармалары» //Мугалимдер газетасы, 1962. 30-окт.
70. **Мамытбеков, З.** «Евгений Онегин» на киргизском языке» // Русский язык в киргизской школе, №2, 1963. – 33-36 с.
71. **Мамытбеков, З.** «Древняя история киргизов и «Манас» // «Ала Тоо» №7, 1967. – 32-37 с.
72. **Мамытбеков, З.** «Киргизская литература в первые годы Советской власти» // «Ала Тоо» №6, 1970). – 45-52 с.
73. **Мамытбеков З.** «Идеи гуманизма, дружбы и труда в эпосе «Манас» // Труды КГУ, 1978. – 28-35 с.
74. **Мамытбеков, З. Абдылдаев, Э.** «Манас» эпосун изилдөөнүн кээ бир маселелери. [Текст] / З.Мамытбеков, Э. Абдылдаев. Ф.,1966. – 246 б.
75. **Мамытбеков, З.** «Кыргыз совет адабиятынын алгачкы саамалыктары» //Ала Тоо. -1970. - № 5. -142-151 –бб.

76. **Мамытбеков, З.** Пламенный поэт: О творчестве Алыкула Осмонова – [Текст] / З.Мамытбеков. Ф.: Кыргызстан, 1971. – 108 с.
77. **Мамытбеков, З.** Сыдык Карачев. – Кыргызстан маданияты, 1967, 7 декабрь, № 49. – 16 б. 86.6
78. **Мамытбеков, З.** Сыдык Карачев: Эскерүү. /Жазуучу жана журналист/. -Ала-Тоо, 1982. №8 -144 б. 124-127 беттер.
79. **Мамытбеков, З. Ч.** Основоположник киргизской литературы - Токтогул Сатылганов: Материалы в помощь первичным организациям книголюбов [Текст] / З.Мамытбеков. – Ф.: Кыргызстан, 1984. – 16 с.
80. **Мамытбеков, З.** «Кожомурат Сарыкулаков» Кыргызстан маданияты, 1986. № 5. 45-48 с.
81. **Мамытбеков, З.Ч.** Отражение жизни и борьбы киргизов в эпосе «Манас» /Отв.редактор Э.Абдылдаев; АН Кыргызстана, Ин-т литературы и искусства [Текст] / З.Мамытбеков. - Бишкек: Илим, 1992. –188 с.
82. **Мамытбеков, З.** «Маяковский на киргизском языке» журнал «Советтик Кыргызстан» 1955. №4,75-81 бет.
83. **Мамытбеков, З.** «Маяковский жана кыргыз поэзиясы». Журнал «Советтик Кыргызстан» 1955. №4 75-81 бб.
84. **Молдобаев, И.Б.** «Манас» – историко-культурный памятник кыргызов [Текст] / И.Молдобаев. -Б.: Кыргызстан, 1995. – 312 с.
85. **Мусаев, С.** Эпос «Манас». [Текст] / С. Мусаев. Фрунзе «Илим», 1979. - 205 с.
86. **Натадзе, Н.Р., Цаишвили С.С.** Шота Руставели и его поэма. [Текст] / Н.Натадзе, С.Цаишвили. Тбилиси, 1966. – 147 с.
87. **Нелюбин, Л.Л.** Толковый переводоведческий словарь [Текст] /Л.Л.Нелюбин. - 6-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 320с.
88. **Ниязова, Э.А.** Переводы и освоение творчества А.П.Чехова в Кыргызстане (1930-1980 –е годы), 1996.

89. **Обласова, Т.В.** Русская литературная критика рубежа XIX-XX веков: Пути самопознания: религиозно-философское направление: дис.канд. филол. наук: 10.01.01. / Т.В.Обласова; – Т, 2002. – 150 с.
90. **Огнева, Е.А.** Художественный перевод: проблемы передачи компонентов переводческого кода: Монография. 2-е изд., доп. [Текст] / Е.Огнева. – Москва: Эдитус, 2012. – 234 с.
91. **Ожегов, С.И.** Толковый словарь русского языка. Москва, «Русский язык» [Текст] / С.И.Ожегов. 1964. – 944с.
92. **Ожегов, С.И.** и Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка [Текст] /С.Ожегов, Н.Шведова – М.: ООО «А ТЕМП», 2013. – 874 с.
93. **Осмонов, А.** Рекомендательный библиографический указатель. [Текст] / Составитель О.С. Сухомлинова. Ф., 1990. – 125 с.
94. **Основные понятия переводоведения** (Отечественный опыт). Терминологический словарь-справочник [Текст] / Отд. языкознания; Отв. редактор канд. филол. наук Раренко М.Б. – М., 2010. – 260 с.
95. **Очерки истории киргизской советской литературы.** [Текст] Издательство АН Киргизской ССР. Фрунзе 1961. – 520 с.
96. **Пеньковский, А.Б.** Нина. Культурный миф золотого века русской литературы в лингвистическом освещении. [Текст] / А.Пеньковский. М.: Издательство «Индрик», 1999. – 520 с.
97. **Поэтика перевода:** Сборник: Пер. с разных яз. [Текст] / Составл.С.Гончаренко; Преисл. Е.Николовой. – М.: Радуга,1988. – 236 с.
98. Под бездонным куполом Азии. Книга для чтения с удовольствием: В 3-х ч. Ч. 2 / Сост. А.С. Кацев – авт. пред., прим., Н.Л. Слободянюк. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. – 234 с.
99. **Поливанов, Е.Д.** Киргизский героический эпос «Манас»: Исследования и переводы/ Сост., подгот. Текста, вступ. статья М.А.Рудова: вступ. Статья В.М.Плоских [Текст] / Е.Поливанов. – Б., Фонд «Сорос-Кыргызстан», 1999. – 128 с.

100. **Радлов, В.В.** Краткий отчет о поездке в Семиреченскую область и на Иссык-Куль летом 1869г. Изв.русс. импр. геогр. общ. Т.6 [Текст] / В.В.Радлов. М., 1870. – 688с.
- 101.**Радлов, В. В.** Образцы народной литературы северных тюркских племен. Часть V. Наречие дикокаменных киргизов. [Текст] / В.В.Радлов. – Санкт Петербург, 1885. – 665 с.
- 102.**Ромодин В.А.** Извечения из “Маджму – ат – таварих”. / Перевод, комментарии В.А.Ромодина. Ленинград. Июль – ноябрь 1963. – 110с.
- 103.**Рысалиев, К.** О переводе стихотворений и поэмы Лермонтова на кирг.яз. [Текст] / К.Рысалиев. – «Сов.Кырг-н» 1956. №2 – 95 стр.
- 104.**Рысалиев, К.** Бул жөнүндө сөз кылуу керек. /Редакцияга кат/ -[Текст] / К.Рысалиев. Советтик Кыргызстан. 1962. 8-апрель – 3б.
105. **Садыков, А.** Алыкул Осмоновдун поэзиясындагы традиция жана новаторлук. [Текст] / А.Садыков. Фрунзе. 1962. – 128 б.
106. **Садыков Абдыкадыр.** Кыргыз залкарлары. I том. Алыкул Осмонов, Суйунбай Эралиев. [Текст] / А.Садыков. – Б.: Бийиктик, 2008. – 372 б.
107. **Сайф-ад-дин ибн дамулла шах Аббас Ахсиканти, анын уулу Нурмухаммед.** Тарыхтардын жыйнагы (Маджму – ату - таворих) /катор. М.Досболов, О.Сооронов [Текст] / Сайф-ад-дин ибн дамулла шах Аббас Ахсиканти, анын уулу Нурмухаммед. -Б.: «Акыл» мамконцерни, 1996. – 128 б.
108. **Сказки А.С.Пушкина с рисунками и пояснениями.** [Текст] Издательство «Вече», - Москва: Вече, 1999. – 216 с.
- 109.Стенограмма Всесоюзной научной конференции, посвященной изучению эпоса «Манас». (5-10 июня 1952г., г.Фрунзе) [Текст] –Б.: Турар, 2015. – 360 с.
110. **Сыдыков, А.** Героические мотивы в эпосе «Манас». [Текст] / А.Сыдыков. Фрунзе «Илим», 1982. – 135 с.
111. **Тентимишев Мундузбек.** Алыкул энциклопедиясы (Адабий-популярдуу баян) [Текст] / М.Тентимишев. -Б.: Салам, 2015, – 780 б.

112. **Токчоро Жолдош уулу.** Адабий сын чыгармалары. [Текст] / Токчоро Жолдош уулу -Б.: 2007. – 228 с.
113. **Турусбек теги Жакыпбек уулу.** Алыкулга таазим [Текст] / Турусбек теги Жакыпбек уулу - Бишкек, 1995. – 145 б.
114. **Тынымсеитова, Ж.** Алыкулга гүлдесте. [Текст] / Ж.Тынымсеитова. Ф., «Кыргызстан» 1975. – 50 б.
115. **Уметалиев, Ш.** Алыкул Осмонов (өмүрү жана чыгармачылыгы) Ф.: Кыргызстан мамлекеттик басмасы, 1958. – 184 б.
116. **Устабаева, Г.К.** К.Артыкбаевдин адабий сынчылык чеберчилиги: автореферат канд. фил. наук: 10.01.01. / Г.К.Устабаева. - Б, 2013. – 25 с.
117. **Усупова, М.К.** Калим Рахматуллин – исследователь эпоса «Манас»: автореферат канд. фил. наук: 10.01.09. / М.К.Усупова. – Б,2018. – 27 с.
118. **Философский словарь** / авт.-сост. С. Я. Подопригора, А. С. Подопригора. — Изд. 2-е, стер. — Ростов н/Д: Феникс, 2013. – 562 с.
119. **Хансрадж, Рахбар.** Жизнь и творчество Премчанда. [Текст] / Р.Хансрадж. Издательство восточной литературы. Москва, - 1963. –189 с.
120. **Худяков, Ю.С.** Вооружение енисейских кыргызов VI- XII вв. [Текст] / Ю.Худяков. – Новосибирск: Наука, 1980. –176 с.
121. **Худяков, Ю.С.** Кыргызы на Табате [Текст] / Ю.Худяков. – Новосибирск: Наука, 1982. – 238 с.
122. **Шаповалов, В.И.** Кыргызская поэзия в русских переводах (30-50-е годы). Методология. История. Стихотворная поэтика. 1993 г.
123. **Шаповалов, В.А.** Язык переводческой науки: Учебная энциклопедия. Словарь терминов транслатологии: в 2-х т. – Т. 2 [Текст] / В. Шаповалов / Инн. Проект «Транслатология: разработка системных параметров научной отрасли и профессиональной подготовки специалистов». – Б.: КРСУ, 2015. – 614 с.
124. **Шимеев, С.** О переводе поэзии на киргизский язык. [Текст] / С.Шимеев. – «Сов. Кырг-н», 1955. №10 – 81стр.

125. **Эркебаев, А.** Сын жана сынчылар [Текст] / А. Эркебаев. – Фрунзе: Кыргызстан, 1986. – 160 б.
126. **Эткинд, Е.Г.** Поэзия и перевод. [Текст] / Е.Г.Эткинд. – Москва-Ленинград: Советский писатель, 1963. – 431с.
127. **Эткинд, Е.Г.** Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина. [Текст] / Е.Г.Эткинд. – Ленинград: Наука, 1973. – 250 с.

Художественная литература:

128. **Байджиев, М.** Сказание Манас, Семетей, Сейтек: Поэтическое переложение трилогии кыргызского эпоса «Манас». Ред. и авт. послесл. Г.Н. Хлыпенко; Худ. оформл. Б. Куренкеева. [Текст] / М.Байджиев. – Б.: «Улуу тоолор», 2014. – 320 с.
129. **Бутромеев, В.П.** Классическая японская поэзия. Влюбленной хризантемы лепестки. Сто стихотворений сто поэтов. Под ред. В.П.Бутромеева, В.В.Бутромеева. [Текст] / В.Бутромеев. – М.: Олма Медиа Групп. 2010. – 304 с.
130. **Горький, Максим.** Полное собрание сочинений [Текст]: художественные произведения: в 25 т. / М. Горький; АН СССР, Институт мировой литературы им. А. М. Горького. - Москва: Наука, 1968. – 765с.
131. **Ершов, П.П.** Дулдул. Которгон З.Мамытбеков [Текст] / П.Ершов. Кыргыз мамлекеттик окуу-педагогикалык басмасы. Фрунзе –1959. – 138 бет.
132. **Ершов, П.П.** Конек-горбунок [Текст] / П.Ершов. –М.: Сов.Россия, 1976. – 135 с.
133. **Индиялык жазуучулардын ангемелери** [Текст] Кыргызмамбас. Фрунзе-1956. – 270-б.

134. **Искры не угасли.** Новеллы индийских писателей. Предисл. В.И.Балдина. Худож.Э.Днепров. [Текст] М., Главная редакция восточной литературы, изд. «Наука», 1969. –192 с.
135. **Крылов, И.А.** Басни. [Текст] / И.Крылов. «Детская литература» Москва, 1971. – 151 с.
136. **Кыргыз поэзиясынын антологиясы.** I том [Текст] / Түз. К. Жусупов. – Б.: «Кыргызстан – Сорос» фонду, 1999. – 740 б.
137. **Лермонтов, М.Ю.** Поэмы. [Текст] / М.Лермонтов. Куйбышевское книжное издательство. – К.: 1975. – 102 с.
138. **Лермонтов, М.** Полное собрание стихотворений: в 2-х т. Т.1. Стихотворения и драмы /Высуп.сл. Д.Е.Максимова, сост., подг. текста и примеч. Э.Э.Найдича. [Текст] / М. Лермонтов. – Л.: Сов.писатель, 1989. – 688 с.
139. **Лермонтов, М.Ю.** «Для мира и небес чужой...» Стихотворения. Поэмы. Малая проза. / Сост., эссе о поэте Аллы Марченко. [Текст] / М.Лермонтов. - М.: Школа-Пресс, 1998. – 464 с.
140. **Лермонтов, М.Ю.** Демон. Измаил-бей. Маскарад. [Текст] / М. Лермонтов. Ф.: «Мектеп» басмасы, 1972. – 289 б.
141. **Лермонтов, М.Ю.** Демон. Которгон З.Мамытбеков. [Текст] /М.Лермонтов. Фрунзе, «Кыргызмамбас», 1951. – 51 бет.
142. **Лермонтов, М.Ю.** Избранные произведения/ (Сост. Е.В.Дмиртиенко) [Текст] / М.Лермонтов. -Мн.: Маст.лит., 1985. – 559с.
143. **Лермонтов, М.Ю.** Избранные сочинения: в 3 т. Т.2 [Текст] / М. Лермонтов. –М.: Русская книга, 1996. – 448 с.
144. **Лермонтов, М.Ю.** Сочинения т. 1[Текст] / М.Лермонтов. Москва, 1988. – 720 с.
145. **Лермонтов, М.Ю.** Ырлар жана поэмалар [Текст] / М.Лермонтов. Ф.: Кыргызстан мамлекеттик басмасы, 1954. – 208 б.
146. **Манас.** Киргизский эпос. Великий поход [Текст] М.: Гос.изд. худ. лит., 1946. – 371 с.

147. **Манас: Кыргыз элинин баатырдык эпосу.** С. Орозбаковдун варианты боюнча. [Текст] / КРУИАнын Ч.Айтматов атындагы Тил жана адабият институту. Түз: С.Мусаев, А.Акматалиев. -Б.: Хан-Тенир, 2010. –1840 б.
148. **Манас. Киргизский героический эпос.** Книга 3 [Текст] – М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1990. – 512 стр.
149. **Манас: Эпос/Саякбай Каралаевдин варианты боюнча. I китеп.** [Текст] -Ф.: Кыргызстан, 1984. – 248 бет.
150. **Маяковский, В.В.** Избранная лирика. Стихотворения и поэмы. Изд.2-е [Текст] / В.Маяковский. – М.: Детская литература, 1977. – 238с.
151. **Некрасов, Н.А.** Мороз, Красный нос. Русские женщины. Вступ. статья Н.Скатова. Ил. худож. В.Бескаравайного [Текст] / Н.Некрасов. Л., «Худож. лит.», 1975. – 156 стр.
152. **Некрасов, Н.А.** Стихотворения. Поэмы. Воспоминания современников. /Выступ. ст., сост. и прим. Н.К.Некрасова [Текст] / Н.Некрасов. -М.: Правда, 1990. – 480 с.
153. **Некрасов, Н.А.** Ырлар жана поэмалар. [Текст] / Н.Некрасов. Фрунзе, «Кыргызсан» басмасы, 1971. – 96 б.
154. **Н.А.Некрасов.** Ырлар жана поэмалар. [Текст] / Фрунзе, Кыргызмамбас. 1953. – 66 б.
155. **Некрасов, Н.А.** Ырлар. [Текст] / Н.Некрасов. Фрунзе, «Мектеп» басмасы, 1971. – 56 б.
156. **Некрасов, Н.А.** Кызыл тумшук, карт аяз. [Текст] / Н.Некрасов. Кыргызокуупедмамбас.1955. – 40 б.
157. **Осмонов, А.** Навек Иссык-Куль полюбила Нева... Избранные стихи и поэмы [Текст] /Алыкул Осмонов. - М.: «Исолог», 2013. – 368 с.
158. **Осмонов, А.** Ата Журт, Ырлар, поэмалар, обондуу ырлар: Балдар үчүн: / Түз.Н.Калыбеков. [Текст] / А.Осмонов. - Б.: «Бийиктик»; 2010. – 88 б.

159. **Осмонов, А.** Толубай сынчы: Ырлар, поэмалар /Түз. Б.Алымов. – 2-чи басылышы [Текст] А.Осмонов. - Ф.: Мектеп, 1979. – 80 бет.
160. **Осмонов, А.** Собрание сочинений. 3 том. Переводы. [Текст] / А.Осмонов «Кыргызстан» Фрунзе, 1967. – 670 с.
161. **Осмонов, А.** Избранное [Текст] /А.Осмонов. М., «Худож. лит.», 1975. – 271с.
162. **Осмонов, А.** Стихотворения и поэмы [Текст] /А.Осмонов. – Л.: Сов.писатель,1990. – 304с.
163. **Осмонов, А.** Чыгармалар жыйнагы: 3 томдук (Собрание сочинений в 3 т.) [Текст] / А.Осмонов. – Ф.: Кыргызстан: 1986. – 670 с.
164. **Осмонов, А.** Отчий край: стихотворения и поэмы. [Текст] /А.Осмонов – Ф.: Кыргызстан, 1987. – 256 с.
165. **Премчанд.** Колодец тхакура. [Текст] / Премчанд. Издательство иностранной литературы. Москва, 1955. – 249 с.
166. **Прем Чанд.** Нирмала. [Текст] /Прем Чанд. Издательство иностранной литературы. Москва, 1956. – 174 с.
167. **Премчанд.** Избранное: Пер. с хинди и урду. /Редкол.: Е.Чернышев, Ч.Айтматов, Г.Анджапаридзе и др., коммент. В.Балина, Л.Савельевой, Я. Василькова [Текст] / Премчанд. – М.: Худож.лит.,1989. – 706с.
168. **Пушкин, А.С.** Евгений Онегин [Текст] / А. Пушкин. – Санкт-Петербург, 2012. – 178 с.
169. **Рудов, М.А.** Басни Крылова на языках народов России и Советского Союза [Текст] / М.А.Рудов. – Бишкек: Изд – во КРСУ, 2019. – 236 с.
170. **Руставели, Шота.** Витязь в тигровой шкуре. / Пер. Н. Заболоцкого. [Текст] / Ш. Руставели. М, «Художественная литература» 1969, – 449 с.
171. **Руставели, Шота.** Жолборс терисин кийген баатыр.: Поэма / Котор. А. Осмонов. Басууга даярдаган, баш сөзүн жазган П.Казыбаев [Текст] / Ш.Руставели. – 7 басылышы. - Б.: Бийиктик, - 2010. 336 бет.
172. **Руставели, Шота.** Витязь в тигровой шкуре. [Текст] / Ш. Руставели. Москва. «Правда» 1987. – 374 с.

173. **Толстой, Л.Н.** Хаджи - Мурат. Которгон Зайыр Мамытбеков [Текст] / Л.Толстой. - Ф.: «Кыргызстан» 1973. – 136 бет.
174. **Толстой, Л.Н.** Хаджи-Мурат: Повести. [Текст] / Л.Толстой. – М.: Сов. Россия, 1989. – 272 с.
175. **Япон акындары.** [Текст] Кыргызстан мамлекеттик басмасы, Фрунзе-1959. – 184 б.
176. **Японская поэзия.** [Текст] Государственное издательство художественной литературы. Москва: 1954. – 478с.

Интернет ресурсы:

177. <http://turkicstudies.ru/vypuskniki-1940-e-2010-e-gg/>
178. <https://ky.wikipedia.org/wiki/>
179. <http://www.welcome.kg/>
180. <http://www.stihi.ru/>
181. <https://ru.wikipedia.org>